

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-7898

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2018

Perm University Herald
Series «Philosophy. Psychology. Sociology»

Выпуск 2
Issue 2

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК
РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внумских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), Олег Александрович Барг (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, профессор, Пермь), Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Сергей Владимирович Комаров (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Лева Асканазович Мусаелян (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Михаил Иванович Ненашев (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), Сергей Анатольевич Никольский (профессор, докт. филос. наук, Москва), Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), Александр Владимирович Перцев (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), Елена Васильевна Левченко (профессор, докт. психол. наук, Пермь), Наталья Анатольевна Логинова (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, Киров), Александр Октябринович Прохоров (профессор, докт. психол. наук, Казань), Елена Евгеньевна Сапогова (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), Евгения Анатольевна Козай (профессор, докт. филос. наук, Курск), Наталья Александровна Лебедева-Несея (докт. социол. наук, профессор, Пермь), Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), Галина Ивановна Осадчая (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), Татьяна Николаевна Юдина (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), Александр Алексеевич Строканов (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), Джорджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Компьютенсе, Испания), Стивен Д. МакДаэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnukikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow),
Oleg A. Barg (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesvrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm),
Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow),
Tatyana N. Yudina (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexander A. Strokanov (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatsfs@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса <i>Рыбин В.А.</i>	179	Biomarxism as the experience of modern reconstruction of Marx's theory <i>Vladimir A. Rybin</i>
О мировоззрении, его структуре и отношениях с философией <i>Шрейбер В.К.</i>	191	On worldview, its structure and relation to philosophy <i>Viktor .K. Shreiber</i>
К феноменологии традиционного текста: заговоры социальной направленности как «машины желания» <i>Домников С.Д.</i>	203	To phenomenology of traditional text: charms of social orientation as «desire machines» <i>Sergey D. Domnikov</i>
К вопросу о методах «мировоззренческой интеграции» в процессе изучения русского языка как иностранного <i>Перцев А.В., Соковнина И.Я.</i>	214	On the methods of the «worldview integration» in the process of learning Russian as a foreign language <i>Alexander V. Pertsev. Irina Ya. Sokovnina</i>
Современные практики развития взрослости: философские и психологические аспекты <i>Шевкова Е.В., Березина Е.М., Полянина О.И.</i>	221	Modern practices facilitating adulthood: philosophical and psychological aspects <i>Elena V. Shevkova, Elena M. Berezina, Olga I. Polyanina</i>
Религиозный аргумент в публичной сфере: толерантность и идентичность <i>Логинов А.В.</i>	229	Religious argument in public sphere: toleration and identity <i>Aleksey V. Loginov</i>
«Вечное возвращение» Ницше и античность <i>Колесников И.Д.</i>	236	Nietzsche's «Eternal Recurrence» and the antiquity <i>Ilya D. Kolesnikov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода <i>Лебедев А.Н.</i>	243	The psychological state of Russian society in the light of macro-psychological approach <i>Aleksander N. Lebedev</i>
История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода <i>Калугин А.Ю.</i>	252	History and prospects of studying integral individuality within the system approach <i>Aleksey Yu. Kalugin</i>
Тема коммуникации и коммуникативные концепты экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии, психотерапии и психологии <i>Власова О.А.</i>	264	The theme of communication and communicative concepts of the existential-phenomenological tradition in psychiatry, psychotherapy and psychology <i>Olga A. Vlasova</i>

Особенности вербальной и невербальной
кreatивности у учащихся социального
и художественного направления обучения
Дудорова Е.В., Шумкова С.В.

271

Features of verbal and non-verbal creativity
of students who specialize in social sciences
and arts
Ekaterina V. Dudorova, Svetlana V. Shumkova

СОЦИОЛОГИЯ

К вопросу о социальных практиках
сохранения культурно-религиозных
традиций мусульманских народов,
проживающих в Пермском крае
Сироткин П.Ф.

278

On social practices for preservation of cultural
and religious traditions of Muslim peoples
living in the Perm region
Pavel F. Sirotkin

Модели и динамика поведения, связанного
со здоровьем, экономически активных
россиян
Лебедева-Несеевра Н.А., Маркова Ю.С.

287

Health-related behavior of economically
active Russians: models and dynamics
Natalia A. Lebedeva-Nesevria, Yulia S. Markova

Исследование автопарковки с помощью
визуальной социологии
Колесниченко М.Б., Серебрянский Д.И.

297

Studying of a car park with visual sociology
Milana B. Kolesnichenko, Daniil I. Serebryansky

Цена развода: как помогают дети своим
пожилым разведенным родителям?
Третьякова Е.А.

306

The cost of divorce: how children help their
elderly divorced parents?
Ekaterina A. Tretyakova

Информация для авторов

315

Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-179-190

**БИОМАРКСИЗМ: ОПЫТ НОВЕЙШЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
УЧЕНИЯ МАРКСА***Рыбин Владимир Александрович**Челябинский государственный университет*

Кризис современного глобального капитализма вновь обостряет интерес к учению Карла Маркса, но в новой ситуации все прежние его версии демонстрируют свою ограниченность и неэффективность. Актуализируется запрос на реконструкцию марксистского учения с опорой как на весь комплекс достижений научного познания за прошедшие полтора века, так и на обновленное прочтение классических текстов. Углубленный анализ главных работ Маркса раннего и позднего периодов творчества позволяет утверждать, что его подход к решению основной задачи марксизма — выработке принципов функционирования нового, приходящего на смену капитализму общества, был более содержательным, нежели представлялось до сих пор. Для Маркса главным был вопрос о жизни, о сущности живого. В «Экономически-философских рукописях 1844 года» культура концептуализирована Марксом в образе живой целостности, включающей в себя и живой организм конкретного человеческого индивида, и всю совокупность артефактов, творимых им из вещества природы. «Капитал» как основная научно-теоретическая работа Маркса в значительной мере посвящен рассмотрению антропологически деструктивных эффектов промышленного производства в рыночных условиях. Живое в системе патологически функционирующего живого — такова базисная методологическая установка Маркса. Но недостаточное развитие наук о жизни в его время не позволили довести эту идею до полной ясности. В немалой степени именно по этой причине марксизм в последующем подвергся искажениям и не смог полностью реализовать свой гуманистический потенциал. Однако в наши дни новейшие достижения в науках о жизни создают предпосылки для обновления учения Маркса согласно исходному замыслу — в форме биомарксизма. В этом отношении наибольшей эвристической значимостью обладает «Теоретическая биология» Эрвина Бауэра и открытые им на уровне живого организма основополагающие общебиологические принципы. Экстраполяция этих принципов на уровень биосфера создает возможность раскрыть специфику жизненного процесса в естественной природе, а затем отмоделировать его в масштабах культуры применительно к человеку, тем самым осуществив адекватную современным условиям реконструкцию учения Маркса.

Ключевые слова: марксизм, природа, жизнь, биология, человек, культура, промышленность, капитализм, морфология, болезнь, иерархия.

**BIOMARXISM AS THE EXPERIENCE OF MODERN RECONSTRUCTION
OF MARX'S THEORY***Vladimir A. Rybin**Chelyabinsk State University*

The crisis of the modern global capitalism again attracts scientific interest to the theory of Karl Marx. However, in the new situation, all its earlier versions demonstrate their limitations and inefficiencies. The new request for the reconstruction of the Marxist teaching is based both on the whole complex of scientific cognition achievements over the past one and a half centuries and on modern review of classical works. An in-depth

analysis of Marx's main works of the early and late periods allows us to affirm that his method of solving the basic task of Marxism — elaboration of the principles for the new society which would replace capitalism — is more meaningful than it was supposed before. The main question for Marx was the question of life and the essence of the living. *In the Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*, culture was conceptualized by Marx through the image of living integrity, which includes both the living organism of a particular human individual and the totality of artifacts created by man from the substance of nature. *Capital*, being the main scientific and theoretical work of Marx, is largely devoted to the consideration of anthropologically destructive effects of industrial production in market conditions. The «living» in the system of a pathologically functioning living entity is the basic methodological idea of Marx. Insufficient development of natural sciences in Marx's lifetime did not allow him to develop this idea in its complete clarity. This is one of the main reasons why Marxism was later distorted and could not fully realize its humanistic potential. However, these days the latest achievements in natural sciences create the prerequisites for the review of Marx's teachings in accordance with their original purpose — in the form of biomarxism. In this respect, Erwin Bauer's Theoretical Biology and basic general biological principles discovered by him at the level of a living organism are of great heuristic significance. Extrapolation of these principles on the level of biosphere creates the opportunity to disclose the specific features of the life process in the natural environment, and then to model it in the scale of culture in relation to man, thereby providing the reconstruction of Marx's teaching adequate to modern conditions.

Keywords: Marxism, nature, life, biology, man, culture, industry, capitalism, morphology, disease, hierarchy.

Введение

В современной ситуации перехода от «предыстории» к «истории» и обострения в связи с этим системного кризиса современного капитализма интерес к творчеству Маркса закономерно возрастает. Одновременно усиливается потребность в обновленном, углубленном понимании его учения, в конечном счете — в его доработке с учетом результатов более чем 150-летнего процесса его развития. Многообразие возникших за это время вариантов марксизма, а также неудача всех попыток практически реализовать соответствующий ему социально-политический проект с опорой на ортодоксальное истолкование его ведущих положений позволяют утверждать, что марксизм еще не завершен. Главное, без ответа остается коренной для него вопрос: как будет функционировать общество нового типа, лишенное прежних (рыночных) стимулов и социальных (классовых) противоречий? В том, что капитализм должен смениться более совершенной формой организации социума, сегодня мало кто сомневается: «Вопрос, который теперь стоит перед миром, не в том, как правительства могут реформировать капиталистическую систему, чтобы она могла восстановить свою способность эффективно заниматься бесконечным накоплением капитала. Способа добиться этого не существует. Так что встает вопрос о том, что придет ей на смену» [Валлерстайн И., 2015, с. 56]. Ссылки на возможность найти такой ответ в ходе самого практического движения, оправданные в свое время неразвитостью общеисторической ситуации, утратили ныне свою убедительность по

причине ее невиданного усложнения и вытекающей отсюда необходимости осмысленно управлять процессом дальнейшего общественного развития. Тем самым со всей очевидностью встает вопрос о такой реконструкции учения Маркса, которая учитывала бы наиболее важные аспекты наработанного за прошедший период коллективного опыта в его политической и научной составляющей, а также конкретные исторические обстоятельства «текущей современности» (З. Бауман).

Исходные положения

В творчестве Маркса четко выделяют два периода: *ранний* — «философский», связанный, как теперь принято считать, в основном с «Экономико-философскими рукописями 1844 года» и с «Тезисами о Фейербахе», и *поздний* — «политэкономический», посвященный написанию «Капитала». Теоретическую разнородность этих основополагающих для марксизма теоретических источников трудно оспаривать [Грецкий М.Н., 2000, с. 225]; равным образом невозможно и отрицать, что, взятые порознь, они выглядят односторонними: антропологические разработки раннего Маркса остаются на уровне философских штудий, не обладающих потенциалом для перехода на уровень практической реализации; I-й том «Капитала» (единственный вышедший в свет при жизни Маркса) и подготовительные работы к нему предстают как безупречный анализ индустриального капитализма и выражавших его политэкономических теорий, но не содержат четких указаний относительно той общественной модели, которая должна прийти ему на

смену. Ни в творчестве самого Маркса, ни в концепциях его последователей марксизм не преодолел этого раздвоения и, как следствие, не вышел на уровень теории, обладающей методологической и содержательной однородностью, а следовательно, и той научно-практической эффективностью, на которую он претендовал. С объяснения причин данного факта и следует начать реконструкцию замысла Маркса применительно к современности.

Новый взгляд на теоретические постулаты

Прежде всего приходится констатировать, что ориентиры адекватного понимания этого замысла были смешены уже при первых попытках внедогматической — выходящей за рамки экономического детерминизма — его интерпретации, связанной с публикацией и введением в широкий теоретический оборот «Экономико-философских рукописей 1844 года», впервые опубликованных на русском языке в 1956 г. Перевод на русский язык некоторых, наиболее важных и ставших каноническими фрагментов этого трактата, представляется как минимум неточным, как максимум — искажающим подлинную идею Маркса. Особого внимания заслуживает тот раздел главы XXIV «Отчужденный труд», где раскрывается деятельностьная сущность человека, проявляющаяся им в процессе орудийно опосредованного воздействия на природу, которая «есть неорганическое тело человека» [Маркс К., 1956, с. 564–565; Маркс К., 1974, с. 92]. На основе этого перевода сложилась целая традиция, приписывающая Марксу создание такой картины мира, согласно которой культура, формируемая как результат взаимодействия человека и природы, «представляет собой двухкомпонентную систему, включающую биологическую составляющую плюс “неорганическое тело человека” (термин К. Маркса)» [Степин В.С., 2016, с. 35]. Более конкретно: «У человека, стало быть, не одно тело, а два. Второе, неорганическое тело он конструирует сам, своим трудом, из материала внешней природы» [Майданский А.Д., 2014, с. 276].

Как будто все верно — у Маркса в пределах одного абзаца в самом деле несколько раз употребляется выражение, которое в каноническом переводе звучит как «неорганическое тело человека» [Маркс К., 1974, с. 92]. Но присмотримся повнимательнее. Сначала переместим внимание с этих общеизвестных фраз на предложения, завершающие данный абзац: «Практически уни-

версальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно — природа в той мере, в какой она не есть человеческое тело» [Маркс К., 1974, с. 92]. Маркс недвусмысленно разводит тут неживую «материю», которая трансформируется человеком в орудия труда (в технику, в производство, в «промышленность»), то есть в его внешнее «неорганическое тело», с одной стороны, и живую природу, которая выступает для этого «непосредственным жизненным средством», то есть опять же его внешним, но «органическим телом» — с другой.

Обратимся к немецкому тексту: «Die Universalität des Menschen erscheint praktisch eben in der Universalität, die die ganze Natur zu seinem unorganischen Körper macht, sowohl insofern sie ein unmittelbares Mittel, als inwiefern sie d. Gegenstand / Materie und das Werkzeug seiner Lebenstätigkeit ist. Die Natur ist der unorganische Leib des Menschen, nämlich die Natur, so weit sie nicht selbst menschlicher Körper ist» [Маркс К., 1982, S. 240]. Используемые в данном фрагменте слова «*Körper*» и «*Leib*» обозначают «тело» и переводятся соответственно как «тело-остов, тело-корпус» и «тело-вещество, тело-плоть», но в любом случае речь идет о живой — «органической» — субстанции. Следовательно, прилагаемое к ним определение *unorganisch* надо переводить не как «неорганическое», а как «внеорганизменное» — «внеорганизменное тело человека». Что означает внеиндивидуальность тела природы по отношению к индивидуальному человеческому организму и ничего больше.

Подлинный концепт Маркса

Выходит, у человека не два, а три тела: одно внутреннее — это человек в образе его индивидуального, организменного тела, и два внешних — это «природа» и «промышленность» как, соответственно, органический и неорганический компоненты его внеорганизменного тела. Соотношение этих трех компонентов меняется по ходу истории, но сама структура этого единства остается неизменной.

Подобного же понимания Маркс придерживался и в дальнейшем: написанная в 1875 г. «Критика Готской программы» начинается с до-

казательства необоснованности попыток представить «труд» (антропологически нагруженное истолкование «промышленности») в качестве единственного компонента, формирующего «общественное богатство», т.е. культуру. Во внеорганизменный средовой контекст культуры Маркс прямым текстом включает еще и природу, используя курсив для более точного выражения своей мысли: «Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит общественное богатство!), как и труд» [Маркс К., 1961, с. 13].

Таким образом, трехкомпонентная модель остается для Маркса парадигмальной на протяжении всего его творчества. Отсюда резонно предположить, что и осуществляемые в «Капитале» разработки политэкономического характера направлены на конкретизацию этой модели посредством более четкой расстановки антропологических акцентов и прослеживания соответствующих им закономерностей в социально-экономической сфере. В пользу этого вывода свидетельствует то обстоятельство, что фактически более половины, если не две трети текста первого тома «Капитала» посвящены анализу тех разрушительных эффектов, которые организм человека (человеческое естество, т.е. индивидуально представленная «природа») претерпевает под прямым и опосредованным воздействием рыночно ориентированной «промышленности», персонифицированно противостоящей «рабочему как капитал, как мертвый труд, которые подчиняет себе живую рабочую силу и всасывает ее» [Маркс К., 1960, с. 434]. Отсюда следует, что «Капитал» — это не чисто экономическое, а прежде всего антропологическое исследование. И предметом этого исследования является проблема жизни в образе человека как живого существа, противостоящего субъективизированным в капитале силам, которые грозят его поглотить: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» [Маркс К., 1960, с. 244].

В общем, все свидетельствует в пользу того, что культура для Маркса — это «тело», «организм», живая система, в которой живой человек существует и развивается в единстве с его двухкомпонентным внеорганизменным телом. Однако реализация этой установки сталкивается у Маркса с трудностями. Исследуя те обстоятельства, в каких на определенных исторических

этапах данное единство обретает разрушительные, патологические формы, и удерживая в своем сознании (скорее интуитивно, чем целенаправленно) эту базисную модель культуры, Маркс на место прежних мистических и натурфилософских аналогий между человеком и средой (наподобие представлений о единстве макрокосмоса и микрокосмоса) стремится поставить некие обладающие научной значимостью закономерности, однако в разработке подобной интерпретации он вынужден идти от ограниченных политэкономией достижений научного обществознания своего времени, что в процессе исследования заставляет его относить тщательно прослеживаемые в «Капитале» антропологически деструктивные эффекты не к исторически превратному соотношению всех трех компонентов этой модели, а к политэкономически истолкованному социуму. Создается плоскостная, а не объемная картина. Что в конечном счете и не позволяет Марксу свести философскую и научную части своего концепта в теоретически однородное единство и тем самым довести свое учение до стадии завершенной научной теории. Поэтому «Капитал» — это незавершенная часть непостроенного здания.

Современная теоретическая ситуация

Если приведенная выше аргументация достоверна, то этим зданием должна была стать модель антропологически ориентированной и научно (с опорой в первую очередь на данные наук о жизни) конкретизированной социокультурной целостности общечеловеческого масштаба — культуры в образе живого организма. Понятно, что в современную Марксу эпоху, когда научная биология (прежде всего в виде теории Дарвина) еще только продолжала свое становление, а экология была далека от оформления в отдельную дисциплину, подобная модель и не могла быть завершена. Но сегодня положение изменилось — трехкомпонентность среди человеческого обитания («человечество — производство — природа» [Казначеев В.П., 1985, с. 46–47]) с недавних пор принимается как не требующее доказательств обстоятельство, а «организменный» подход больше не вызывает отторжения со стороны научного сообщества: «Постепенно в науке складывается убеждение, что окружающий нас мир не является случайным собранием разрозненных материальных объектов, а есть единый живой, развивающийся организм, частями которого являются всевозможные предметы, живые

организмы, люди» [Хлебосолов Е.И., 2010, с. 285]. В этих условиях открывается возможность осуществить реконструкцию учения Маркса согласно его исходному замыслу в форме социально-антропологического учения, опирающегося на новейшие достижения всей совокупности наук о живом. *Биомарксизм — так должна именоваться эта версия.*

Каковы наличные условия решения этой задачи? С учетом сказанного выше культура выглядит как некий системный резервуар, образованный двумя компонентами внеиндивидуального тела человека, т.е. как «черный ящик», о внутренних закономерностях которого мы пока можем судить лишь приблизительно, опираясь на косвенно и недостоверно отражающие их данные сугубо экономического порядка; зато «на выходе» этой скрыто функционирующей системы мы имеем реальные, вполне доказательные результаты ее работы в виде экологических, биологических и медико-антропологических эффектов (в основном деструктивных). Отсюда процесс выстраивания модели биомарксизма должен включать в себя по меньшей мере три шага в следующей последовательности: сначала на базисе биологического знания выделение неких общебиологических принципов, характеризующих воспроизводство живых систем в целом; затем концептуализация закономерностей надприродного порядка, переводящих процесс воспроизводства культуры как живой системы на более высокий уровень по сравнению с природой; наконец, выработка на этой основе методологии моделирования общества нового типа.

К вопросу о концепции глобального эволюционизма

Для экспликации общих закономерностей живого на первый взгляд нет никаких серьезных препятствий, поскольку для выверенной философской интерпретации конкретных данных, наработанных в науках о живом, уже имеется такая авторитетная общетеоретическая концепция, как глобальный (универсальный) эволюционизм, а также ряд более частных его модификаций (концепции коэволюции, восходящей эволюции, носферы в различных ее вариантах и пр.).

И тем не менее, все версии глобального эволюционизма, включая концепцию единого закономерного мирового процесса как его отечественную модификацию [Орлов В.В., 1999, с. 66–92], восходящую к учению Ф. Энгельса о формах движения материи, обладают одним су-

щественным недостатком: рассмотрение эволюции как интегрального прогресса в образе бесконечного движения от простого к сложному, от низшего к высшему резюмируется здесь как выделение в каждом из этапов общих признаков и качеств, что не позволяет уловить присущую им специфику и, как следствие, раскрыть искомую уникальность и живого, и культуры. «Здесь процесс природы не определяется как принципиально иной, чем процесс культуры, своеобразие природных процессов никак не отделяется от процесса мышления, логического конструирования (или на рационалистический, или на эмпирический манер)» [Сильвестров В.В., 1998а, с. 163]. Речь идет отнюдь не о наивных аналогиях Г. Спенсера («Кристаллы растут, и часто растут быстрее живых тел. В самом деле, рост есть явление, сопутствующее эволюции» [Спенсер Г., 1997, с. 66]) или представителей «органической школы социологии» (П. Лилиенфельд, А. Шёффле [Культурология..., 2007, с. 549]), проводивших параллели между человеческим социумом и биологическим организмом, — речь идет о таких авторитетных научных концепциях органической целостности, как холизм, гештальт-психология, теория эмерджентной эволюции и др., в которых при всей их научной основательности познание эволюции в итоге сводится к «установлению одного ряда» [Хлебосолов Е.И., 2010, с. 173]. При таком подходе понимание живого неизбежно подчиняется методологии естествознания, оперирующего «законами» («По-видимому, самым важным результатом сопоставления всех со всеми по единой шкале сложности должно явиться обнаружение некоей *фундаментальной структуры* органического мира, общего *закона его разнообразия*» [Барг О.А., 1993, с. 143]), а сами законы в этом случае предстают как некие намертво вмонтированные в структуру бытия онтологические рельсы, по которым всем участникам и компонентам эволюционного процесса предписано совершать свое восходящее движение.

Между тем, особенно если принять во внимание многообразие биологических форм жизни, в реальности все выглядит сложнее: «биологически живому противостоит прежде всего биологически живое» [Сильвестров В.В., 1998б, с. 80]. Живое не существует в изоляции от своего контекста, составленного другими живыми системами; оно формируется противоположными процессами сотрудничества и антагонизма; иными словами, взаимодействие живого и среды не

является односторонним и не остается неизменным. А раз так, то и сами законы подвержены преобразованию, и потому на каждом из «этажей» уровневой структуры бытия (гениальная идея Энгельса о надстраивающих друг над другом формах движения материи!) законы — свои собственные, особенные, типоспецифические. Следовательно, и по-гегелевски подчинять их все некоему всеобщему эволюционному принципу развития, действующему на манер Абсолютного Духа, означает не что иное, как упускать некоторые наиболее важные детали всеобщей картины мира, допуская в конечном счете метафизическую и даже религиозно-мистическую интерпретацию принципа глобального эволюционизма (идея ноосферы в духе Тейяра де Шардена, концепция Геи Дж. Лавлока, принадлежащие некоторым теоретикам религиозные выводы из учения В.И. Вернадского и т.д.).

К вопросу о философском потенциале конкретных наук о живом

Но если глобальный эволюционизм сам по себе не обладает достаточным потенциалом, чтобы в познании сущности живого совершить восхождение от абстрактного к конкретному, может быть, есть смысл обратиться к самой науке, точнее к тому разделу биологического знания, который носит название «теоретическая биология»? Она включает в себя широкий спектр теорий с самыми разными методологическими установками (от сугубо позитивистских до явно виталистических), но общей для них является нацеленность на выявление базисных закономерностей живого вещества, на постижение сущности жизни и в этом смысле — на выводы и суждения теоретико-методологического, мировоззренческого и даже философского характера: «Принадлежа через объект (жизнь) к наукам о природе, биология примыкает к социальному и гуманистичному знанию способом изучения жизни (воссоздание многообразия через сопоставление для классификации на основе различных отношений)» [Заренков Н.А., 1988, с. 186].

И все же опереться на эти учения с целью выявления основных закономерностей живого и последующей экстраполяции их на человеческий социум не представляется возможным, поскольку всем им свойственна слабая проработанность взаимосвязи внешнего и внутреннего, что прослеживается не только в плане соотношения генотип-фенотип или организм-среда, но и в таких аспектах, как структура-функция, полифилия-

монофилия, тихогенез-номогенез, популяция-вид, вид-биоценоз и т.д. В целом соответствующие им теоретические обобщения производятся с односторонней опорой на закономерности либо микроэволюционного, либо макроэволюционного плана (при явном преобладании тяготеющих к молекулярной биологии теорий второй группы, в которых преобладает тенденция выводить эволюцию «изнутри» организменного естества отдельной особи). «Недостаточный учет внешней среды существования живых организмов и вытекающая отсюда неспособность конкретно проследить и промоделировать связь внешних и внутренних аспектов их существования остаются ахиллесовой пятой биологической науки» [Рыбин В.А., 2011, с. 260].

Теоретическая биология Эрвина Бауэра

В сфере биологического познания имеется только одно исключение — «Теоретическая биология» Эрвина Бауэра, в которой научная проработка проблемы осуществлена на должном уровне, то есть в соответствии с обозначенным выше принципом «живому противостоит живое», взятому и во внешнем, и во внутреннем аспектах. Хотя эта работа написана еще в 1935 г., но в последующем никому не удалось превзойти Бауэра в раскрытии механизма сопряжения внешнего и внутреннего.

Принято считать, что основной его заслугой является открытие «принципа устойчивого неравновесия» в качестве всеобщего закона биологии. Выработанное Бауэром определение широко используется в науке: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счет своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях» [Бауэр Э.С., 2002, с. 143]. В последнее время этот принцип стал рассматриваться как частное выражение более общих — «синергетических» — законов, открытых школой И. Пригожина, которые на биологическом уровне проявляются в присущей живому способности к саморазвитию и активному освоению среды — к «избыточности» [Пучковский С.В., 1998, с. 18–23] и «экспансии» [Камшилов М.М., 1979, с. 198]. Именно к этой закономерности и сводится обычно понимание работы Бауэра современными теоретиками: «Принцип максимума эффекта внешней работы, закон развития биосистем, или закон исторического развития биологических систем был сформулирован Э. Бауэром

в 1935 г.: развитие биологических систем есть результат увеличения их внешней работы — воздействия этих систем на окружающую среду» [Реймерс А.Ф., 1992, с. 135].

Основная идея Бауэра

Между тем принципом возрастающей внешней работы идея Бауэра не ограничивается — в своем труде он постоянно подчеркивает, что «для сохранения неравновесия работоспособной структуры живых систем последние должны постоянно производить внутреннюю работу» [Бауэр Э.С., 2002, с. 166], которую он называет «основной процесс» [Бауэр Э.С., 2002, с. 234] и исследует во второй части своей книги (определением «принципа устойчивого неравновесия» завершается только первая часть). Здесь единство внешнего и внутреннего процессов (наиболее наглядным — но отнюдь не единственным! — проявлением которого выступает работа по освоению внешней среды) уже не просто констатируется, но выводится из процесса непрерывного преобразования структурного соотношения всех — от клетки до организма — вовлеченных в жизненный процесс компонентов: «В живых системах работа всегда должна состоять в изменении структуры самих частей системы (курсив мой. — В.Р.)» [Бауэр Э.С., 2002, с. 136]. Именно *переструктурирование в целях перераспределения имеющегося ресурса* лежит в основе «принципа устойчивого неравновесия» и является, по Бауэру, базисной «закономерностью всей живой материи, существующей на земле» [Бауэр Э.С., 2002, с. 347]. Таким образом, Бауэр не просто констатирует наличие у живого способности к саморазвитию, но раскрывает ее механизм: любая живая система существует за счет постоянного морфологического и структурного преобразования всех своих компонентов во внешнем и внутреннем аспектах. Что и подтверждается в науках о живом всей совокупностью новейших данных: «Примеры современных эволюционных изменений в биологической организации на любом уровне, от молекулярного до биосферного, обычно представляют собой лишь перетасовку и перегруппировку тех структурных элементов (подсистем, связей между ними, функций), которые уже существовали раньше» [Пучковский С.В., 1998, с. 173].

Жизнь: эволюционно-экологический подход

Но для формулирования общебиологических принципов этого недостаточно. Бауэр проводит свою идею о единстве внешнего и внутреннего,

оперируя тщательно подобранным физико-химическим, биологическим и математическим материалом, что делает ее, безусловно, доказательной в самом строгом научном смысле, однако при этом он ограничивается организменным уровнем, лишь в некоторых разделах своего труда затрагивая эволюционно-видовые аспекты. Между тем понятие жизни, безусловно, шире понятия живого организма; потому для раскрытия сути жизненного процесса требуется подключение эволюционно-экологического подхода, главной чертой которого, наряду с принятием утверждения, что «эволюционный прогресс направляется как внешними, так и внутренними факторами» [Реймерс А.Ф., 1992, с. 68], является отказ от признания организма единственной и первичной формой организации живого вещества и учет того обстоятельства, что земная жизнь содержит в себе множество обладающих различными степенями организованности систем, включенных в единую надсистему — биосферу, в пределах которой совершается обмен веществ и прогрессивное развитие которой в дальнейшем приводит к формированию следующего эволюционного уровня — культуры. Рассмотрим специфику жизненного процесса на каждом из этих уровней.

Жизнь в системе биосфера

В существовании биосфера сочетаются структурные и функциональные аспекты. В структурном плане биосфера выступает как системно организованная, иерархически упорядоченная глобальная биота, в среде которой всякая подсистема существует не только как автономное целое, но и состоит из более мелких подсистем и при этом является частью надсистемы более высокого порядка. Каждая из них выступает как звено в биотическом круговороте, где, если брать видовой уровень, любой конкретный вид представляет собой элемент общей среды, а «отходы жизнедеятельности одних видов организмов утилизируются другими видами» [Реймерс А.Ф., 1992, с. 118]. Что и позволяет рассматривать биосферу как иерархически упорядоченную целостность. Иерархия — ведущий структурный принцип организации живой природы.

В функциональном плане включенные в биосферу подсистемы (прежде всего организмы и популяции) характеризуются способностью активно адаптироваться как к биотической, так и к абиотической среде. На уровне организмов это достигается изменением поведения (в котором на

эмпирическом уровне резюмируются такие признаки живого, как рост, раздражимость, размножение и т.д.), а на уровне популяций и видов — посредством идиоадаптаций или (в более глобальных масштабах) ароморфозов, связанных с морфологическим преобразованием составляющих вид особей и тем самым с трансформацией его в другой вид. Морфологическая трансформация наряду с иерархией — другая специфицирующая особенность живых систем. Благодаря ей они наращивают свою активность и подчиняют себе среду: «Усложнение живого как бы раскрывает для него “потенциал сложности” окружающей среды, что прямо способствует успеху выживания — *активность индивидов в “борьбе за существование” проявляется все ярче*» [Внутских А.Ю., 2006, с. 208]. В ходе эволюции таким образом действует принцип «активность снимает адаптивность», что достигается главным образом за счет морфологических перестроек, масштабы которых неуклонно нарастают, создавая при этом принципиально новое качество структурно-функционального порядка, полностью проявляющее себя на уровне культуры.

Но сначала о биосфере. Дело в том, что по отношению ко всем нижележащим подсистемам «биосферу можно рассматривать как иерархическую систему *иной специализации* (курсив мой. — В.Р.)» [Косыгин Ю.А., 1995, с. 133]. Проявляется это прежде всего в том, что биосфера является *единственной* надсистемой по отношению ко всем включенными в нее живым образованиям и представляет собой «организм наивысшего порядка, Геомериду — всего в одном экземпляре» [Беклемишев В.В., 1994, с. 71]. Структурное усложнение в пределах единственной целостности создает и постепенно усиливает открытое Бауэром такое уникальное общебиологическое свойство живого, как способность осуществлять свое развитие за счет *переструктурирования и перераспределения*: на уровне биосфера оно переходит в способность эволюционировать посредством манипулирования целостными, завершенными комплексами, а не за счет наращивания иерархических структур и морфологического усложнения соответствующих им подсистем, как это делают все нижерасположенные живые системы. В результате биосфера совершенствуется, «перетряхивая» свой состав посредством периодических глобальных катастроф, каждая из которых обозначает начало новой эры, то есть очередного этапа общего эволюционного процесса, связанного с появлением на арене

жизни биосистем все более высокого уровня организации, вплоть до человека, который в лице своего рода становится творцом культуры — трехкомпонентной живой системы, включающей биосферу («природу») в себя.

Жизнь в системе культуры (адаптация)

Отличительная особенность культуры — наличие «промышленности» в образе создаваемых и используемых людьми искусственных орудий труда, которые выступают как своеобразная «добавка» по отношению к «природе» или, если воспользоваться концептом Маркса, как «неорганическая часть внеорганизменного тела человека». Биологические закономерности природы на уровне культуры не исчезают, но благодаря данной «добавке» переходят в новое качество, которое «не укладывается в рамки адаптационной парадигмы» [Внутских А.Ю., 2006, с. 308].

Выражается это в том, что чем ближе к нашим дням, тем больше адаптация человека, во-первых, становится приспособлением не к условиям естественного порядка, а к факторам, творимым самими людьми, и, во-вторых, тем в большей степени она утрачивает агрессивно-деструктивный характер, приобретая «мягкие», жизнестойкие формы: если в природном мире «ответ» вида на изменяющиеся условия среды (в случае его выживания) выражается в форме морфологической трансформации, то есть формирования нового живого вида при вымирании старого или изоляции его в экологической нише, то в мире культуры подобным «ответом» становится комплекс защитно-компенсаторных реакций человеческого организма в форме болезни — «в специфических формах и уровнях частных приспособительных актов. Такова сущность болезни и сущность здоровья» [Давыдовский И.В., 1969, с. 35]. С этой точки зрения животные, будучи чисто «природными» существами, не болеют, ибо гибель составляющих вид особей выступает фактором поддержания нормы вида за счет отбраковывания слабых и неприспособленных и в этом смысле не является патологией [Жирнов В.Д., 1978, с. 194], тогда как болезнь (и сопутствующая ей угроза гибели) человеческого индивида означает утрату части коллективного опыта человеческой популяции, ведет к понижению ее устойчивости и потому является болезнью в полном смысле этого слова. В общем заболевание остается морфологической реакцией человеческого организма на неблагоприятное воздействие среды, но эта реакция является, безусловно, менее деструктивной, нежели

гибель особей, образующих вид. Одновременно в ходе культурной эволюции медленно, но неуклонно снижается и роль иерархического принципа: расширяется пространство самостоятельности индивида, ослабляется силовое принуждение, на первый план выходят опосредованные сознанием «добровольные» формы «согласия» на эксплуатацию — наблюдается тот «прогресс в понятии свободы», о котором писал Гегель. Тем не менее в силу слабого развития культуры и доминирования естественных, природно-биологических факторов в человеческом существовании «господство обстоятельств над людьми» сохраняется на протяжении всей «предыстории» — «активность снимает адаптивность», но этот процесс растягивается на тысячелетия.

Радикальные изменения в характере биологической эволюции на уровне культуры происходят в эпоху капитализма и совпадают с промышленной революцией, со становлением индустриального типа воспроизводства, а тем самым — с переходом к преимущественно надприродному образу существования человечества в наиболее передовых его регионах. Поскольку этот переход совершается в рыночной форме, ориентированной на безграничный рост производства в целях извлечения прибыли, то он сопровождается гипертрофией «промышленного» компонента внеорганизменного тела человека на фоне редукции таких органических его компонентов, как внешняя природа и организм человека. Первый, начальный, этап данного перехода как раз и фиксируется Марксом в «Капитале» при описании морфологических эффектов тех деструктивных воздействий, которым в нарастающей степени подвергается человек в системе капиталистического производства. Второй этап, отмеченный экологическим кризисом и началом широкого внедрения биомедицинских технологий в медицинскую практику (трансплантология, генетическое манипулирование, вживление технических устройств в тело человека и пр.), охватывает последние десятилетия XX в. и набирает темп на наших глазах. Его суть заключается, с одной стороны, в почти полном «выедании» биосферы ради удовлетворения стремительно нарастающих потребностей «массового общества» и «массового человека», а с другой — в подготовке (а частично и в реализации) разного рода проектов, нацеленных на адаптацию организма отдельного индивида ко все более искусственной и одновременно все более инструментально насыщенной, агрессивной, «противоестественной» внешней

среде (так называемый проект трансгуманизма). Продолжение движения по этой линии будет означать не что иное, как постепенный возврат человечества на путь адаптивной по своему характеру биологической эволюции, только теперь это станет адаптацией не столько к естественной, сколько к искусственной и при этом тотально техницизированной среде. Что в конечном итоге неизбежно приведет либо к неотвратимой депопуляции, то есть полному вымиранию человеческого рода, либо к трансформации его в некий новый биотехнологический вид человекоподобных существ, антропоидов и терминаторов (что по сути будет означать ту же гибель).

Заключение: Жизнь в системе культуры (активность)

Однако в современных условиях открывается и позитивная перспектива — движение по линии продолжения культурной эволюции, предполагающее не отказ от технических достижений, но, наоборот, их переориентацию на дело восстановления естественной природы, а тем самым и оздоровления человеческой популяции при сохранении морфологической неизменности каждого из ее представителей. Такой поворот, в теоретическом плане выступающий как социокультурная модификация открытого Бауэром общеиологического закона *переструктурирования внешних и внутренних отношений*, в практическом плане, безусловно, потребует ликвидации иерархии как господствовавшего во всей прежней истории человечества структурообразующего принципа и замены ее более справедливыми отношениями равноправного сотрудничества человеческих индивидов. Но это означает, что на поставленный Марксом еще 150 лет назад вопрос о научных основах функционирования нового общества, которое должно прийти на смену нынешнему глобализированному капитализму, надо, наконец, дать конкретный ответ. Как представляется, реконструкция учения Маркса в духе биомарксизма (разумеется, при наполнении его актуальным содержанием) обладает потенциалом для решения этой задачи. В этом случае роль усовершенствованной подобным образом марксистской теории состояла бы в том, чтобы показать, каким именно образом надлежит осуществлять переструктурирование наличных компонентов культуры с целью создать надежные условия дальнейшего развития человеческого рода и тем самым довести «его» суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в кон-

це концов, свободного человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» [Энгельс Ф., 1955, с. 593]. Основные предпосылки и методологические ориентиры выработки этой новой версии марксизма и составили содержание данной работы.

Список литературы

- Барг О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
- Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002. 352 с.
- Беклемищев В.В.* Методология систематики. М.: КМК, 1994. 250 с.
- Валлерстайн И.* Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма?: сб. статей. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23–61.
- Внутрских А.Ю.* Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь, 2006. 335 с.
- Грецкий М.Н.* Является ли марксизм законным наследником гегельянства? // Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / под ред. П. Козловски, Э.Ю. Соловьева. М.: Республика, 2000. С. 220–236.
- Давыдовский И.В.* Общая патология человека. М.: Медицина, 1969. 612 с.
- Жирнов В.Д.* Проблема предмета медицины. М.: Медицина, 1978. 240 с.
- Заренков Н.А.* Теоретическая биология. М.: Изд-во МГУ, 1988. 216 с.
- Казначеев В.П.* Учение о биосфере. М.: Знание, 1985. 80 с.
- Камилов М.М.* Эволюция биосфера. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Косыгин Ю.А.* Человек. Земля. Вселенная. М.: Наука, 1995. 335 с.
- Культурология: энциклопедия:* в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. 1184 с.
- Майданский А.Д.* «Неорганическое тело человека»: трансгуманистические идеи Маркса // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+, 2014. С. 275–279.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
- Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Ч. 3: Современный интеллект. Пермь, 1999. 184 с.
- Пучковский С.В.* Избыточность жизни. Ижевск: Изд-во Удм. ун-т, 1998. 376 с.
- Реймерс А.Ф.* Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М.: ИЦ «Россия молодая – Экология», 1992. 367 с.
- Рыбин В.А.* Органическая эволюция сквозь призму теории культуры // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред. О.М. Баксанский, И.К. Лисеев. М.: Канон+, 2011. С. 255–271.
- Сильвестров В.В.* Принципы историзма в культурологии и естественнонаучных концепциях развития // Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159–176.
- Сильвестров В.В.* Фундаментальность биологии как парадигма для обоснования фундаментальности теории культуры // Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69–88.
- Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997. 512 с.
- Степин В.С.* Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 26–41.
- Хлебосолов Е.И.* Логика природы. СПб.: Алетейя, 2010. 292 с.
- Энгельс Ф.* Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 572–597.
- Marx K.* Okonomisch-philosophische Manuskripte (Erste Wiedergabe) // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Bd. 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982. S. 187–439.

Получено 28.04.2018

References

- Barg, O.A. (1993). *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in a unified world process]. Perm, PSU Publ., 227 p.
- Bauer, E.S. (2002). *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 352 p.
- Beklemishev, V.V. (1994). *Metodologiya sistematiki* [Methodology of systematics]. Moscow, KMK Publ., 250 p.

- Davydovskiy, I.V. (1969). *Obschaya patologiya cheloveka* [General pathology of man]. Moscow, Meditsina Publ., 612 p.
- Engels, F. (1955). *Polozhenie Anglii. Tomas Karleyl. «Proshloe i nastoyaschee»* [The Condition of England. A review of Past and Present by Thomas Carlyle]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow, Politizdat, Vol. 1, pp. 572–597.
- Gretskiy, M.N. (2000). *Yavlyaetsya li marksizm zakonnym naslednikom gegel'yanstva?* [Is Marxism the legitimate heir of Hegelianism?]. Sud'by gegel'yanstva: filosofiya, religiya i politika proshchayutsya s modernom / pod red. P. Kozlovski, E.Yu. Solovyeva [The fate of Hegelianism: philosophy, religion and politics take leave from modernity, ed. by P. Kozlovski, E.Yu. Solovev]. Moscow, Respulika Publ., pp. 220–236.
- Kamshilov, M.M. (1979). *Evolutsiya biosfery* [Evolution of the biosphere]. Moscow, Nauka Publ., 256 p.
- Kaznacheev, V.P. (1985). *Uchenie o biosfere* [The doctrine of the biosphere]. Moscow, Znanie Publ., 80 p.
- Khlebosolov, E.I. (2010). *Logika prirody* [Logic of nature]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 292 p.
- Kosygin, Yu.A. (1995). *Chelovek. Zemlya. Vselennaya* [Human. Earth. Universe]. Moscow, Nauka Publ., 335 p.
- Levit, S.Ya. (ed.) (2007). *Kul'turologiya. Entsiklopediya: v 2 t. T. 2* [Culturologia. Encyclopedia: in 2 vols., Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1184 p.
- Marx, K. (1956). *Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marks K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* [Marx K., Engels F. From early works]. Moscow, Politizdat, pp. 517–642.
- Marx, K. (1974). *Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow, Politizdat, Vol. 42, pp. 41–174.
- Marx, K. (1960). *Kapital. T. 1* [Capital. Vol. 1]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow, Politizdat, Vol. 23, 908 p.
- Marx, K. (1961). *Kritika Gotskoy programmy* [Critique of the Gotha Programme]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow, Politizdat, Vol. 19, pp. 9–32.
- Marx, K. (1982). *Okonomisch-philosophische Manuskripte (Erste Wiedergabe)* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marx K., Engels F. *Gesamtausgabe (MEGA). Bd. 2* [Marx K., Engels F. Complete Works (MEGA). Vol. 2]. Berlin, Dietz Verlag Publ., pp. 187–439.
- Maydanskiy, A.D. (2014). «Neorganicheskoe telo cheloveka»: transgumanisticheskie idei Marks'a [Inorganic body of man: Transhumanist ideas of Marx].
- Global'noe buduschee 2045: Antropologicheskiy krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty / pod red. D.I. Dubrovskogo, S.M. Klimovoy [The global future 2045. Anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects, ed. by D.I. Dubrovskiy, S.M. Klimova]. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 275–279.
- Orlov, V.V. (1999). *Istoriya chelovecheskogo intellekta. Ch. 3: Sovremennyy intellect* [History of human intellect. Pt. 3: Modern Intellect]. Perm, 184 p.
- Puchkovskiy, S.V. (1998). *Izbytochnost' zhizni* [Redundancy of life]. Izhevsk, UdSU Publ., 376 p.
- Reymers, A.F. (1992). *Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva: Kontseptual'naya ekologiya* [Hopes for the survival of mankind: Conceptual ecology]. Moscow, Rossiya molodaya – Ekologiya Publ., 367 p.
- Rybin, V.A., (2011). *Organicheskaya evolyutsiya skvoz' prizmu teorii kul'tury* [Organic evolution through the prism of the theory of culture]. *Ideya evolyutsii v biologii i kul'ture / pod red. O.M. Baksanskogo, I.K. Liseeva* [The idea of evolution in biology and culture, ed. by O.M. Baksanskiy, I.K. Liseev]. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 255–271.
- Silvestrov, V.V. (1998). *Printsipy istorizma v kul'turologii i estestvenno-nauchnykh kontseptsiyakh razvitiya* [Principles of Historism in Culturology and Natural Science Concepts of Development]. *Kul'tura. Deyatel'nost. Obschenie* [Culture. Activity. Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 159–176.
- Silvestrov, V.V. (1998). *Fundamental'nost' biologii kak paradigma dlya obosnovaniya fundamental'nosti teorii kul'tury* [Fundamentality of biology as a paradigm for substantiating the fundamentality of the theory of culture]. *Kul'tura. Deyatel'nost. Obschenie* [Culture. Activity. Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 69–88.
- Spencer, H. (1997). *Sinteticheskaya filosofiya* [A System of Synthetic Philosophy]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 512 p.
- Stepin, V.S., (2016). *Transgumanizm i problema sotsialnykh riskov* [Transhumanism and the problem of social risks]. *Problema sovershenstvovaniya cheloveka (v svete novykh tekhnologiy) / pod red. G.L. Belkinoy* [The problem of human development (in the light of new technologies), ed. by G.L. Belkina], Moscow, LENAND Publ., pp. 26–41.
- Vnutschikh, A.Yu. (2006). *Otbor v prirode i otbor v obschestve: opyt konkretno-vseobschey teorii* [Selection in nature and selection in society: the experience of concrete general theory]. Perm, 335 p.
- Wallerstein, I. (2015). *Strukturniy krizis, ili Pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym* [Structural Crisis, or Why Capitalists May No Longer Find Capitalism Rewarding]. *Est' li buduschee u kapitalizma?: Sb. statey* [Does Capitalism

Have a Future?: Col. papers]. Moscow, Gaydar Institut Publ., pp. 23–61.

Zarenkov, N.A. (1988). *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. Moscow, MSU Publ., 216 p.

Zhirnov, V.D. (1978). *Problema predmeta meditsiny* [Problem of the subject of medicine]. Moscow, Meditsina, 240 p.

Received 28.04.2018

Об авторе

Рыбин Владимир Александрович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

About the author

Vladimir A. Rybin

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рыбин В.А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 179–190. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-179-190

For citation:

Rybin V.A. Biomarxism as the experience of modern reconstruction of Marx's theory // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 179–190. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-179-190

УДК 140.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-191-202

О МИРОВОЗЗРЕНИИ, ЕГО СТРУКТУРЕ И ОТНОШЕНИЯХ С ФИЛОСОФИЕЙ

Шрейбер Виктор Константинович

Челябинский государственный университет

Интеграция высшего образования со сферой услуг особенно сильно ударила по философии. Косвенным свидетельством этого тренда явился в последние годы в России и за рубежом заметный рост публикаций о смысле и роли философии в культуре. Другое основание интереса к теме скрыто в противоречиях глобализации, которые обусловлены различиями в традициях и мировоззрении людей. В частности, неэффективность ряда проектов ООН, по мнению автора, в существенной мере является следствием различий мировоззрения тех, кто разрабатывает и пытается реализовать эти проекты и тех, кому эти программы адресованы. Нынешние попытки анализа этих различий опираются на узкие — двухмерные — модели предмета. Нет четкой границы между информацией как частью мировоззрения и иным знанием. Автор предлагает модель, которая объединяет интерес к природе философии с анализом структуры мировоззрения. В статье обсуждаются следующие основные тезисы: структура мировоззрения репрезентирует ситуацию принятия решения; ситуация принятия решения включает в себя, во-первых, возможности определенных жизненных траекторий, во-вторых, условия, при которых каждая такая альтернатива может быть реализована, в-третьих, критерии выбора возможностей. Исторические типы мировоззрения различаются моделью объяснения, принятой в картине мира, способом обоснования ценностей и степенью свободы, допускаемой программами поведения. По-видимому, философия развивалась, в частности, сообразно запросам на рационализацию той или иной части мировоззрения.

Ключевые слова: мировоззрение, принятие решения, ценности, объяснение и обоснование, законы и принципы, рациональность.

ON WORLDVIEW, ITS STRUCTURE AND RELATION TO PHILOSOPHY

Viktor K. Shreiber

Chelyabinsk State University

Integration of higher education sphere with the service sector strikes painfully the humanities and especially philosophy. The number of Russian and Western publications about the meaning of philosophy and its place in culture, increasing over the past five years, may be regarded as an indirect evidence of this trend. Another reason for the author's scientific interest in this topic is hidden in the contradictions of globalization. Many of the UN projects are running into difficulties, which, partly, originate from the differences in worldview. The currently made attempts to analyze those are based on narrow — «two-dimensional» — models of the subject. It is not yet possible to draw a strict line between information as a part of *Weltanschauung* and other knowledge. The paper proposes a model which unites the current interest in the nature of philosophy with the analysis of the worldview structure. The main ideas are: 1) the structure of worldview represents a decision-making situation; 2) such a situation includes three components: some options for the subsequent advance in the course of life; then conditions, being insufficient, under which any of the alternatives can be implemented; and, finally, the criteria for selecting one or another option; 3) historical types of worldviews differ by the model of explanation, the mode of criteria justification (values, in other words), and by the level of the agent's freedom admitted by behavior programs. These types are mythological, religious and philosophical. It seems that philosophy used to develop according to requests on rationalization of one or another part of the worldview.

Keywords: Weltanschauung, decision-making, values, explanation, justification, laws and principles, rationality.

Интуитивно мы более или менее точно вычленяем мировоззренческую значимость того или иного утверждения, но вопрос «В чем заключается эта значимость?» нередко приводит нас к замешательству, что не случайно, ибо специальная литература демонстрирует необычную широту и аморфность феномена. Данное обстоятельство затрудняет его системный анализ и проблематизирует сравнительное изучение типов и динамики мировоззрений. Однако спрос на такие исследования растет в связи с глобализацией.

Глобализация не тождественна процессам колонизации, когда еще можно было рассуждать о цивилизующей «миссии белого человека», хотя и в то время эта идея была идеологической конструкцией. Глобализация перемешала народы с радикально различными уровнями социального развития, укладами и традициями. Многие проблемы мирового сообщества усугубляются различиями в образах мысли людей¹.

Глобализация одела нас в джинсы, дает *скайп*, конкурсы «мисс Мира», отверточные производства и массовую культуру, но попутно разрушает традиционные источники средств существования. Новые формы социальной связи возникают естественно-исторически, имеют надгосударственную и наднациональную природу, слабо контролируются людьми и тем самым ставят под вопрос стандарты новоевропейской рациональности. На этом фоне у многих — особенно «униженных и оскорбленных» — рождается ощущение неуверенности в грядущем² и стремление апеллировать к донаучным формам мировосприятия. СМИ и социологи единодушно фиксируют, что конец минувшего столетия ознаменовался взлетом религиозных настроений даже в развитых странах, которые по

позитивистскому сценарию давно должны были преодолеть «теологические» пережитки.

Общепринято, что мировоззрение есть выражение отношения человека к миру. Утверждается — и справедливо, — что мировоззренческой значимостью обладают религия и наука, искусство и миф. В принципе любой фрагмент знания может обрести мировоззренческую значимость [Хазиев В.С., Хазиева Е.В., 2004, с. 38, 78]. Но до сих пор нет надежных критериев, позволяющих провести границу между информацией как частью *weltanschauung* и другим знанием [Sartini S., Shri Ahimsa-Putra H., 2017, р. 266]. Теория мировоззрения должна прояснить, что именно делает ее такой.

Цели статьи: 1) предложить структурированную (формальную, если угодно) модель мировоззрения, которая позволила бы отделить мировоззренчески значимое знание от сведений, что даются, скажем, наукой или энциклопедией; 2) прояснить гносеологические зависимости между частями мировоззрения, необходимые, чтобы мировоззрение отвечало жизненным запросам человека; 3) выделить основные параметры (маркеры) различий, которые позволяют квалифицировать типы мировоззрений более или менее независимо от контента. В заключении будет предложен ряд суждений о связи мировоззрения, рациональности и философии как академической дисциплине.

Прежде чем двигаться дальше, отметим, что предметом интереса будет преимущественно миropонимание, т.е. не эмоционально-психологическая, а, скорее, концептуальная сторона мировоззрения. Из других методологических допущений надо указать принцип рассмотрения эволюционирующего объекта в его самом развитом виде и идею практической природы мировоззрения: оно существует не ради себя, а выполняет какие-то жизненно значимые функции.

Две главные идеи, которые будут эксплицироваться ниже: (1) гносеологическая структура мировоззрения репрезентирует ситуацию принятия решения; (2) исторические типы мировоззрений различаются (а) моделью объяснения, принятой в рамках *картины мира*, (б) способом обоснования ценностей и (с) уровнем свободы субъекта при реализации поведенческих программ. Экспликация этих положений позволяет предположить, что стиль и проблематика философствования менялись сообразно запросам на рационализацию той или иной части мировоззрения. Но степень обоснованности этой гипотезы будет минимальной.

¹ Эпидемия эболы, вспыхнув в конце 2013 г. в гвинейской глухомани, быстро распространилась по всей Центральной Африке. Вакцины и эффективных средств лечения эболы не существовало; единственное, что можно было сделать, — это заблокировать «цепочки» и не позволить вирусу передаваться от человека к человеку. В частности, это означало как можно более быструю кремацию умершего. Но обычай требовали предавать тело земле и спустя неделю после смерти, чтобы душа освилась со своим новым положением и не имела зла на оставшихся. И по этим же соображениям покойника перед погребением полагалось поцеловать. Уговоры не помогали и пришлось прибегнуть к помощи полиции. Тогда хоронить стали ночью.

² По данным опросов, проведенных «Левада-центром» осенью 2014 г., 30 % россиян не строили планов даже на два-три месяца вперед.

«Мировоззрение»: от образа к концептуальной структуре

Первым, кто усмотрел в *weltanschauung* нечто большее, чем «оптический» феномен, принято считать Канта, который пользуется этим словом во второй книге «Критики способности суждения», посвященной аналитике возвышенного [Кант И., 2001, с. 278–279]. Здесь мировоззрение мыслится как способность созерцать бесконечность чувственно воспринимаемого мира. В русском переводе соответствующего абзаца отсутствует имеющееся в оригинале слово *мировоззрение*. Правда, надо сказать, что по тому же пути пошел англоязычный переводчик третьей критики, где этот же смысл передается с помощью понятия интуиции. Хотя обращение Канта к *weltanschauung* в этой работе является единичным, выбор едва ли был случайным, поскольку есть корреляция между структурой мировоззрения и знаменитыми вопросами из «Критики чистого разума»: Что я могу знать? Что я должен делать? На что смею надеяться? Кант соотносит их с разделами философского знания. Но различия модальностей позволяют предположить, что за ними стоит концептуальная структура и она в своей целостности может быть репрезентирована не только философским дискурсом.

Первые значительные успехи в изучении мировоззрения, заложившие основу для теории мировоззрения, были достигнуты к 80-м гг. прошлого столетия благодаря усилиям антропологов и представителей религиозных центров, обеспечивающих идеиное сопровождение миссионерской практики. Обзор существующих научных позиций дают Эрнст Конради из Кейптауна [Conradie E., 2014] и культурологи индонезийского университета Гаджи Мада [Sartini S., Shri Ahimsa-Putra H., 2017], тексты которых можно найти в открытом доступе Интернета. Но самый основательный разбор предложен Мичелом Керни [Kearney M., 1984]. Его работа по мировоззрению опубликована в середине 80-х, но до сих пор остается уникальной по широте охвата и глубине подхода к теме, методологическим достоинствам.

Керни, профессор одного из калифорнийских университетов, выделяет два типологических подхода в антропологии: культурный идеализм и исторический материализм и недвусмысленно высказывается в поддержку последнего. Главный порок ряда американских антропологов он усматривает в их ориентации на структурную лингвистику. Лингвистика Соссюра принципиально отвлекалась от языковых изменений, поскольку в

ней носителем языка был не живой индивид, пользующийся языком в меняющихся условиях и с ними меняющийся, а абстрактное существо, взятое вне времени и пространства. Соссюр допускал возможность диахронического подхода, но на деле свел его к рассмотрению языковых структур в различные моменты пространства и времени. Так можно изучать исторические *различия*, но не историческое *развитие*. И для понимания последнего, по мысли Керни, гораздо эффективнее подход Выготского и Пиаже [Kearney M., 1984, р. 34–35].

Специфическая особенность подхода Керни — анализ мировоззренческих универсалий: универсалии суть минимально необходимый набор образов и допущений, используемых для концептуализации феноменального мира. К ним он относит понятия личности, «Другого», взаимоотношений (*relationship*), классификации, причинности, пространства и времени. В выборе и экспликации универсалий он следует Роберту Редфилду, выдвинувшему идею мировоззренческих универсалий еще в 50-х, и, видимо, Т. Куну, у которого они фигурируют в качестве метафизических допущений парадигмы. Новый момент, как его видит сам Керни, состоит в том, что в его модели универсалии взаимосвязаны и смысловые изменения одной категории влекут те или иные сдвиги в содержании других, тогда как в концепции Редфилда категории могут меняться независимо друг от друга [Kearney M., 1984, р. 107]. Напротив, Керни трактует мировоззрение как динамическую целостность, как внутренне дифференциированную систему знания.

Таким образом, в понимании мировоззрения выделились две основные онтологические характеристики его внутренней организации: стабильная устойчивая форма, представленная категориальными отношениями универсалий, и концептуальное содержание, которое исторично и меняется от культуры к культуре.

Первоначально (примерно это вторая половина XIX – первая треть XX столетия) исследования фокусировались на выявлении отдельных черт мировоззрения и его элементном составе. Ибо, как резонно замечают культурологи из Джакарты, невозможно рассматривать мировоззрение как целостность, не усматривая в его организации более специфических элементов. Именно их анализ позволил увидеть детали того, как люди понимают свою самость, другого, пространство и время [Sartini S., Shri Ahimsa-Putra H., 2017, р. 267]. Работы Р. Бенедикт,

М. Мид, К. Гирца и других этнографов, социологов и лингвистов подготовили почву для осмысления мировоззрения как системы.

Системный подход к объекту и, соответственно, вычленение в нем элементов как простейших частей и структуры как способа их соединения — важнейшее методологическое требование науки. Оно отображает реальную черту многих природных и социальных объектов. Когда, например, атомы водорода и кислорода соединяются в молекулу воды, возникает новая целостность со своими свойствами, — например, способная быть растворителем. Но структурно молекулы воды, водорода и кислорода одинаковы: они объединяются посредством ковалентной связи, при которой свободный электрон одного атома сопрягается со свободным электроном другого атома, сообщая всей конструкции определенную завершенность и устойчивость.

Язык «структурь» и «элементов» описывает поведение простых систем. Однако ряд особенностей мировоззрения выводит его за пределы систем этого класса.

Прежде всего учтем разнородность мировоззренческих составляющих. Электроны, позитроны и нейтроны принадлежат одному и тому же уровню существования. Напротив, образы и допущения, о которых Керни пишет как об элементах мировоззрения [Kearney M., 1984, p. 47–48], генетически относятся к разным уровням внутреннего мира субъекта. Стало быть, в рамках мировоззрения можно выделить разные уровни организации. Далее, существует масса эмпирических свидетельств того, что мировоззрение способно к изменению; оно динамично, т.е. на него влияют какие-то возмущающие факторы. Вместе с тем при всей лабильности своего контента оно тяготеет к устраниению внешних и внутренних разрывов. Другими словами, мировоззрение обладает отрицательной и положительной обратными связями.

Система с положительной обратной связью состоит из множества звеньев, в которых происходит последовательное усиление какого-то возмущающего импульса, заканчивающееся лавинообразным изменением структуры в целом. В случае же отрицательной связи воздействие на одно звено гасится следующим и гасится тем сильнее, чем больше оно было изначально. Эта диалектика положительных и отрицательных обратных связей коррелирует с устойчивостью мировоззренческой структуры и с тем, что аналитическое вы-

членение мировоззренческих универсалий представляет собой весьма трудоемкое предприятие.

Все это означает, что отличительным признаком мировоззрения является способность к самоорганизации. Строение самоорганизующихся систем нельзя свести к отношению структуры и элементов. Наряду с элементами как строительным материалом они дифференцируются на подсистемы, различающиеся функциями по отношению к своей системе, и — в ряде случаев — на компоненты, которые образуют механизм выполнения данной функции. Хотя mainstream западных аналитиков склонен обходиться парой «структура — элемент», различия мировоззренческих подсистем в зарубежной литературе отмечены. Характерно, что это различие чаще фиксируется религиозными или благожелательными к религии авторами. К примеру, Пол Хиберт, указывая, что мировоззрение образует глубинный уровень культуры, определяет его как набор «фундаментальных когнитивных, аффективных и оценочных допущений группы людей о природе вещей, которыми они пользуется для упорядочивания своей жизни» [Niebert P.G., 2008, p. 15]. Мировоззренческие допущения, поясняет он, картируют (map) те реалии, которые представляют собой обязательные условия человеческого существования.

При всей цитируемости монографии Хиберта предложенная им модель не без недостатков. Я еще могу предположить, что аффекты связаны с когнитивными допущениями примерно так же, как мироощущение с миропониманием. Но как аффективные допущения соотносятся с оценочными допущениями? Как ни трактуй возможность репрезентации аффектов в виде допущений, кажется, принято, что аффективные компоненты психики обладают оценочно-мотивационной природой. И с этой точки зрения разведение аффективного и оценочного требует как минимум пояснений. Если далее принять ценности и когнитивные допущения в качестве частей миропонимания, то каким образом они связываются? Как они могут «придавать форму» человеческой жизнедеятельности? И, наконец, в этой модели нет места для факторов, которые меняют мировоззренческую структуру.

Другой круг разногласий наметился в понимании степени и масштабов проникновения мировоззрения в сферу человеческой жизнедеятельности. Камнем преткновения стали вопросы: является ли мировоззрение атрибутом любого человеческого индивида и всякое ли человеческое действие оно сопровождает? Так, по мнению попу-

лярного христианского автора Джеймса Сайра, «мировоззрение не обязано отвечать на любой вопрос, который может быть поставлен, но только на те, которые имеют отношение к жизненной ситуации личности». Такие внутренне согласованные мировоззрения, как христианский теизм, натурализм или пантеизм, являются идеальными типами, очерченными ради эвристических целей, а вовсе не потому, что кто-то придерживается того или иного мировоззрения именно так, как это описано [Sire G.W., 2010, р. 19].

Вместе с тем очевидно, что мировоззрение служит как бы концептуальным видоискателем, ограничивая и структурируя наше восприятие всякий раз, когда мы сталкиваемся с миром. Подругому, мировоззрение, даже если и не существует одного-единственного способа его выражения, все-таки обладает неким смысловым устойчивым каркасом, предрасполагающим к тому или иному решению жизненных вопросов. К примеру, христианство эпохи Реформации не могло выразить своего отношения к ядерной войне или клонированию. Но оно уже обладало базисным основанием, чтобы иметь дело с такими вопросами.

Таким образом, в современной культуре возникла нужда в осмыслении того, как устроено мировоззрение, каким образом оно регулирует наши действия и поступки, каковы его исторические типы и как строить взаимоотношения между носителями различных типов мировоззрений. Нынешние попытки ответить на эти вопросы опираются на неясный набор предпосылок и предлагают узкие «двухмерные» модели предмета, где дескриптивное и практическое (ценностно-ориентирующее) знание соединяются внешним образом без указания на объединяющее основание.

В поисках этого основания самое время обратиться к отечественной традиции.

Принятие решения как основание мировоззренческой рефлексии

Мировоззрение можно рассматривать как с точки зрения того, что отражается в мировоззрении, т.е. объекта отражения, так и с точки зрения того, как оно существует в субъекте. В соответствии с делением разделов философского знания первый аспект назовем гносеологическим, а второй — онтологическим. Пренебрежение этим разграничением явились одним из источников неясностей у многих авторов, в частности Хиберта. В гносеологическом плане *weltanschauung* есть конструкция, которая включает картину мира, обществен-

ное самосознание или, по-другому, ценности и программы поведения.

Понятие картины мира (далее — КМ) возникло в философии науки. В начале 80-х гг. о соотношении картины мира и мировоззрения много спорили. Обстоятельный анализ существовавших тогда в советской литературе позиций провел болгарский философ Владимир Щонев. Он показал, что отношение мировоззрения и КМ есть отношение целого и части, где частью является картина мира. Знания, предположения и заблуждения проникают в мировоззрение не иначе как через КМ [Щонев В., 1987, с. 63]

Альфой и омегой марксистской идеологии было убеждение в научном характере коммунистического идеала: как подчеркивали классики, принципы коммунизма не умозрительны, а выводятся из реальных тенденций жизни общества. Отсюда следовало, что никакой особой теории ценности не нужно. Прорывной в плане выделения аксиологии как особого раздела философского знания явилась «Теория ценностей в марксизме» В.П. Тугаринова (1968 г.). По мере утверждения идеи несводимости мировоззрения к КМ, ценности стали рассматриваться все более приемлемым кандидатом на другую его компоненту. Однако, как отмечалось выше, эти блоки фиксируются и западными исследователями.

Заслуга достойки мировоззрения как целостности, по-видимому, принадлежит М. Козловой, историку философии и автору той главы «Введение в философию» (1989 г.), где, собственно, и появляются три вышеуказанные части мировоззрения. М. Козлова — специалист по философии языка и переводчица работ Витгенштейна, потому могла заинтересоваться витгенштейнianской трактовкой КМ, но структура и динамика мировоззрений, похоже, не были в фокусе ее интересов и она не специфицировала того, что их объединяет и чем объясняется именно этот, а не другой набор составных частей. Примем, что эти части объединяются в одно целое тем, что они отображают ситуацию принятия решений.

Ситуации принятия решения очень разнообразны. Но любая такая ситуация включает три компонента: набор *альтернатив*, *условия* их реализации и *критерий выбора* той или иной альтернативы. Ясно, что альтернативы (или опции) являются здесь первейшим фактором. Нет альтернатив — нет решений! Стоики и Сартр усматривали в способности человека самому определять свое отношение к жизни и смерти фундаментальное свойство человеческой природы. Учтем так-

же, что опции по существу своему существуют как *возможности*. Поэтому вторым — *самостоятельным* — компонентом ситуации принятия решения являются условия, при которых та или иная возможность становится действительностью. Эти условия всегда в той или иной степени остаются недостаточными, что, собственно, и придает им самостоятельный статус в структуре ситуации принятия решения. Степень свободы субъекта, принимающего решения, понятно, зависит от полноты информации, как о существующих возможностях, так и о релевантных условиях.

Повторяющиеся черты таких ситуаций накладываются друг на друга, закрепляются сознанием и воспроизводятся в виде фреймов или своеобразной системы координат. Набор высказываний и идей, репрезентирующих эти референтные фреймы, составляют *картину мира*. КМ, образуя часть нашего мировоззренческого каркаса, представлена даже в метафорических высказываниях. К примеру, метафора «он достиг величайших вершин» не имеет смысла по отношению к миру с нулевой гравитацией.

Картина мира сочетает в себе социальность и индивидуализацию человеческой жизни. С эпитетом *языковая* она задается значениями и грамматикой: «Я, — замечает Витгенштейн, — обрел свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, и придерживаясь этой картины я тоже не потому, что убедился в ее корректности». Картина мира это набор унаследованных языковых значений. Смысл предложений, описывающих картину мира, подобен правилам игры; игру «можно усвоить практически, не зазубривая никаких эксплицитных правил» [Витгенштейн Л., 1994, с. 335]. Отсюда применительно к мировоззрению может быть рациональнее говорить о «жизненном мире». Это заимствованное из континентальной традиции словосочетание позволяет зафиксировать разницу между мировоззренческими «озабоченностями», скажем, Эйнштейна и жизненными выборами «девушки с бензоколонки».

Очевидно далее, что выбор требует большего, чем знакомство с альтернативами и условиями их реализации. Необходимы критерии, чтобы определить наиболее интересную альтернативу. У животных эти критерии закладываются генетически либо формируются как условные рефлексы. Критерии человеческих выборов задаются идеалами или вкусовыми (моральными, эстетическими, религиозными и т.п.) предпочтениями и культивируются социумом. В литературе этот набор критериев называют *ценностями*. Обычно они при-

нимаются как само собой разумеющиеся, но иногда эти критерии сталкиваются друг с другом или утрачивают самоочевидность вследствие изменения самого субъекта. В таких случаях возникает нужда в обосновании. Отсюда резонно предположить, что мировоззрения различаются не только картинами мира, но и способами обоснования принятых ценностей.

Объяснение и обоснование обычно рассматриваются как равноценные эпистемологические процедуры. Но, как показал еще Пирс, обоснование методологически шире. Возможны вне-логические способы обоснования. То есть обоснования и объяснения различаются своими целями.

Объяснить — это раскрыть причины или сущность объясняемого феномена, показать механизмы его возникновения или воспроизведения. Объяснения нацелены на истину. В зависимости от степени приближения к истине объяснения могут быть хуже или лучше. Разные варианты объяснения одного и того же явления можно расставить на одной прямой между двумя полюсами — пониманием и непониманием. Природу радуги можно объяснить языком математических формул и законами оптики, как это делается на физическом факультете. Но иногда достаточно провести аналогию между капелькой воды и известным экспериментом Ньютона по рефракции солнечного луча через призму. Оба объяснения отвечают одной задаче: они ведут к пониманию и истине.

Полное объяснение предполагает учет всех (в том числе и единичных) факторов, влияющих на возникновение объясняемого феномена. В этом плане КМ и теория равно оказываются недостаточными: они не учитывают единичных причинных связей. Склонность к обобщению — общая черта теоретических абстракций и абстрактных объектов КМ. Но дальше между ними обнаруживается различие. Закон науки — и в этом его примечательная особенность — фиксирует необходимые и — что здесь важнее — *достаточные* условия своего осуществления. Вследствие этого теория создает свой собственный мир идеальных типов или, в терминах Платона, форм. КМ, напротив, сопоставляется с объективной реальностью непосредственно. Когда, к примеру, Ньютон рассуждает о корпускулах, он не сомневается в том, что они существуют на самом деле. В то же самое время *картина* — в соответствии со своим эпистемическим статусом — должна предлагать описание *общих* условий реализации того или иного хода дел. По этой причине между прочим эмпирическая база картины богаче, неже-

ли у любой теории. Отсюда то, что подразумевается под «картиной мира», совпадает с онтологическими приверженностями субъектов. Другими словами, в ситуации принятия решения задача КМ достаточно скромная.

Картина призвана отделить возможное от того, что — на манер бэконовских идолов — только кажется возможным. Разделить эти два типа явлений значит показать, почему одни возможны, а другие нет. Именно поэтому типы мировоззрений различаются моделями объяснения, принятыми в соответствующей картине мира.

На заре истории такую модель давали антропоморфные аналогии. Они сохраняли свои позиции даже в религиозной КМ, поскольку неотъемлемыми ее компонентами были идеи Бога и сотворения мира.

Обосновать (*justify*) — это дать основания, предложить аргумент в пользу чего-либо. Хорнби дает три значения глагола *обосновывать*: 1) показать, что нечто является правильным или рациональным; 2) предложить объяснение чего-либо или извинение за некое действие или намерение; 3) упорядочить строки печатного текста, привести их к некоему единству [Hornby A.S., 2004, p. 703]. Два первых значения могут быть найдены в русскоязычных словарях. Третье является техническим и не получило широкого распространения. Второе значение слова имплицирует взаимозаменяемость обоснования и объяснения. Подмены такого рода в науке не редкость. Однако *доказательство* может быть предложено не только для истины. Обоснованию могут подлежать правильность или значимость чего-либо. Во всех этих случаях цель процедуры одна и та же — убедить другого, заставить его *принять* нечто как свое собственное. Когда я объяснил эти нюансы на лекции и затем попросил слушателей прокомментировать то, что им было сказано, один из них сказал, что «обосновать — это привести к *надлежащей* точке зрения». Фраза имела профессиональный привкус (вуз готовил силовиков), но по сути своей была точной.

Значимость ценностей для данного индивида и конкретная конфигурация их коррелятивной значимости являются сугубо личностным феноменом. (Возможно, по этой причине концепт *типа мировоззрения* относится к определенной фикции, а не реальности *per se*.) Благо другого человека определенно представляет собой ценность. Но как быть, если оно противостоит моему собственному благу? Или еще ситуация: возможно ли моральное оправдание для вывешивания в Сети украденных доку-

ментов? Во всех таких случаях требуются аргументы. Нужные доводы можно найти на основе обращения к традиции, авторитету, скажем, к Нагорной проповеди или учению Будды или путем апелляции к рациональности. В отличие от объяснения обоснование *не может быть хуже или лучше!* Разные виды обоснований не могут быть помещены на эпистемическую прямую между истиной и ложью. Обоснование походит на беременность; оно либо есть, либо его нет.

Это обстоятельство объясняет удивительную жизнестойкость мифологического и религиозного мировоззрений. Если человек признал честность лучшей политикой, не суть важно — сделано ли это вследствие верности *отцовским* заповедям или в ходе долгих духовных поисков.

Программы и действия

Взаимодействие ценностных установок и информации, почерпнутой из КМ, завершается постановкой цели, что в свою очередь ставит вопрос о средствах и способах ее достижения. В языке ситуации принятия решения цель есть ничто иное, как идеальная модель желаемой альтернативы, взятой в единстве со всеми ее условиями. Таким образом, реализацию цели можно рассматривать как создание недостающих условий, как процесс их дстройки, доведения до ума. Эта перспектива переключает наше внимание на компетенции того, кто принимает решение.

Компетенции отличаются от исполнения. Исполнение принадлежит реальному поведению действующего лица. Оно детерминировано не одними компетенциями, а и другими (нередко единичными) факторами, которые находятся за пределами мировоззренческого строя ситуации. Компетенцию можно определить как такой уровень владения определенными навыками и умениями, при котором их применение не требует высокого уровня рефлексии со стороны агента. В структуре мировоззрения этот блок устойчивых личностных диспозиций соответствует «программам поведения». Все программы отвечают на вопрос «как».

Очевидно, что вопрос «как» фокусируется не на вещи или свойствах. Онтологическим денотатом «знания как» является процесс. Процесс — это единство различий одного и того же объекта, взятого в различные моменты времени. И в случае «знания как» результат процесса и условия его реализации обычно известны. Стало быть, процесс можно разбить на ряд сменяющих друг друга стадий и каждую стадию описать языком

пропозиций, т.е. как «знание что». При такой разбивке каждая предыдущая фаза оказывается условием наступления последующей. Она задает параметры перехода, становится своеобразной командой. Каждое данное «что» по отношению к последующей фазе преобразуется в некоторое «как». Этот принцип трансформации лежит в основе разработки компьютерных программ.

Таким образом, если человеческое действие по своему онтологическому статусу является процессом, «знание что», описывающее это действие, способно обрести регулятивную функцию. В этом отношении оно походит на информацию, ведущую к образованию рефлекса. Однако оно отличается от нее моментом *понимания*. Напомню в этой связи пример Райла: когда участник игры в покер ошибочно интерпретирует действия другого игрока, маневр, который он приписывает своему оппоненту, действительно возможен.

Вся информация, необходимая для регуляции той или иной системы, делится на три блока: данные о (1) возможных вариантах состояния регулируемой системы; (2) оптимальных параметрах ее существования и (3) возможных отклонениях от оптимума. Существуют системы с жестким набором возможных параметров. К примеру, тепловое реле холодильника различает только два состояния. Однако в границах этих состояний холодильник работает как самоорганизующаяся система. Благодаря механизму обратной связи он способен контролировать температурный режим в камере, т.е. обладает своеобразной «свободой» выбора. Люди, понятно, сложнее холодильников. Они обладают отнюдь не только метафорической свободой.

Но также должно быть понятно и то, что уровень свободы зависит от знания. «Необразованный человек, — замечает Гегель, — подчиняется власти силы и определенностям природы, дети не имеют моральной воли, а дают определить себя своим родителям; но образованный, внутренне становящийся человек хочет сам быть во всем том, что он делает» [Гегель Г.Ф., 1990, с. 155]. Способность индивида быть самим собой «во всем том, что он делает», т.е. свобода производна от имеющихся у него средств, применяемых технологий и собственных умений и сноровок.

Эта зависимость позволяет связать «знание как» с тремя типами поведенческих программ — обычаем, нормой и принципом. Обычай господствует в обществах с устойчивыми — веками повторяющимися — формами жизни. По-видимому, есть смысл различать обычай и ритуал. Ритуал за-

крепляет отношение к ценностям и/или трансцендентному миру. Царство обычая локализуется в посюстороннем мире. Интеллектуальная активность «человека обычая» направлена на поиск в настоящем следов и признаков прошлого, которые подсказывают, что и как надо делать. И если настоящее перестает походить на прошлое, он склонен пытаться загнать его туда силой.

Норма представляет собой не форму действия, а ситуационное *правило*, которое устанавливает меру сочетания добра и зла, законного и незаконного, допустимого и недопустимого. Норма авторитарна в том плане, что задается потребностями сегодняшнего дня и снабжается санкцией. Ситуативный характер нормы выражается в структурном членении на гипотезу и диспозицию, которые оговаривают условия и содержание требуемого действия. Эта структура просматривается даже в религиозных заповедях. Напротив, принцип как программа поведения является трансситуативным правилом.

Латинское слово *principium* означает начало или основу. Для современных языков типична выраженная многозначность его употребления. Принципы конституируют межличностные отношения; принципиальным называют того, чье поведение отличается последовательностью и может быть предсказано. Принципы закрепляются в структуре личности; мы оцениваем свои и чужие действия с точки зрения того, что холим и лелеем. Есть смысл говорить о принципах устройства прибора или машины. Принципы лежат в основе работы учреждения и функционирования социального института. Они направляют постановку задач и поиск решений и в этом смысле служат основаниями метода.

В практике принятия решений принцип выступает своеобразным девизом; он фиксирует общий тренд, который всякий раз требует уточнения. Когда, например, судья сталкивается с трудным делом и создает прецедент, он обязан показать, что вердикт согласуется с тем или иным правовым принципом, который в свою очередь согласуется с другими правовыми решениями [Дворкин Р., 2004]. Этот обобщенный (general) характер информации, закрепленной в принципе, ставит проблему его отношения с законом науки. Принципы близки законам логической формой. Тем не менее, принцип представляет собой иной тип знаний, нежели закон.

Универсальность закона конструктивна. Законы науки непосредственно отображают отношения абстрактных объектов. Сила в теориях физи-

ков лишена носителя, но, тем не менее, обладает свойством менять импульсы и координаты материальных точек; аналогичным же образом товар экономической теории не имеет никаких определенных физических или химических свойств, но способен удовлетворять человеческие потребности. То есть закон науки описывает ирреальный воображаемый мир. Представление о правдоподобии закона возникает вследствие неявного отождествления конструктов теоретической схемы с абстрактными объектами КМ [Степин В.С., 2000, гл. 3].

Если ирреальность конструктов составляет первую черту «мира теории», которая отличает этот мир от сферы принципов, то другая его черта, позволяющая увидеть различия между научными законами и принципами, заключается во внутренней полноте теоретической модели, описываемой данным законом. Еще раз подчеркнем, что развитое понятие закона науки предполагает фиксацию *всех* условий номологического отношения. Для иллюстрации опять обратимся к закону стоимости. Чтобы товары обменивались сообразно общественно необходимым затратам труда, идущего на их изготовление, нужны определенные условия. К ним относятся равенство спроса и предложения, свободный перелив рабочих рук и капиталов внутри отрасли и между отраслями, одинаковое органическое строение капитала во всех отраслях народного хозяйства и т.д. И не факт, что все они будут присутствовать в реальной жизненной практике. Выявление этих условий — незаметная, кропотливая и очень важная часть исследования. Однако именно эта работа придает выводам ученого прогностическую силу, изящество и красоту, благодаря которым научная теория начинает работать подобно хорошо спроектированному и добротно сработанному механизму. Пожалуй, осознание значимости этой процедуры для всего предприятия подвигло Поппера на дифирамбы фальсификационизму.

Что касается принципов, то для них эти особенности достаточно проблематичны. Обратимся к диалектике количественных и качественных изменений. Иногда малые, незаметно накапливающиеся изменения некоторого *x* и в самом деле приводят к структурному преобразованию. Тем не менее, есть масса ситуаций, когда количество этих «иксов» только множится — и нельзя сказать, *x* или *у* являются однозначно количественным предикатом. Корреляцию нельзя установить заранее, но следует выявлять для каждого отдельного случая.

Хорошие законы походят на выключатели. Они работают по схеме «все или ничего». При обнаружении удивительного факта закон должен быть модифицирован или отброшен. Коллизия факта и принципа оценивается иначе: в несколько шаржированной форме она может быть выражена афоризмом «тем хуже для фактов». К афоризму следует отнести серьезно. В нем находит выражение существенная особенность принципов. Как отмечает Дворкин, в процессах принятия решений нередко участвуют больше, чем один принцип: релевантны несколько, но побеждает один — тот, что в данной ситуации обладает большим весом [Дворкин Р., 2004, с. 50–51]. Однако — и в показе этого особая ценность наблюдения Дворкина — побежденный принцип не модифицируется. Побежденный и победитель могут продолжить свои столкновения в иной ситуации, и та-бель о рангах может измениться. Но опять же, как и в предыдущем случае, это не будет означать крушения побежденного принципа. Основания не перестают быть основаниями из-за того, что в данном случае более весомым оказался другой принцип.

Таким образом, в характеристике принципа обнаруживается некое противоречие. С одной стороны, принципы подобны законам науки своим генерализующим характером. В науке эта обобщенность создается разделением мира науки и реального мира. С другой стороны, принципы закрепляют в памяти устойчивые существенные черты определенной области человеческой деятельности, поэтому они экзистенциальны. В рамках принципа это противоречие снимается путем ослабления (или отвлечения от) условий его реализации. Отсюда можно вывести три импликации: во-первых, принципы могут формироваться как индуктивно, так и дедуктивным способом. Второе: принципы не могут быть фальсифицированы. Они «работают», пока сохраняет свою силу соответствующий опыт. Третья касается экзистенциального статуса принципа и означает, что принципы классифицируются сообразно сферам и уровням бытия: есть политические принципы, моральные, физические, биологические, онтологические и т.д.

Принципы способны упорядочивать самые разнообразные сферы опыта. Здесь особенно примечательно то, что в зону их контроля подпадают, с одной стороны, отношения между средствами и результатами, а с другой — отношения между целями, средой и потребностями. Взятые вместе эти виды отношений охватывают действие

и дают то, что можно назвать «глобальной рациональностью» [Audi R., 2004, p. 41].

Рациональность и философия

Что же в итоге?

Нередко полагают, что прилагательное «мировоззренческое» непременно связано с чем-то очень далеким, с дискурсом «высокой» науки и мировой политики. Однако человек может и не задаваться вопросом о смысле истории и даже считать этот вопрос бессмысленным. Но значит ли это, что у него нет никаких общих представлений о себе, других и окружающем мире? Едва ли! Антропологи и религиозные мыслители одинаково настаивают на общечеловеческой — родовой, если угодно, — природе мировоззрения. Эта черта мировоззрения согласуется с непреложностью принятия решений. Ведь всем нам приходится принимать решения — независимо от возраста, пола, образования, расы и социального статуса — просто потому, что мы — люди. Со временем эта практика дает то, что называют жизненным опытом и даже мудростью.

Проведенный анализ позволил выделить три типа отношений индивида к опыту прошлых поколений: они различаются ориентацией на прошлое, настоящее и будущее. Соответственно они различаются степенью самостоятельности персоны в управлении своими действиями. Она минимальна, когда человек руководствуется обычаями, растет при переходе к исполнительскому типу регуляции и максимальна в ситуациях, требующих нестандартного, т.е. творческого отношения к жизненной задаче. Понятно, что последнее опирается на освоение предшествующих моделей поведения, но оно не сводимо к перегруппировке известных форм. И резонно полагать, что этот ориентированный на будущее тип самореализации внутренне связан с овладением философскими стандартами рациональности.

Этому восхождению от обычая к принципу как формам регуляции поведения структурно соответствуют три способа обоснования ценностей: от precedента к авторитету и затем к рациональности. Ценность обычая обеспечивается успешностью его применения в аналогичных прошлых жизненных ситуациях; обычай требует поступать так, как это делали предки. Норма есть *правило*, она фиксирует всю ситуацию в концептуальной форме. Обязательность нормы, даже если она установлена в прошлом, поддерживается аппаратом принуждения, действующим «здесь и сейчас». В религиозных заповедях авторитарная ос-

нова нормы возводится до уровня абсолюта. Принципу следуют не из-за авторитета, а в надежде на его рациональность.

Идея рациональности, скрывая в своих глубинах каузальную установку, в одном случае характеризует поведение, в другом — образ мысли, в третьем — функционирование социального института, и это еще не вся история. Первым, кто попытался навести здесь порядок, был Аристотель. Он предложил различать практическую и теоретическую рациональность. Практическая рациональность говорит, чего *стоит* хотеть, намереваться или делать. В фокусе теоретической рациональности находятся убеждения, которые репрезентируют взаимоотношения объектов внешнего мира. Если эти уверенности соответствуют действительному положению дел и достаточно обоснованы, они считаются знанием.

Эту антитезу теоретической и практической рациональности демонстрируют современные аналитики мировоззрения. Керни или наши авторы 60–70-х, сближая мировоззрение с КМ, тяготели к теоретической рациональности. Хиберт и те, кто подчеркивают роль религиозных убеждений в принятии моральных ценностей, делают акцент на практической рациональности.

Так как взаимная согласованность утверждений, описывающих ситуацию принятия решений, тоже является собой форму рациональности, философы ищут пути объединения видов рациональности в единую концептуальную конструкцию, которую мы, следуя Ауди, назвали глобальной рациональностью. С этой точки зрения решающее различие между практической и теоретической рациональностью связано с их отношением к эпистемической объективности. Теоретическая рациональность ориентирована на поиск истины. Она редуцирует все субъектные компоненты действия к предметностям. Этому же стремлению к истине подчинено прояснение связей между возможностями и условиями их реализации (что, собственно, и лежит в основе известной схемы Гемпеля–Оппенгейма). Отсюда вытекает пара следствий: во-первых, в рамках науки объяснение и обоснование совпадают; во-вторых, теоретическая рациональность представляет собой не составную часть глобальной рациональности, а ее упрощенный вариант. Стало быть, механическое соединение теоретической и практической рациональности невозможно.

Поскольку действие строится на учете каузальных связей, теоретическая рациональность образует концептуальный каркас практической

рациональности. Однако рациональность избранных средств и методов не гарантирует рациональности цели. Одна из встающих тут трудностей состоит в разновременности выхода этих видов рациональности на предельную общность.

Мифологическое мировоззрение организовано в виде множества отдельных историй, объясняющую функцию внутри которых выполняют атропоморфные аналогии. Религия предложила единый нарратив, системность которого обеспечивается концептами высшего творца, вечной души и посмертного воздаяния. Разграничение богословия и обыденного религиозного взгляда на мир, формирующегося на основе проповедей, открыло перспективу для дальнейшей рационализации мировоззрения. В средневековой Европе начало процессу было положено спорами между магистрами богословия и профессурой факультета свободных искусств. Итогом этого движения явились метафизические системы Нового времени как целостные теоретически организованные предельно обобщенные формы мировоззренческой рефлексии.

В философии прежние формы обобщения мировоззренчески значимых ситуаций — эмпирические, духовно-практические, художественные — сняты категориями и принципами. У философии нет *своего* экспериментального базиса (но «много должны знать мужи-философы»); она начинает с предельных абстракций («бытие», «истина», «благо» и т.д.), а затем вводит и выводит новые определения. Этот момент обыгран Гегелем и в нем корень нынешнего интереса к мысленному эксперименту.

Изучение философии не делает человека хорошим философом. (Как свидетельствует опыт Сократа, неудачный брак в этом плане иногда продуктивнее.) Но человек будет в состоянии понять, что его точка зрения не является единственной легитимной. Он займет более человечную позицию. И он концептуально подготовлен к рациональной оценке своих действий в контексте объективных тенденций реального мира. А в наше пересыщенное идеологемами и информационным шумом время это не так уж и мало.

Список литературы

Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Гегель Г.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Кант И. Критика способности суждения // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. М.: Наука, 2001. Т. 4. 1120 с.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс—Традиция, 2000. 744 с.

Хазиев В.С., Хазиева Е.В. Мировоззрение как субъективная реальность. Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. 296 с.

Цонев В. Картина на света и нейнота светогледна и методологична роля. София: Наука и изкуство, 1987. 126 с.

Audi R. Theoretical Rationality: Its Sources, Structure, and Scope // The Oxford Handbook of Rationality / ed. by A.R. Mele, P. Rawling. N.Y.: Oxford University Press, 2004. P. 17–44. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195145397.003.0002.

Conradie E. Views on Worldviews: An Overview of the Use of the Term «Worldview» in Selected Theological Discourses // Scripture. 2014. Vol. 113, no. 1. P. 1–12. URL: <http://scriptura.journals.ac.za/pub/article/view/918> (accessed: 12.01.2018).

Hiebert P.G. Transforming Worldviews: An Anthropological Understanding of how People Change. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2008. 368 p.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 1540 p.

Kearney M. World View. Novato, CA: Chandler & Sharp, 1984. 248 p.

Sartini S., Shri Ahimsa-Putra H. Preliminary Study on Worldviews // Humaniora. 2017. Vol. 29, no. 3. P. 265–277. DOI: 10.22146/jh.v29i3/29690.

Sire J.W. Naming the Elephant. Worldview as a Concept. Downers Grove, IL: IVP Academic, 2010. 202 p.

Получено 05.03.2018

References

Audi, R. (2004). Theoretical Rationality: Its Sources, Structure, and Scope. *The Oxford Handbook of Rationality*, ed. by A.R. Mele, P. Rawling. New York, Oxford University Press, pp. 17–44. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195145397.003.0002.

Conradie, E. (2014). Views on Worldviews: An Overview of the Use of the Term «Worldview» in Selected Theological Discourses. *Scripture*. Vol. 113, no. 1, pp. 1–12. Available at: <http://scriptura.journals.ac.za/pub/article/view/918> (accessed: 12.01.2018).

Dworkin, R. (2004). *O pravakh vserez* [Taking Rights Seriously]. Moscow, ROSSPEN Publ., 392 p.

Hegel, G.F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Moscow, Mysl' Publ., 524 p.

- Hiebert, P.G. (2008). *Transforming Worldviews: An Anthropological Understanding of how People Change*. Grand Rapids, Baker Academic, 368 p.
- Hornby, A.S. (2004). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. New York, Oxford University Press, 1540 p.
- Kant, I. (2001). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgement]. I. Kant. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh: v 4 t.* [Kant's works in german and Russian: in 4 vols.]. Moscow, Nauka Publ., vol. 4, 1120 p.
- Kearney, M. (1984). *World View*. Novato, Chandler & Sharp., 248 p.
- Khaziev, V.S., Khazieva, E.V. (2004). *Mirovozzrenie kak subektivnaya realnost'* [Worldview as a subjective reality]. Ufa, BSPU Publ., 296 p.
- Sartini, S., Shri Ahimsa-Putra, H. (2017). Preliminary Study on Worldviews. *Humaniora*. Vol. 29, no. 3, pp. 265–277. DOI:10.22146/jh.v29i3/29690.
- Sire, J.W. (2010). *Naming the Elephant. Worldview as a Concept*. Downers Grove, IVP Academic, 202 p.
- Stepin, V.S. (2000). *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 744 p.
- Tsonev, V. (1987). *Kartina na sveta i neynota svetogledna i metodologichna rolya* [Picture of the world and its global and methodological role]. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 126 p.
- Wittgenstein, L. (1994). *O dostovernosti* [On Certainty]. L. Wittgenstein. *Filosofskie raboty, Ch. 1* [L. Wittgenstein. Philosophical works. Pt. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 612 p.

Received 05.03.2018

Об авторе

Шрейбер Виктор Константинович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shreiber@csu.ru
ORCID: 0000-0002-5947-1689

About the author

Viktor K. Shreiber

Ph.D. in Philosophy,

Associate Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: shreiber@csu.ru
ORCID: 0000-0002-5947-1689

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шрейбер В.К. О мировоззрении, его структуре и отношениях с философией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 191–202. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-191-202

For citation:

Shreiber V.K. On worldview, its structure and relation to philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 191–202. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-191-202

УДК 165.62:81'42

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-203-213

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТРАДИЦИОННОГО ТЕКСТА: ЗАГОВОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК «МАШИНЫ ЖЕЛАНИЯ»

Домников Сергей Дмитриевич

Институт философии Российской академии наук

Феноменологический подход в настоящее время занимает значимое место среди прочих методов текстологического анализа, в частности, поддерживает традиционные методы герменевтики, структурального и лингвистического анализа текстов. Для теоретической феноменологии проблематика традиционного текста, в том числе вопросы анализа «естественной установки» сознания являются весьма актуальными. В обрядовых и магических текстах нередко ярко представлены аспекты телесности и желания — и именно традиционные русские заговоры социальной направленности XVII–XIX вв. являются объектом исследования. Тема желания в соответствии с феноменологическим подходом рассматривается как субститут темы интенциональности. В работе используется комбинация методов, в системе которых феноменологический подход трактуется в качестве органической составляющей любой текстологии. Этот подход позволяет по-новому взглянуть на памятники письменности традиционного общества. Синтез методов разных дисциплин вокруг феноменологической проблематики желания позволяет трактовать заговорный текст в качестве своего рода «машины желания». Как известно, понятия «телесность», «желание», «жизненный мир» включаются в дискурсы практически всех гуманитарных и социальных дисциплин, в существенной мере определяя облик исследований в области изучения «культуры повседневности». Методы интенционального и эйдетического анализа вместе с традиционными методами герменевтики позволяют исследовать до сих пор слабо изученные аспекты живого опыта действующего и волящего субъекта. В исследовании властный дискурс представлен на фоне архетипических сценариев в связи с репрезентациями представлений о мире: тело-мир и мир-тело. Констатируется универсальный характер семантики и pragmatики традиционного текста и раскрывается их содержание.

Ключевые слова: традиция, заговор, желание, интенциональность, естественная установка, телесность, мир, жизненный мир, власть, сила, повседневность, феноменология, герменевтика, традиционное общество, традиционный текст, дискурс.

TO PHENOMENOLOGY OF TRADITIONAL TEXT: CHARMS OF SOCIAL ORIENTATION AS «DESIRE MACHINES»

Sergey D. Domnikov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The article is focused on the phenomenological aspect of traditional text. The analysis of «natural mental attitude» is a currently relevant object for research within theoretical phenomenology. The subject of the article is a problem of corporality and desire, which is brightly presented in ceremonial and magic texts. The research object are texts of traditional Russian charms with social orientation of the XVII–XIXth centuries. The phenomenological approach, which supports traditional methods of hermeneutics, the structural and linguistic analysis of texts and so forth, takes a significant place among other methods of the textual analysis today. According to the phenomenological approach, desire is considered to be a substitute of intentionality. The article deals with a combination of methods, among which the phenomenological approach is positioned as an organic component of any textual criticism. This approach allows one to take a fresh look at writing monuments and folklore of traditional society. The intention to group methods of different disciplines around phenomenological issues of desire makes it possible to interpret texts of charms as a kind of «desire machine».

The concepts of «corporality», «desire», «the vital world» are included in discourses of the majority of social disciplines and the humanities, in many respects determining theoretical search in the field of studying the «culture of everyday life». Phenomenological methods of intensional and eidetic analysis along with traditional methods of hermeneutics allow us to consider new aspects of live experience of the acting and "willing" subject. The imperious discourse is represented against the background of archetypic scenarios in connection with representations of ideas of the world: body-world and world-body («the vital world» and «world space»). The paper reveals the universal nature of semantics and pragmatics of traditional text.

Keywords: tradition, charm, desire, intentionality, natural mental attitude, corporality, world, vital world, power, force, everyday life, phenomenology, hermeneutics, traditional society, traditional text, discourse.

В статье исследуется феноменологическая проблематика традиционного текста. Анализ «естественной установки» сознания является актуальным предметом исследования в рамках теоретической феноменологии. Предметом статьи является проблематика телесности и желания, ярко представленная в обрядовых и магических текстах. Объектом исследования являются тексты традиционных русских заговоров социальной направленности XVII–XIX вв. [Ефименко П.С., 1874; Отреченное чтение..., 2002; Топорков А.Л., 2010]. Феноменологический подход в настоящее время занимает значимое место среди прочих методов текстологического анализа, в частности, поддерживая традиционные методы герменевтики, структурального и лингвистического анализа текстов и проч. Тема желания в соответствии с феноменологическим подходом рассматривается как субститут темы интенциональности. В работе используется комбинация методов [Гуссерль Э., 2000, 2005; Кулэ М.Х., 1989; Михайлов И.А., 2016; Рикёр П., 1995], среди которых феноменологический подход позиционируется в качестве органической составляющей любой текстологии [Бабушкин В.У., 1985; Гуссерль Э., 2005; Рикёр П., 1995]. Метод интенционального анализа из области конституирования «интенциональных предметов» [Гуссерль Э., 2005, с. 36–74, 241–282] в этом случае смещается в область изучения живого опыта действующего и волящего субъекта. Данный подход позволяет по-новому взглянуть на памятники письменности и фольклора традиционного общества. Стремление к группировке методов разных дисциплин вокруг феноменологической проблематики желания позволяет трактовать заговорный текст в качестве своего рода «машины желания».

Концепты «телесности», «желания», «жизненного мира» включаются в дискурсы самых разных гуманитарных и социальных дисциплин, во многом определяя собой теоретические искания в области изучения «культуры повседневности». Феноменологические методы интенционального и эйдетического анализа вместе с традиционными методами герменевтики позволяют рассмотреть

новые аспекты живого опыта действующего и волящего субъекта. Властный дискурс представляется на фоне архетипических сценариев в связи с репрезентациями представлений о мире: тело-мир и мир-тело («жизненный мир» и «мир-космос»). Раскрывается универсальный характер семантики и pragmatics традиционного текста.

«Тексты желания»

Традиционные заговоры представляют собой наиболее репрезентативную группу «текстов желаний». Задачей, которую решает исполнитель ритуала заговора, является не просто исполнение цели «волящего (властного) субъекта». Желание, источником которого является человек, в ритуале превращается во властную силу, которая воздействует на мир, преобразуя его состояние и подчиняя его воле протагониста [Бестеги М., 2013]. По существу властное начало или «сила», которой стремится овладеть протагонист заговора, или «заговорщик», выступает для него орудием, служит ему средством решения прочих задач и инструментом достижения последующих целей. Самого себя «заговорщик» представляет получателем и носителем власти (хотя бы ее доли), но также ее средством и инструментом, ее узурпатором и временным обладателем. На каком-то этапе и сам протагонист заговора ощущает себя рабом желания. Именно в этом амбивалентном статусе состоится признание и себя самого источником собственного желания и волевым началом, в котором свершается и раскрывается Я-самость — властная и зависимая. Многозначность значений, сопряженных с комплексом «власти» и «желания», раскрывает позиционируемое в них экзистенциальное содержание.

Протагонист заговора, предъявляющий желание невидимой «силе» для его осуществления «любыми средствами», должен представлять самого себя повелителем силовой стихии. Этой «стихией» и этой «силой» он овладевает, сам воплощаясь в «силу» и «стихию», с целью осуществления желания. Техники работы с этой «силой» можно проследить на примере любого вида

заговоров: «на любовь», «на здоровье», «от порчи» или «от сглазу» и т.п. «Заговоры на власть» — одна из разновидностей заговоров социальной направленности. Это совершенно уникальная разновидность традиционных текстов, в которых действует сила («власть»), направленная на другую силу («власть»), подчиняющая ее себе и вместе с тем подчиняемая ей. Активированное «желанием власти» Я в этом же желании «свертывается», превращаясь в ее (власти) функцию и инструмент. Именно такого рода трансформации представляют интерес для феноменологического и атропологического анализа.

Тип выражений традиционных формул и языковых «клише», используемый в традиционных заговорах, относится, согласно квалификации Дж. Остина, к типологической разновидности перформативных высказываний [Остин Дж., 2006]. Выражения этой группы являются декларациями символического действия, которым осуществляется «трансформация мира»: т.е. фактичность высказывания (интенция желания) представляется «фактом мира» (осуществленным желанием). Вместе с тем обладание желанием означает превращение мира в предмет собственного желания. Подобный тип прагматики в целом характеризует ритуальные формулы, что и предопределяет связь заговорного текста с ритуальным контекстом и магическим переживанием мира, присущим архаике и восходящим к архетипическому (бессознательному) пласту психики. Этот же тип движения может трактоваться и как движение в сторону религиозного сознания [Гуссерль Э., 2000, с. 364 и след.; Отто Р., 2008].

Специфические особенности такого рода установки сознания составляют неотъемлемую часть традиционного дискурса власти. Значение аффективного, перформативность и экстатическая возбужденность, подвижность эмоционального состояния — остаются лучшими средствами для манипуляции сознанием наблюдателей и являются неотъемлемой частью любого политического «перформанса». Разновидности заговоров, проклятий и приговоров «на власть», заклинаний «прихода во власть» и т.п. (в статусе «отреченных» [Отречено чтение..., 2002] — запрещенных и апокрифических, т.е. неканонических текстов) получили отражение в многочисленных рукописных источниках, а также в документах следственных дел и уголовных расследований (XV–XIX вв.) [Отречено чтение..., 2002; Топорков А.Л., 2010, с. 183]. Все они имеют фольклорные источники и соответствующую традиционную семантику.

Общество как социальное тело

Приведем референтный текст из сборника А.Л. Топоркова «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» [Топорков А.Л., 2010], предметом которого является чаяемое обретение силы с целью воздействовать на власть имущих или стать вровень с ними. Объектом его выступает весь мир, преображаемый желанием («просветление» и «воздование») и подчиняемый воле протагониста заговора.

«Заговор на власть»: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Господи, благослови, отче. Въстану яз, раб Божий имрек, благословясь, умоюся свежею водою. Утруся пряденным тканым платком; и как возрадовались князи и бояре, и патриархи и архиепископы, и священницы, и дияконы, и все православные крестьяне утреной зоре и восходжу солнцу душею и телом, думою и мыслию, умом и помышлением, и всеми своими нравы человеческими о по всякой день, и по всякой час, и по всякое время, и так бы возрадовались мне, рабы Божиу имрек, моему пришествию князи и бояре, и все православные крестьяне на браку, и беседе, и на въстрече, и на постизании, и во всяком месте душею и телом, думою и мыслию, умом и помышлением, и всеми своими нравы ч(е)л(о)в(е)ческими. И как возрадовались князи и бояре, и велможи, и патриархи, и архиепископы и епископы, и священницы и дияконы, и все православные крестьяне Светлому Христову господню тридневному Воскресению, Великудни душею и телом, думою и мыслию, умом и помышлением, и всеми нравы человеческими, и так бы возрадовались мне, рабу Божиу имрек, и моему пришествию князи и бояре, и патриархи, архиепископы и епископы, и священницы, и дияконы, и все православные крестьяна на браку, и на беседы, и на встрече, и на постизании, и на всяком месте душею и телом, думою и мыслию, умом и помышлением, и всеми своими нравы человеческими по всякой день, и по всякое час, и по всякое время, на ветху и на молоду, и постизании. И как возрадовались звери полскии и птицы утреной зори, восходжу солнцу по всякой день и по всякой час, по всякое время, и так бы возрадовались о мне, р(абе) Б(ожи)ем, князи и бояре, и велможи, и патриархи, и архиепис(ко)пы, и епископы, и священницы, и дияконы, и все православные крестьяне и моему пришествию на браку и на беседе, на стрече и на постизании душею и телом, думою и мыслию, умом и помышлением, и всеми своими нравы человеческими и по всякой день, и по всякой час, и по всякое время. Будите вы, мои слова,

вострея меча, и всякого востраго копья, и сабли, и ножа во веки веком. Аминь. Ключ и замок сей молитве, печать аггельская во веки веков. Аминь» [Топорков А.Л., 2010, с. 343–344].

На место низвергаемой власти протагонист ставит самого себя. Частый мотив заговоров «на власть» — выражение «заговорщиком» желания всеобщей любви: чтобы все люди его «любили», «любовались» им и «воздадовались» его присутствию. Любовь и любование как форма социального признания — наиболее распространенный мотив заговоров социальной направленности. Не желание как таковое, а желание другого желания, как отмечал Э. Гуссерль, развивая гегелевскую мысль, составляет предмет желания [Бестеги М., 2013, с. 52–53]. Акцент на социальной природе желания, которое он трактовал как форму интенциональности и возводил к основополагающей характеристике «естественной установки», вероятно, связан с ростом интереса позднего Гуссерля к проблематике «жизненного мира».

Но любовь — это и сила любви, которой «схватывается» мир и которой подчиняются люди. Здесь этот мотив служит общей цели манипулирования «околдованными» и «очарованными» властью. Вместе с тем это способ приведения самой власти в состояние «зачарованности», т.е. ее околдования или «затмения». «Затмение» распространяется и на личных недругов или всех, кто готов выступить соперником или конкурентом протагониста. На них и насыщается «затмение», «омрачающее» их сознание («аки тма»). В итоге на место низвергаемой власти восходит ее новый обладатель, призванный воскресить ее идеальный статус. Образ «идеальной власти» как благодетельной силы, дарящей миру блаженство, восходит к архетипической модели общества как тотального социального целого, исполненного радости всеобщего космического единства, заключающего в свой вселенский хоровод людей и животных, рыб и птиц, небесные светила и природные стихии. Перед нами образ одушевленного мира, переливающегося жизненными силами социального тела, избегающего разрывов, части которого собраны из всего живого, органы которого идеально сорганизованы для отправления естественных физиологических (биологических и социальных) функций.

«Тело мира» и «социальное тело» — архаическая версия представления об одушевленности мира, его насыщенности жизненной силой, разумным и действенным началом. Власть — это не только голова, управляющая своим телом, но и

сила и здоровье, радость и благополучие, это совесть и забота, торжествующие в мире порядок, взаимная зависимость и взаимная ответственность и т.п. Универсальный мотив заговоров — мотив отзывчивой Власти, призванной окормлять свое тело и заботиться о ее попечении. Но власть — это, в первую очередь, воплощенные в мире силы и воли, для взаимодействия с которыми «заговорщик» выражает нужду в собственной силе и воле к власти.

Мир-тело и тело-мир

Традиционная культура, если ее рассматривать в солипсистской версии мироощущения отдельного человека, исполнена переживанием мира как продолжающего собственное тело и его объемлющего «жизненного мира», претворенного в «тело» мира. Человек открывается миру, он доверяется его стихиям, которые становятся носителями его воли и его желания. Действующие в этом мире силы связываются с жизненными силами собственного тела, перетекают в него и овладевают им. Они осваиваются телом и его органами, оперирующими объектами этого мира и продлевающими тело в мир. Традиционный мир — это не мир-космос в нашем понимании [Журавлев А.Ф., 2005; Завьялова М.В., 2006], но мир-тело, чувственный и осязаемый «жизненный мир» человека. Беспределность желания означает беспределность мира, этим желанием полагаемой в качестве «реальности» желания, управляющего психо-соматическими состояниями субъекта.

Этот мир-тело является продолжением тела, которое полагает ему пределы в самом сознании, либо задается собственными функциональными, т.е. физическими и психическими, возможностями тела. Эти «пределы», задаваемые подвижными феноменологическими «горизонтами», включают в себя и другие тела и вещи (как достигаемые «горизонты» и «пределы»), растения и животных, объекты ландшафта и т.п., образующие жизненную среду и условия существования тела. Феноменологический термин «горизонт» обозначает движение контура перцептуального поля, изменяющегося вместе с изменением состояний субъекта.

Предложенный Гуссерлем концепт «телесности», который является основанием его трактовки «естественной установки» сознания, может послужить пониманию характера этого мироощущения, его специфического содержания и его внутренних «механизмов». Речь идет о чувственном переживании мира или о состоянии «жизненного мира», которое предвосхищает любую фор-

му рациональности, в том числе социального действия. Гуссерль сформулировал следующую мысль о теле, образуемом кинестетическими «порогами», которыми собственный опыт открывается сознанию в разных модусах. «Здесь мы можем объяснить, — пишет Гуссерль, — почему речь о чувственном мире, о мире чувственного созерцания, о чувственном мире явления имеет существенные ограничения. В любой реализации естественного интереса в жизни, который удерживается только в сфере жизненного мира, возврат к “чувственно” переживаемому созерцанию играет значительную роль. Ибо все предстающее в сфере жизненного мира в качестве конкретной вещи имеет, само собой разумеется, телесность (Körperlichkeit), даже если это не просто тело, как, например, животное или объект культуры, но имеет также психические и иные духовные свойства. Если мы обращаем внимание в вещах лишь на телесное, то оно предстает, очевидно, в сфере восприятия только в видении, ощупывании, слышании и т.д., т.е. в визуальных, тактильных, акустических и т.п. аспектах. В этом, само собой разумеется, неминуемо участвует всегда присутствующее в поле восприятия наше тело, притом вместе со своими соответствующими “органами восприятия” (глаза, руки, уши и т.д.). Соответственно [модусам сознания] они постоянно играют определенную роль, причем они функционируют в видении, слышании и т.д. в единстве с присущей им Я-подвижности (incliche Bewerlichkeit), вместе с так называемыми кинестезами. Все кинестезы, любое “Я двигаюсь”, “Я делаю” связаны между собой в универсальном единстве, причем кинестетический покой — это модус моего действия. Очевидно теперь, что стороны, в которых представлено (Aspekte-Darstellungen) являющееся в восприятии тело, и кинестезы — это не рядоположенные процессы, но скорее они действуют совместно таким образом, что эти стороны получают определенный бытийный смысл, определенную значимость как со стороны тела (Körper) только потому, что их непрерывно требуют кинестезы, общая кинестетически-чувственная ситуация, каждая деятельность вариация совокупных кинестезов посредством введения в игру тех или иных особых кинестезов, и они осуществляют соответствующие требования» [Гуссерль Э., 2005, с. 447–448].

Концепты «тело мира» и «социальное тело» — калька архаической версии одушевленности мира, представления о его насыщенности жизненной силой, энергичным и действенным началом. Актив-

ность собственного тела служит сознанию человека оперативной моделью, которая опять же кинестетически в опыте тела воспроизводит и предлагает сознанию «модель мира». Изначальный доступ сознания к миру в естественной установке, по Гуссерлю, открывается в самой активности тела, его волевой или практической распорядительностью. Тело заговора — это феноменологическое тело. В этом смысле протагонист заговора декларирует собственную приверженность управляющему миром практическому Благу, от лица которого он выступает привычно в качестве практика, но также в качестве политика, воплощения общественного разума. Так что заговорный текст этой разновидности может служить блестящей иллюстрацией политических взглядов своего времени и самого способа восприятия политического. Универсальный мотив заговоров — мотив Власти, призванной окормлять свое тело и заботиться о его попечении. Но власть — это в первую очередь воплощенная в социальных и политических институтах (а также их представителях) сила и воля, для взаимодействия с которой «заговорщик» выражает нужду в собственной силе и воле к власти.

Власть как сила

Весь инфантильный комплекс идеальных ожиданий (удачи, благополучия, положительного стечения обстоятельств, достижения комфорта и т.п.) в текстах этого типа связывается с «комплексом власти», который венчает представление о значении силы. Страсть и эмоция, воля и желание, любовь и ненависть и т.п. переживаются как воздействия силы (аффекта), захватывающей и подчиняющей, т.е. власти-силы, способной подавлять и воодушевлять. Она заявляет о себе в каждом из моментов социального действия, присутствует в самой интенциональности сознания, в направленности действия на предмет и т.п. Она проявляется в виде силы и энергии, которые в качестве принадлежащих физическому телу способны проникать общественное тело. Она же господствует и проявляется в во всех социальных средах. Все формы жизни и способы существования, природные тела и объекты, космические стихии и земные и ландшафты суть роды сил.

В следующем тексте весь мир представлен в качестве универсума сил.

«Заговор на того, кто зло помышлит»: «Господи, благослови, отче. Святаго Илью подыну с *н(e)бесной силой* на помошь(ь) себе, земную силу подойму со земной силой на помошь(ь) себе, водянную силу подойму с водянной силой на помошь(ь)

се бе, родителей подойму с четвертой сторон(ы) силой на помош(ь) себе. Какой люб будет помысл на раб(у) Б(о)жию имярек, небесная сила (со) небесной силой, земная сила со земной силой, (бы)тте мне в помош(ь), водянная сила с водян(ной) силой, бы)тте в помош(ь), родители с четвертой... стороны, бытте // в помош(ь), кто на меня кое зло помыслил...» [Топорков А.Л., 2010, с. 102–103].

Феноменология властного устремления и различные мотивации власти раскрываются в повседневной жизни через проявления исходящих от нее сил и энергий. Они вписываются в общую динамику проявлений *casus energeticus* — единственности власти-силы, осуществляющей свои полномочия в качестве олицетворения *всебицей связи*, которую власть призвана обеспечивать и поддерживать, т.е. силы, проникающей общество и сплачивающей его. Социальные силы в этом ракурсе представлены как зависимые от превосходящих их космических и природных сил. Дихотомия «действие – претерпевание воздействия» включается в единый комплекс социальных представлений «тело-сила – власть-сила – мир-сила».

Л. Леви-Брюль, сообщая о североамериканских индейцах сиу-дакота, следующим образом формулирует свое понимание присущего примитивным народам принципа всеобщей связи, который он определяет термином «партиципация» (сопричастие): «Они рассматривают все одушевленные и неодушевленные формы, все явления, как проникнутые общей жизнью, непрерывной и похожей на волевую силу, которую они сознавали в самих себе. Эту таинственную силу, наличную во всех вещах, они называли ваканда (в другом месте “вакан”. — С.Д.) Этим путем все вещи оказывались связанными с человеком и между собой... Вакан обнимает все, что есть тайна, таинственная сила и божество... Всякая жизнь есть вакан. Точно так же, вакан — всякая вещь, которая обнаруживает либо активную силу, подобно ветрам и собирающимся на небе облакам, либо пассивную силу сопротивления, подобно скале у края дороги» [Леви-Брюль Л., 2012, с. 92]. Аналогичные значения силы имеют *Мана* у меланезийцев, *Xay* у маори, *Оренда* у ирокезов, *Маниту* у алкоголиков и т.п.

Весь мир представлялся человеку структурированным силами, разделенным между Властителями и Хозяевами, обладателями сил животных миров и природных ландшафтов, повелителями небесных просторов и земных стихий. Традиционное общество образуется идеей силы. «Это идея силы, где силы мага, обряда и духа являются

лишь различными ее выражениями, соответственно различным элементам магии. Поскольку ни один из этих элементов не действует сам по себе, а лишь в той мере, в какой он наделен — будь то в силу социальной конвенции или же при помощи социальных обрядов — тем самым свойством обладания силой, и не физической, а магической», — писал Марсель Мосс [Мосс М., 2000, с. 193]. В традиционной культуре любое действие — это действие силы-власти, имеющей источником и объектом другую власть-силу.

Примечательно отнесение заговора, основным и безусловным предметом желания которого является «сила», к категории текста против того, «кто зло помыслит». То есть сбиение силы предполагается не только ради ее применения против слабого, не в целях использования в эгоистических интересах или для нападения, а ради защиты от активности недоброжелателей и злых людей. Желание силы в этом случае обусловлено не властным импульсом, а страхом перед возможной угрозой, ощущением беззащитности и общего напряжения, которое присуще социальному существованию как таковому. Мотив онтологической «ненхватки», который фундирует проблематику желания, развел Ж.-П. Сартр [Сартр Ж.-П., 2000]. Ему принадлежит и тезис о конфликтности общежития как продукта трансцендирования от встречи хотя бы только двух сознаний. Феноменологическое «удвоение» проблематики желания играет ключевую роль в его философской антропологии.

С одной стороны, желание (и любовь) конституируют два основных отношения сознания к другому сознанию. Если Гуссерль, вслед за Гегелем возводящий желание к сексуальному влечению, говорит о желании как «исконной коммуникации [*Vergemeinschaftung*]» и заявляет, что всякое сообщество в основе своей является «сообществом желания» [Бестеги М., 2013, с. 52], то Сартр видит в нем и причину неизбывного социального напряжения. «Перед Сартром, — пишет М. де Бестеги, — стоит следующая проблема: отождествление сознания с безграничной силой отрицания, или ничтожения (*neantisation*), и утверждение его трансцендирующего движения, которое никогда не останавливается, не находя удовлетворения ни в каком конкретном объекте, означало, что встреча двух сознаний может быть только конфликтом» [Бестеги М., 2013, с. 52]. В «Бытии и Ничто» в разделе «Первая установка по отношению к другому» Сартр заявляет: «В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой

пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить [*asservir*] другого, другой стремится поработить меня. Здесь речь не идет об односторонних отношениях с объектом-в-себе, но об отношениях взаимных и подвижных. Отсюда описания, которые последуют, должны рассматриваться под углом зрения *конфликта*. Конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 379].

В свете интерпретации А. Кожевым гегелевской диалектики раба и господина в «Феноменологии духа», а также некоторых аспектов размышлений Фрейда о влечении к смерти для Сартра «бытие-для-других и, в особенности, желание и любовь, в которых берут начало все остальные отношения, предполагает борьбу и подчинение» [Бестеги М., 2013, с. 52]. Другими словами, желание никогда не удовлетворится обретением другого, превращая в предмет желания и его объект весь мир. Опираясь на кожевский сюжет из Гегеля, Сартр характеризует феномен желания в терминах «онтологического насилия», которое уже во взгляде на другого обнаруживает желание, которое есть «желание обладания»: «Если мы исходим из первичного открытия другого как *взгляда*, то должны признать, что испытываем непостижимое бытие-для-другого в форме обладания» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 380].

Сартр говорит не об обладании телом или сознанием, но о стремлении к обладанию «самой трансцендентностью», т.е. тем, чем «я никогда не могу обладать», как экзистенциальной драме. Желание, которому в текстовых презентациях присущ «двойной» механизм различения/отождествления, становится инструментом социального контроля, средством социальной «разборки» и последующей «сборки» самой социальности. Прагматика или «интенция» такого рода всецело присуща заговору, который включается в процесс сознательной деятельности, обеспечивающей преодоление негативной социальной установки, уже на этом этапе презентации желания как концентрированной силы. Гуссерль отнес бы эту форму рефлексии к естественной рефлексии, в отличие от трансцендентальной [Гуссерль Э., 2000, с. 363–368].

Эманации силы: или «о делимости неделимого»

Целостность вселенского тела, собираемого силой желания и всеобщего влечения, — основной мотив заговорного текста. В самом крайнем выражении телеология заговора может быть кощунственно

грандиозна и чрезмерна в своем не имеющем границ намерении, но она не слепо безрассудна. В самом способе манифестации желания ощущается подспудная внутренняя правота и присущий ему природный, даже животный, смысл. В нем заявляет о себе форма особой коммуникации, характер которой нуждается в раскрытии. Есть какая-то внутренняя тайна, которую феноменология так ценит в «явлении» или «данности» феномена, общая для человека и мира, меня и Другого. Она скрывается в самой природе желания, связывающего мир и человека напрямую «без обиняков». Вот почему, как замечает Бестеги, «помимо опыта эротической любви и интенциональности желания, Гуссерль усматривал здесь генезис социальной сферы, конституирование объективности и далее логики, науки и рациональности вообще. <...> Посредством желания индивид изымает себя из замкнутой сферы потребностей и органической жизни и начинает процесс социализации с другим желанием. С соприкосновением двух тел возникает бытие-для-другого, протосообщество, основанное на взаимности и удовлетворении» [Бестеги М., 2013, с. 51].

Источник заговора обнаруживается в интенции желания человека и в сознании отрыва этого желания от реального положения вещей, в наличии социальной дистанции, проблематизирующей саму «область желания». Заговорная традиция, направленная «на власть», имела установкой преодоление социальной дистанции, ликвидацию разрывов в единой ткани социального тела, достижение всесвязности его частей и органов, физических отправлений и биологических функций. Власть проявляет себя как действие вышестоящей силы. Поэтому движение «во власть» — это поэтапное восхождение снизу вверх — «восхождение в силы», «собирание сил», «облачение силой» и т.п.

В некоторых случаях сценарий заговора можно представить как космическое путешествие, магическое странствие по областям мира, как ревизию его состояния и, одновременно, причащение рассеянных в нем сил, собирание их в себе («разборка» и «сборка» социальности с ревизией его идеологических конструктов). Особый интерес представляют в русских заговорах мотив «чудесного одевания» (одевания светом зарей, солнцем, месяцем, облаками с последующим обретением сверхъестественных способностей и наделением космической мощью). Конечной точкой на этом маршруте становится место средоточия земных сил — остров в океане, на котором произрастает «древо всех семян» — символ мирового плодородия и источник жизненных сил (дуб, кипарис, кедр, виноград и

др.), в корнях которого плетутся мировые судьбы, откуда вытекает мировая река, образующая океан, и откуда весь мир «начал быть».

Заговоры «на власть», как правило, приурочивались к встрече с представителем власти. Само общение с наделенным властью человеком в силу редкости таких ситуаций рассматривается иногда как единственный шанс в жизни или, во всяком случае, определяющий момент на данном отрезке жизни. Поэтому фокусирование простого городского обывателя или крестьянина на возможности достижения своей цели предопределяло высокую степень ожидания от такого общения. Интенция заговора служит выражению предельного опыта, требующего сосредоточения усилий и крайнего напряжения своих сил в локусе взаимодействия с тем или иным представителем власти. Мотив сосредоточения желания в силу и осуществляется в сценах «одевания в силы» или «чудесного одевания».

Мотив «собирания сил» и «одевания в силы» соответствует общей прагматике желания, утверждающего себя волевым образом. Но таким же образом, каким мир и дублирующее его состояния в опыте телесности традиционное мироощущение представляет собой «собранные силы» или «власти», таким же образом этот мир и это сознание способны переживать себя в состоянии распада сил и дифференциации состояний. Мир никогда не един, образующие его множества представляют собой группировки объектов. Тело и себя переживает в естественной установке «собираемым» и «распадающимся», способным адаптировать разные телесные функции и разные состояния сознания.

Архетипическая модель власти-силы имеет под собой длительную историческую традицию, уходящую корнями в магическое мышление. Архаический и средневековый фольклор представляет собой персонажи-силы: «богатыри» или «осилки» славянского эпоса, средневековые великаны и раблезианские гиганты, мифические герои-силачи, демоны мест и стихий («Лешие», «Водяные», «Горыни» и «Дубыни» и т.п., вырастающие до небес, обладающие способностью к оборотничеству, внушающие страх и ужас) [Криничная Н.А., 1988, 2014]. Почтение человека к этой силе обусловлено и почтением к персонажам-силам, обладающим способностью ее безудержной траты. Всякая рефлексия и контроль за ее расходованием, а также любая попытка ее дозирования рассматриваются как ее ограничение в себе и лишение себя впоследствии доступа к ее мочи и энергии.

Обладание же силой трактуется как следствие пребывания в благодетельном поле ее спонтанной активности, как способ ее трансляции и следование доступной логике ее развертывания. Действующее тело рассматривается как тело, расходящее свою силу. В рамках феноменологической проблематики телесности речь идет о деятельно-практическом способе представления тела, в котором действенное и чувственное, сознательное и рефлекторное обнаруживают взаимное переплетение в опыте живого и чувствующего, т.е. одушевленного тела. Одушевленность понималась в первую очередь как физическая подвижность, вовлеченность в комплекс действия/претерпевания, т.е. силовые отношения. Рефлексивное мышление на ранних этапах своей истории (включая мифопоэтическое) и есть ретроспективный анализ разных «форм» этой силы, проявления которой отслеживаются в обратной перспективе — постигая себя *самое* как движение «от слабости к силе», от фрагментированности к цельности, через смешение перспектив (проявлений отдельных сил) к общему горизонту (обладания полнотой нерасчлененной силы) и т.п.

Состояния мира: умиление и ужас

В манипуляциях собственным сознанием protagonista добивается трансформации «состояния мира», приведения его в соответствие с собственными целями, желаниями или намерениями. В возбужденном пространстве медитативного экстаза «воспламененное» страстью собственное тело как «свое-другое» — социальное тело, поглощаемое собственной самостью, — представляется зримым воплощением космического тела. В экстатическом порыве человек утрачивает сознание границ между внутренним и внешним, принимая собственное состояние за состояние мира.

«*Заговор на любовь и почет*»: «Во имя отца и сына и Святаго Духа. Ныне и присно и вовеки веков. Амин(ь). Стану благословя(ь), пойду перекрестя(ь) в чистое поле и подпояшус(ь) красною зорею, взойду на небо светлым м(е)с(я)цом и обтычус(ь) частыми звездами. И как частые звезды возрадуются светлому м(е)с(я)цу, а светлой м(е)с(я)ц возрадуется красной зори, красная зоря возрадуется све(т)лому дни, а белой день возрадуется красному солнцу, так бы возрадовалися мне, рабу Божию имярек, князи и бояре и княгини, и боярни, и гости, и гостинны жены, християне и християнскии жены, отроки и отроковици, иноки и инокини, и как жити и бытии не могут без хлеба и без соли, и без воды и без вина, и без пива, и без меду, и безо всякого овоща, також бы и без меня

не могли бытии без раба Б(о)жия имярек, по всяк день и час; и как князи <*далее те же формулы, выделенные курсивом. — С.Д.> не могут противиться противо Господа Бога и Спаса и Иисуса Христа, Отца и Сына и Святаго Духа, и противо Матери Господни Пречистой Богородицы Приснодевы Марии...» [Топорков А.Л., 2010, с. 126].

Заговор относится к так называемым магическим «перформативным» и императивным текстам, задача которых таким образом магически воздействовать и преобразовать мир, чтобы открыть прямой и непосредственный доступ человека к возможности подчинения власти собственной воле, манипуляции властью вплоть до полного овладения ею. Но когда не действует умиление, заговорщик гневается и угрожает, запугивает и внушает ужас. Разъянность заговорного слова «распахивает» экзистенцию. Сам человек сознает чрезмерность собственных ожиданий в своем стремлении «одолеть» власть и определяет собственную установку как прямое насилие, которое он понимает буквально как «змеиную лихость» [Виноградова Л.Н., 2005, с. 425–426]. В заговоре «На судей» на место Богородицы и ее святых помощников заступает «Мать Одолень трава» со всеми «лихостями», которые она воплощает: «Знаю и ведаю, чтоб быть мне, рабу Божию имрак, на суде. У меня есть список, медвежья голова, волчей рот, змеиная лихость. Тою лихостию запру гнев господ, а ключи брошу в окиян море; когда ключи найдутся, тогда и суд осудит. Мать одолень трава, защити меня ризами и пеленами от земли до неба» [Топорков А.Л., 2010, с. 203].

Целью заговорщиков является околдование власти, наслание на нее «тьмы», т.е., наведение порчи. Заговорщик, подчиняющий себе мир, не жалеет угроз на расправу: «Как же у етава у мертвя у мертвца уста и рот и зубы не растворялись, язык в голове не воротится, и сердце не возвырится, руки не подымутца, и жили одрябнули до втораго суда, тако же бы у всех людей, у попов, у дьяков, у священников уста, рот и зубы не растворялись, язык в голове не воротился на меня раба Божия, имярек, худыми делами, небылными словесами» [Отреченнное чтение..., 2002, с. 118; Топорков А.Л., 2010, с. 200].

Отношения человек–власть переживаются как предельные в своем эмоциональном выражении. Модель Я–Власть / Я–Мир, таким образом, исчерпывает собой весь опыт социальности и в этом исчерпании достигает границ миропорядка. Модель гротескного тела, тела-силы в этой картине мира выражает собой мою способность достигать поставленных целей, превосходя собственную соци-

альную ограниченность и «замкнутость» в себе. В заговоре представляется вся феноменология тела, движимого физическими и психическими порогами, но также собираемого в точке желания, в монаде пылающей страсти и разъянной воли.

В заговорах исследователи находят свидетельство определенной социальной компетентности, свидетельство владения знаниями и текстами традиции, а также демонстрацию убеждения в право-способности выступать с социальными требованиями. Помимо того, здесь обнаруживается и очевидная «параллель к самозванничеству», псевдо-пророчеству и кощунственным с нравственно-этических позиций магическим процедурам [Топорков А.Л., 2010, с. 209]. Здесь обнаруживается также параллель к амбивалентной психотической реакции «на власть»: т.е. одновременно отстранение от нее и желание присвоить ее, овладеть ей.

Для исследователей, не знакомых с феноменологической проблематикой, «заговорщик» представляет определенный антисоциальный психотип, авантюрный, агрессивный, не чуждающийся крайних средств. Но рядом с этой характеристической исследователи фиксируют в заговорной традиции парадоксальное «стремление к высшей справедливости, обесценивающее судебную процедуру» [Топорков А.Л., 2010, с. 209]. Апокрифические (т.е. не соответствующие каноническим требованиям церкви) мотивы, использующие энергетику христианской образности, как будто намеренно подчеркивают очевидное сознание человеком стремления использовать неправовые способы достижения поставленной цели.

Это обстоятельство подтверждает феноменологический тезис об интенциональном статусе желания, который относится не к ноэматической, а к ноэтической сфере. «...Можно задаться вопросом о том, не обозначает ли желание, вовсе не являющееся видом деятельности или способом действия, само существо интенциональности, особенно в том смысле, что она направлена к реализации, к “самоудовлетворению”, обнаруживает расхождение со своим коррелятом, недостаточность согласия с миром и, значит, отношение напряжения. Вовсе не являясь “областью” сознания, желание скорее означает *бытие* субъекта в его изначальной открытости миру — открытости, которая является производным некой нехватки, более основательной, чем каждая отдельная или ограниченная недостача» [Бестеги М., 2013, с. 52]. Попытка избавиться от понимания «амбивалентности» (феноменологии предпочитают термин «двусторонность») желания и принять тот

или иной его «типа» является идеологическим же-стом, т.е. выбором идеологии за счет философии.

А между тем весь набор инструментов, которыми пользуется протагонист заговоров, имеет своим основанием архетипические пласти психики человека. Они присущи любому сознанию в его естественной установке. Они укоренены не в общественную идеологию, а в феноменологию индивидуального и группового сознания. Идеология много позже научится использовать эти социо- и идиопатические комплексы в своих целях.

Список литературы

Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука, 1985. 192 с.

Бестеги М. Проблема желания во французской феноменологии // Философский журнал. 2013. № 1(10). С. 49–63.

Виноградова Л.Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 425–440.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.

Ефименко П.С. Сборник малороссийских заклинаний. (Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских при Москв. ун-те. 1874. Кн. 1). М.: [Б.и.], 1874. 70 с.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1003 с.

Завьялова М.В. Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М.: Индрик, 2006. 562 с.

Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образов. Л.: Наука, 1988. 127 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академ. проект: Гаудеамус, 2014. 1015 с.

Кулэ М.Х. Феноменология и герменевтика: сходство и различие методов // Критика феноменологического направления современной буржуазной философии. М.: Наука, 1989. С. 74–98.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Представления в сознании первобытных людей и их мистический характер. М.: КРАСАНД, 2012. 337 с.

Михайлов И.А. Идея герменевтической феноменологии // Философская мысль. 2016. № 5. С. 1–15.

URL: http://e-notabene.ru/fr/article_18562.html (дата обращения: 20.02.2018). DOI: 10.7256/2409-8728.2016.5.18562.

Мосс М. Набросок общей теории магии // Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. С. 105–232.

Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ В. Кирющенко. СПб.: Алетейя: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 262–281.

Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 584 с.

Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 274 с.

Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Академия, 1995. 160 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Топорков А.Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. 832 с.

Получено 21.02.2018

References

Austen, J.L. (2006). *Performativnye vyskazyvaniya* [Performative utterance]. *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty* [Three Ways of Spilling Ink: philosophical works]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., SPbSU Publ., pp. 262–281.

Babushkin, V.U. (1985). *Fenomenologicheskaya filosofiya nauki: kriticheskiy analiz* [Phenomenological philosophy of science: critical analysis]. Moscow, Nauka Publ., 192 p.

Beistegui, M. (2013). *Problema zhelaniya vo frantsuzskoy fenomenologii* [The question of desire in French phenomenology]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. No. 1(10), pp. 49–63.

Coulais, M.H. (1989). *Fenomenologiya i germenevтика: skhodstvo i razlichie metodov* [Phenomenology and hermeneutics: similarity and distinction of methods]. *Kritika fenomenologicheskogo napravleniya sovremennoy burzhuaznoy filosofii* [Criticism of the phenomenological direction of modern bourgeois philosophy]. Moscow, Nauka Publ., pp. 74–98.

Efimenko, P.S. (1874). *Sbornik malorossiyskikh zaklinaniy* [Collection of Little Russian spells]. Moscow, 70 p.

Husserl, E. (2005). *Izbrannye raboty* [Chosen works]. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 464 p.

Husserl, E. (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk i transsensualnaya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical Investigations. Cartesian Medi-

- tations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy. Philosophy and the Crisis of European Man. Philosophy as Rigorous Science]. Minsk, Harvest Publ., 752 p.
- Krinichnaya, N.A. (1988). *Personazhi predaniy: stanovlenie i evolyutsiya obrazov* [Characters of legends. Formation and evolution of images]. Leningrad, Nauka Publ., 127 p.
- Krinichnaya, N.A. (2014). *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: world of folklore images]. Moscow, Gaudeamus Publ., 1015 p.
- Lévy-Bruhl, L. (2012). *Pervobytnoe myshlenie. Predstavleniya v soznanii pervobytnykh lyudey i ikh misticheskiy kharakter* [Primitive Mentality]. Moscow, KRASAND Publ., 337 p.
- Mauss, M. (2000). *Nabrosok obschey teorii magii* [Outline of a General Theory of Magic]. *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Social functions of sacred]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., pp. 105–232.
- Mikhaylov, I.A. (2016). *Ideya germenevticheskoy fenomenologii* [The idea of hermeneutic phenomenology]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 5, pp. 1–15. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_18562.html (accessed: 20.02.2018). DOI: 10.7256/2409-8728.2016.5.18562.
- Otto, R. (2008). *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The Idea of the Holy]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 274 p.
- Ricœur, P. (1995). *Germenevtika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Policy]. Moscow, Academia Publ., 160 p.
- Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i nicheto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika Publ., 639 p.
- Toporkov, A.L. (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian spells from the written sources of XVII and the first half of XIX cent.]. Moscow, Indrik Publ., 832 p.
- Toporkov, A.L., Turilov, A.A. (ed.) (2002). *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vv.* [The renounced reading in Russia in XVII–XVIII centuries]. Moscow, Indrik Publ., 584 p.
- Vinogradova, L.N. (2005). *Formuly ugroz i proklyatiy v slavyanskikh zagovorakh* [Threat and damnation formulas in slavic spells]. *Zagovornyy tekst. Genesiz i struktura* [Spell text. Genesis and structure]. Moscow, Indrik Publ., pp. 425–440.
- Zavyalova, M.V. (2006). *Balto-slavyanskiy zagovornyy tekst: Lingvisticheskiy analiz i model' mira* [Balto-Slavic spell text: linguistic analysis and the model of the world]. Moscow, Indrik Publ., 562 p.
- Zhuravlev, A.F. (2005). *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A.N. Afanas'eva «Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu»* [The Language and the myth. Linguistic comment to the Alexander Afanasyev's work «Poetic Views of the Slavs on Nature»]. Moscow, Indrik Publ., 1003 p.

Received 21.02.2018

Об авторе

Домников Сергей Дмитриевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: sergey-domnikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5842-2041

About the author

Sergey D. Domnikov
Ph.D. in History, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: sergey-domnikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5842-2041

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Домников С.Д. К феноменологии традиционного текста: заговоры социальной направленности как «машины желания» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 203–213. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-203-213

For citation:

Domnikov S.D. To phenomenology of traditional text: charms of social orientation as «desire machines» // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 203–213.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-203-213

УДК 140.8:811.161.1'27

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-214-220

**К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ» В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО**

Перцев Александр Владимирович, Соковнина Ирина Яновна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Статья посвящена процессу преодоления ситуаций непонимания, связанных с противоречиями между русской языковой картиной мира и мировоззрением изучающих русский язык иностранных (в данном случае — китайских) студентов. В статье представлено несколько классических концепций ментальности — «общезначимое и автоматизированное в индивидуальном поведении» — демонстрирующих «внеличностное содержание мышления» любого индивидуума (по Жаку Ле Гоффу). С применением семиотического и сравнительного методов в статье рассматриваются факторы, определяющие взаимную связь национального менталитета и «родственной» ему системы естественного языка. Оценивается диалогический (ведущий к пониманию ментальных различий) потенциал актуализации элементов наивной картины мира при сопоставлении базовых концептов русской и китайской культуры. Автор полагает, что такие понятия, как «душа», «сердце», «сыновство», могут рассматриваться не только в их привычном значении (непосредственной отсылке), но в большей степени через неуловимую для говорящего на иностранном языке семантическую ауру, созданную коннотативными факторами, как будто они неявно определяют — через язык и менталитет — относительно неизменные углы (преднамеренные ориентиры) отношения сознания к миру. Оказалось, что актуализация «ауры» на занятиях по русскому языку может быть реализована путем погружения студентов — носителей разных языков в разговор о сходствах и различиях основных понятий, существующих в каждом языке и лежащих в основе любой модели лингвистической реальности.

Ключевые слова: этнокультурные различия, менталитет, языковая картина мира, продуктивное непонимание, языковые эквиваленты, базовые концепты культуры.

**ON THE METHODS OF THE «WORLDVIEW INTEGRATION»
IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Alexander V. Pertsev, Irina Ya. Sokovnina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to overcoming an incomprehension caused by differences between the Russian language. The article discusses the issues of overcoming the incomprehension caused by differences between the Russian language worldview and the worldview of foreign students learning Russian (Chinese students in our case). There is a brief analysis of some classical conceptions of mentality — «the general and the automated in individual behavior», which demonstrates «the impersonal content of mind» of any individual (Jacques Le Goff). Some factors that provide interdependence between national mentality and the related system of the natural language are concerned in semiotic and comparative methodologies. The article considers the dialogic (leading to the understanding of mental differences) potential of the actualization of naive worldview elements in the comparison of basic concepts of Russian and Chinese cultures. The author believes that such concepts as «soul», «heart», «sonship» — may be considered not only in their general meanings (direct references) but mostly as the elusive for the foreign language speakers semantic aura created by connotative factors, as though they are implicitly defining — through the language and mentality — relatively constant angles (intentional landmarks) of the attitude of conscience toward the world. It turns out that actualization of the «aura» at lessons of the Russian language can be realized through the immersion of students speaking a different language

in a conversation about the similarities and differences of the main concepts that exist in any language and which are the basis of any linguistic reality model.

Keywords: ethnocultural differences, mentality, language worldview, productive incomprehension, language equivalents, basic concepts of culture.

Современный мир — это многомерное, поликентрическое пространство, в котором все больше внимания уделяется различиям между людьми, их взаимной «инаковости»¹, не только не отменяющей, но и более чем когда-либо допускающей возможность дружеского диалога. Процессы глобализации, происходящие уже несколько десятилетий, в последнее время дополняются и уравновешиваются тяготением отдельных стран к социально-экономической и этнокультурной самостоятельности. Важным фактором межгосударственного взаимодействия становится региональная интеграция. Ее особенность, как показывает С. Хантингтон, связана с тем, что «региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная — на уровне отношений между цивилизациями» [Хантингтон С., 1994, с. 33]. Интеграция регионального уровня исходит из идеи первостепенной значимости национальных интересов, но именно поэтому она требует от ее участников (акторов) понимания той «родовой» специфики национального мышления и культуры, которая в глобальной (цивилизационной) перспективе как бы теряется из виду. В этом смысле не кажется удивительным интерес современной гуманитаристики к проблемам, связанным с некоей априорной «грамматикой» мышления и деятельности, укорененной в неосознаваемых и обладающих анонимным характером структурах (или архетипах) миропонимания. Совокупность таких структур, как правило, обозначают понятием «менталитет».

Задача данной статьи — показать: а) какую роль играют ментальные различия в процессе усвоения русского языка иностранными (китайскими) студентами, б) какого рода непонимание эти различия порождают у студентов в процессе преподавания русского языка как иностранного и в) какой метод может быть использован для пре-

одоления связанных с ними препятствий к продуктивному диалогу. В начале — несколько общих положений.

Одно из классических определений менталитета (или «ментальности») принадлежит Жаку Ле Гоффу: ментальность есть «то общезначимое и автоматизированное в индивидуальном поведении, что ускользает от самого индивидуума, но проливает свет на внеличностное содержание его мышления» [Le Goff G., 1974, p. 85, 87–89]. В этой же статье Ле Гофф указывает, что при всем разнообразии трактовок ментальность начиная с XVII в. понимается как «обусловленная традицией общая “окраска” (coloring) умственной активности, стиль мышления и чувствования людей, принадлежащих к определенной группе» [Le Goff G., 1974, p. 87]. Это толкование действительно можно назвать инвариантным, учитывая, что многие современные определения почти буквально его воспроизводят, хотя и используют другую терминологию. Так, например, Ю.Л. Бессмертный полагает, что менталитет — это «совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их видение мира в целом и их собственного места в нем» [Споры о главном..., 1993, с. 9]. О том же, но в иной форме говорит и Петер Козловски: менталитет есть не имеющая конкретного автора «социальная метафизика, в которой заключены последние всеобщие принципы “мировоззрения”» [Козловски П., 1996, с. 29].

Конечно, менталитет — это явление, которое не может быть в полной мере рационально осмыслено. По словам Мишеля Жисмонди, он «заключает в себе то, что не подлежит определению и всегда остается глубоко скрытым на уровне неосознаваемых мотиваций» [цит. по: Sjöblom T., 2006, p. 236]. Однако влияние менталитета на образ мысли представителей этнокультурных сообществ настолько очевидно и его роль в формировании системы межнациональных различий настолько неоспорима, что попытки учёных вникнуть в его суть и, хотя бы на уровне гипотез, дать описание его особенностей следует признать безусловно важными и необходимыми.

Когда речь заходит о менталитете, исследователи, как правило, не задаются вопросом о том, за счет чего он сохраняется и воспроизводится в со-

¹ Не случайно «различие» и «инаковость» до сих пор остаются важнейшими понятиями современной философии культуры. Как писал Жиль Делез, «то, что тождество не первично, что оно существует как принцип, но принцип вторичный, ставший; то, что оно кружит вокруг Различного, — вот сущность коперниковской революции, которая открывает различию возможность обретения собственного понятия вместо удерживания его под властью понятия вообще, уже представленного как тождество» [Делез Ж., 1998, с. 60].

знания, в каких психоментальных структурах он укоренен. Очевидно, это должна быть такая сфера, которая онтологически «первична» по отношению к мышлению, чувствованию (эмоциональному переживанию) и, в известной мере, к повседневным телесным практикам. Такой сферой, вероятнее всего, является язык. «Современные исследования языкового образа мира исходят из представления о том, что язык — это не внешняя форма выражения мысли, не инструмент, не техника кодирования информации, но единственное подлинная сфера жизни сознания. Мы мыслим не «посредством» языка, а «в языке», в контексте присущей языку изначальной «размеченности» и «распланированности» жизни» [Быстров Н.Л., Павлова Е.М., 2008, с. 231]. Наиболее устойчивые («архетипические» для любой этнокультурной целостности) модели мышления и понимания содержатся в естественном языке, точнее, в той языковой картине мира, которую часто именуют «наивной». По Ю.Д. Апресяну, «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входят наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа — носителя данного языка» [Апресян Ю.Д., 1995а, с. 57]. Важно учесть, что если научная картина мира является общей для всех, то одна наивная картина мира, как показывает Апресян, всегда отличается от другой. Так, например, «с “русской” точки зрения диван имеет длину и ширину, а с “английской”, по свидетельству Ч. Филмора, — длину и глубину. По немецки можно измерять ширину дома в окнах, ...а в русском такой способ измерения по меньшей мере необычен, хотя и понятен» [Апресян Ю.Д., 1995а, с. 59]. И это — различия не случайные, а обусловленные несходством в понимании пространственных отношений, зафиксированных семантикой конкретных слов (подобные несходства можно выявить и в языковых показателях времени, веществности, нравственных ценностей и т.д.).

«Выражаемые в языке значения, — говорит Апресян в другой работе, — складываются в некую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян Ю.Д., 1995б, с. 350]. Это положение очевидным образом отсылает к знаменитой гипотезе «языковой относительности» и, в частности, к мысли одного из ее создателей, Бенджамина Уорфа, о том, что «мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает

перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [цит. по: Вежбицкая А., 2001, с. 22].

Мы исходим из того, что базовые структуры менталитета укоренены в языковой картине мира, хотя менталитет как таковой с нею не вполне совпадает, поскольку сформированные им модели восприятия и понимания реальности обусловлены не только языковыми значениями, но и семантикой культурных концептов, которые могут не принадлежать собственно к сфере языка, а как бы «надстраиваться» над ним, локализуясь в различных «текстах культуры» [Апресян Ю.Д., 2006, с. 35] (в тартуско-московской семиотике такие тексты именуются «вторичными порождающими моделями»; к ним, в числе прочего, можно отнести русский роман XIX в., который, несомненно, оказывает влияние на «типичное» для нас представление о счастье, свободе, страдании и т.п.²). Актуализировать ментальные различия, сделать их предметом осознания, рефлексии во многом означает: раскрыть или, по крайней мере, частично «приоткрыть» «наивный» контекст языковых представлений.

Это важно иметь в виду при любом контакте с иностранными партнерами, рассчитанном на сколько-нибудь продолжительный диалог, в частности, при работе с иностранными студентами, изучающими русский язык в российском университете.

Несходства менталитетов самым простым образом проявляются через непонимание. В межнациональном общении именно благодаря непониманию сохраняется некий зазор «инаковости», «другости», неустранимого различия, которые являются, по существу, лучшим стимулом к диалогу. По словам В.Н. Топорова, «разность духовных потенциалов и способов “освоения” мира, характеризующая разные культуры, образует то пока “ничейное” пространство, в которое устремляется дух творчества и в котором складываются новые духовные ценности» [Топоров В.Н., 1989, с. 78]. Возможности такого «продуктивного» непонимания полезно использовать при работе с иностран-

² Подобные влияния анализируются, например, в статье Анны Вежбицкой, посвященной особенностям английского языка жителей Австралии. Ср.: «Такие языковые феномены, как экспрессивные выражения, ораторские приемы и глаголы устной речи (speech act verbs), тесно связаны с австралийской литературой, национальным характером, историей и культурой» [Wierzbicka A., 1986, p. 349].

ными студентами. Приведем один пример. В первом семестре 2015/2016 учебного года во время занятия русским языком на факультете международных отношений китайские студенты, услышав от преподавателя предложенный для разбора фрагмент текста Священного писания, задали недоуменный вопрос: почему Адам и Ева были изгнаны из Рая? В ответ на объяснение, что они вкусили запретный плод с древа познания добра и зла и, таким образом, попытались стать равными Богу, студенты спросили, что в этом было плохого. Они не понимали, почему познание добра и зла и брачное соединение мужчины и женщины — это грех, определивший жизнь и самих первых людей, и всех их потомков. В процессе разговора о ветхозаветной и христианской трактовке греха обнаружилось, что студенты решительно не понимают, что значит послушание Богу, чья воля «неисповедима», как можно, сосредоточившись на духовном, отодвигать на дальний план или даже вовсе отвергать телесное, и что значит искушение греха через жертвенную смерть Бога, который одновременно есть «совершенный человек». Студентам было предложено посвятить часть одного из занятий сопоставлению некоторых русских и китайских лексических эквивалентов, имеющих отношение к религиозному дискурсу. Это сопоставление ориентировалось на экспликацию значения выбранных слов в рамках наивной картины мира и предполагало выявление ментальных различий в понимании тех сущностей, которые данными словами обозначаются.

Рассматривались среди прочих русское слово «душа» и его китайские эквиваленты. Из анализа, проведенного совместно со студентами, выяснилось, что в китайском языке концепт «душа» обладает иным комплексом значений, чем в русском. В частности, было показано, что одно слово, обозначающее «душу», употребляется только в переводах западных (в том числе и русских) текстов — как аналог русского *души*, английского *soul*, немецкого *Seele* и т.д., — а несколько других используются в оригинальной китайской литературе и в повседневной речи. Первое слово — *linghun*. «Обычные носители языка ни в быту, ни в литературной речи для обозначения концепта души не употребляют это двухсложное сочетание» [Тань Аошуан, 2004, с. 178]. Традиционная группа слов с более или менее аналогичным значением — *ling*, *hun*, *shen*, *po* и *xin*. «В словарных статьях, — пишет Тань Аошуан, — *ling* и *hun*, среди прочих значений есть общее значение этих знаков, передаваемое посредством знака *shen*

“дух”. Ближайшим синонимом *hun* во фразеологических словарях является *po*. Эти два знака в свою очередь имеют общее толкование “то, что отделяется от тела человека после его смерти”. Иероглиф *ling*, с другой стороны, сочетается с иероглифом *xin* “сердце” в значении “душа”» [Тань Аошуан, 2004, с. 179].

Таким образом, традиционное китайское понятие «души» имеет как бы двухуровневое строение: первый уровень — сердце (*xin*, отчасти *ling*), второй — дух (*hun*, *po*, *shen*, отчасти *ling*). «Сердце — это текущее состояние души. В сердце локализуется мыслительная деятельность человека, ...его психика, чувства, воля, характер и нравственность» [Тань Аошуан, 2004, с. 179]. Сердце тесно связано с телом, оно чувствуется, ощущается, непосредственно переживается; отсюда — более «буквальное», чем в русском языке, понимание состояний типа «у меня сердце за него (не) болит» и т.д. Ср. характерное для христианской культуры спиритуализированное понимание сердца как невидимого средоточия личности, целостности «я», превышающей различия между духом и телом: «мудрость сердца» — выше мудрости рассудочной, тогда как для китайского мышления это просто «разумность», «рациональность» (в конечном счете практически ориентированная).

Второй уровень «души» — «дух», *hun* и *po*. Это элементы, способные «отделяться» от тела — и не только после смерти, но и в состояниях аффекта, вызванных, например, страхом или душевной травмой: «Ср. русское выражение “душа ушла в пятки”, а также фразеологизм *san hun luo po* “от испуга потерял *hun* и *po*”» [Тань Аошуан, 2004, с. 182]. После смерти на небеса отправляется только *hun*, но и то не у всех людей, а только у тех, в ком есть божественное начало (мифологические герои, императоры). «О простых же смертных говорят: *hun fei po san* “душа улетучивается и рассеивается”» [Тань Аошуан, 2004, с. 182].

Совершенно очевидно, что в китайской языковой картине мира «душа» имеет иное значение, чем в границах русской ментальности. Для китайца (и это выяснилось в ходе упомянутого «лингвокультурологического» семинара) непонятно: а) почему душа каждого человека по смерти тела продолжает жить и живет вечно; б) почему душа в одних случаях может пониматься как неоднородная структура (разум, воля и чувство), а в других трактуется как некое вместилище, или «сосуд», который бывает пустым, открытым воздействию «извне» [Михеев М.Ю.,

1999, с. 149] — новому чувству, страсти или же в религиозной практике вселению Духа Святого: в) почему то, что в человеке невидимо, может быть противопоставлено телу и как бы «обособлено» от него (неясно, прежде всего, зачем это делать: душа и тело по традиционным китайским представлениям должны пребывать в гармонии).

На другом занятии, тоже посвященном экспликации контекстуальной «ауры» лингвокультурных концептов, обсуждалось различие в отношении русского и китайского менталитетов к ритуальным элементам человеческого поведения. Выяснилось, что для современного русского (по ментальной принадлежности) человека ритуал, т.е. устойчивая, обязательная форма тех или иных действий, поступков, высказываний, в принципе, не значим. Русский менталитет в гораздо большей мере, чем китайский, допускает «свободное», необусловленное формализованными нормами, поведение. В докладе одного из студентов приверженность китайского мировоззрения ритуалу обосновывалась, в частности, влиянием конфуцианской системы ценностей, актуальной как для древнего, так и для современного Китая. Известно, что основную часть учения Конфуция составляет теория «правильной жизни», система политической и частной этики. Строго говоря, конфуцианство — это во многом система практически значимых норм поведения. Было подробно рассмотрено одно из важнейших понятий конфуцианской этики — *xiao*, «сыновство». «Этот термин означает уважение и покорность, которую сын должен проявлять по отношению к родителям, особенно к отцу» [Andrejevic T., 2011]. Именно в таком значении понятие «сыновства» (сыновней почтительности) знакомо каждому носителю русского языка. Однако русская языковая картина мира не предполагает той расширительной трактовки «сыновства», которая свойственна китайской (по существу, конфуцианской) ментальности. Так, Татьяна Андреевич отмечает, что это понятие используется для характеристики «пяти видов отношений: между отцом и сыном, правителем и подчиненным, мужем и женой, старшим и младшим братьями, а также между друзьями» [Andrejevic T., 2011]. То же — у В.В. Малевина: «Отношения в государстве во всем должны быть подобными отношениям в хорошей семье: “Правитель должен быть правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном”. Конфуций поощрял традиционный для Китая культ предков как средство сохранения верности родителям, роду и государству, в состав которого как

бы входили все живые и умершие» [Малевин В.В., 1992, с. 70].

Получается, что идеал *xiao* проецируется на весь спектр социальных отношений — от частных до политических: к «правителю», а также к любому чиновнику, в конечном счете к институту государства в целом, — нужно относиться так же, как и к отцу. Такое толкование не только не органично, но, пожалуй, даже и чуждо русской картине мира, которая основывается на четком разграничении сфер частной и государственной жизни и для которой распространение семантики «сыновства» за пределы семейных отношений в большинстве случаев означает не столько «возвышение», сколько, напротив, «принижение» их ценности (возможно, это связано с традиционным для православного сознания восприятием государства как сугубо временного явления, лишь на каком-то этапе участвующего в процессе постепенного «превращения мира в Церковь» [Карсавин Л.П., 1994]). Но именно поэтому ритуализм, в той или иной мере сопровождающий проявления «почтительности» к старшим родственникам, оказывается ненужным на тех уровнях общения, которые непосредственно не связаны с семейной жизнью. Что же касается китайской картины мира, то для нее ритуал был и остается важнейшей формой социального поведения: общество с его иерархией, сложным распределением ролей, незыблемостью отношений государства и подчинения понимается здесь как система, построенная по модели семьи и потому повсеместно требующая формализованного соблюдения принципа *xiao*.

Можно с уверенностью сказать, что занятия, специально направленные на осознание студентами различий между русской и китайской ментальностью, оказались вполне эффективным средством для раскрытия диалогического потенциала непонимания, неизбежно возникающего при общении разнозычных партнеров.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / под. ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–160.

Быстров Н.Л., Павлова Е.М. К определению понятия «менталитет» // Современная Россия: путь к миру путь к себе. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2008. С. 229–234.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО «Петрополис», 1998. 384 с.

Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.

Козловски П. Этика капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1996. 158 с.

Малявин В.В. Конфуций. М.: Мысль, 1992. 357 с.

Мухеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 145–158.

Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 1993. 207 с.

Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.

Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исиакава Такубоку) // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. Вып. 4. С. 78–99.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

Andrejevic T. Understanding the Chinese Mentality: Some Basic Hints // I International Symposium Engineering Management And Competitiveness 2011 (EMC2011). June 24–25, 2011. Zrenjanin, Serbia. URL: <http://www.tfzr.rs/emc/emc2011/Files/D%2004.pdf> (accessed: 09.02.2018).

Le Goff G. Mentalities: A New Field for Historians // Social Science Information. 1974. No. 13(1). P. 81–97.

Sjöblom T. «Bringing it All Back Home»: Mentalities, Models and the Historical Study of Religion // Approaching religion. Part 1 / ed. by T. Ahlbäck. Turku: Åbo Akademi Press, 2006. P. 227–241.

Wierzbicka A. Does language reflect culture? Evidence from Australian English // Language in Society. 1986. No. 15. P. 349–373. DOI: 10.1017/S0047404500011805.

Получено 03.03.2018

References

Aoshuan, T. (2004). *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mentalnost'* [Chinese World View: Language, Culture, Mentality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 240 p.

Andrejevic, T. (2011). Understanding the Chinese Mentality: Some Basic Hints. *I International Symposium Engineering Management And Competitiveness 2011 (EMC2011)*. Available at: <http://www.tfzr.rs/emc/emc2011/Files/D%2004.pdf> (accessed 09.02.2018).

Apresyan, Yu.D. (1995). *Izbrannye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1: Lexical semantics]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 472 p.

Apresyan, Yu.D. (1995). *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2: Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 767 p.

Apresyan, Yu.D. (2006). *Osnovaniya sistemnoy leksikografii* [The Foundations of systemic lexicography]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [The language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 33–160.

Bessmertniy, Yu.L. (ed.) (1993). *Spory o glavnom: Diskussii o nastoyaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly «Annalov»* [Disputes on the main thing: A discussion about the present and the future of historical science around the French school of "Annals"]. Moscow, Nauka Publ., 207 p.

Bystrov, N.L., Pavlova, E.M. (2008). *K opredeleniyu ponyatiya «mentalitet»* [To the definition of «mentality】]. *Sovremennaya Rossiya: put' k miru put' k sebe. T. 1* [Modern Russia: the path to peace is the way to ourselves. Vol. 1]. Ekaterinburg, Humanitarian Univ. Publ., pp. 229–234.

Deleuze, G. (1998). *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 384 p.

Huntington, S. (1994). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1, pp. 33–48.

Karsavin, L.P. (1994). *Tserkov', lichnost' i gosudarstvo* [The Church, personality and the State]. *Malye sochineniya* [Small collection of works]. Saint Petersburg, Aleteya, pp. 414–446.

Koslowski, P. (1996). *Etika kapitalizma* [Ethics of Capitalism]. Saint Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 158 p.

Le Goff, G. (1974). Mentalities: A New Field for Historians. *Social Science Information*. No. 13(1), pp. 81–97.

Malyavin, V.V. (1992). *Konfutsiy* [Confucius]. Moscow, Mysl', 357 p.

- Mikheev, M.Yu. (1999). *Otrazhenie slova «dusha» v naivnoy mifologii russkogo yazyka (opyt razmytogo opisaniya obraznoy konnotativnoy semantiki)* [Reflection of the word «Soul» in the naive mythology of the Russian language (Experience of Blurred Descriptions of Figurative Connotative Semantics)]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., pp. 145–158.
- Sjoblom, T. (2006). «Bringing it All Back Home»: Mentalities, Models and the Historical Study of Religion, *Approaching religion. Part 1*, ed. by T. Ahlbäck. Turku, Åbo Akademi Press, pp. 227–241.
- Toporov, V.N. (1989). *Dva dnevnika (Andrey Turgenev i Isikava Takuboku)* [Two diaries (Andrey Turgenev and Ishikawa Takuboku)]. *Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East-West. Research. Translations. Publications]. Moscow, Nauka Publ., pp. 78–99.
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through their Key Words]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 288 p.
- Wierzbicka, A. (1986). Does language reflect culture? Evidence from Australian English. *Language in Society*. No. 15, pp. 349–373.

Received 03.03.2018

Об авторах

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7711-5098

Соковнина Ирина Яновна
старший преподаватель кафедры теории
и истории международных отношений

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: sovamerici@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7846-6589

About the authors

Alexander V. Pertsev
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History of Philosophy,
Philosophical Anthropology, Aesthetics
and Theory of Culture

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7711-5098

Irina Ya. Sokovnina
Senior Lecturer of the Department of Theory
and History of International Relations

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: sovamerici@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7846-6589

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В., Соковнина И.Я. К вопросу о методах «мировоззренческой интеграции» в процессе изучения русского языка как иностранного // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 214–220. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-214-220

For citation:

Pertsev A.V., Sokovnina I.Ya. On the methods of the «worldview integration» in the process of learning Russian as a foreign language // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 214–220. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-214-220

УДК 111.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-221-228

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ВЗРОСЛОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Шевкова Елена Викторовна, Березина Елена Михайловна,
Полянина Ольга Ивановна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается феномен взрослости в терминах философского и психологического дискурсов через идею сопряженности взрослости и образования. Показано, что содержание и формы последнего определяются культурными доминантами, подверженными историческим изменениям. Определены ключевые вызовы современности в контексте культурных и образовательных практик — необходимость непрерывного образования в течение жизни, обретение посредством образования новых идентичностей. В контексте обсуждения феномена взрослости представлен психологический ракурс видения практики применения методов обучения по модели свободных искусств и наук во взрослой (не студенческой) аудитории. Показано, что реализуемая здесь практика, сопоставимая с динамическим подходом в обучении (по К. Фопелю), поддерживает развитие ключевых для идентичности взрослого человека характеристик, таких как способность к децентрации собственной позиции, переживание укорененности в культуре, ответственная автономия, в отличие от традиционного (институционального) подхода в обучении. Обозначены методические ресурсы поддержки актуальных для периода взрослости потребностей и задач развития. Рассмотрены психологические трудности, сопровождающие реализацию модели свободных искусств и наук во взрослой аудитории, и способы их преодоления.

Ключевые слова: философская антропология, взрослость, взрослый, современные образовательные практики, мышление и письмо, интерактивность, идентичность.

MODERN PRACTICES FACILITATING ADULTHOOD: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

*Elena V. Shevkova, Elena M. Berezina, Olga I. Polyanina
Perm State University*

The article examines the phenomenon of adulthood in terms of philosophical and psychological discourses through the idea of relationship between adulthood and education. It is shown that the content and forms of education are determined by cultural dominants, which are subject to change in the course of history. The authors identified key challenges of modernity in the context of cultural and educational practices: the need for lifelong education, and the acquisition of new identities through education. In the context of the discussion about the phenomenon of adulthood, the paper presents the psychological view of the practice of using teaching methods in accordance with the model of liberal arts and sciences (within the course «Thinking and writing») in an adult (not student) group. It is shown that the practice implemented in the course, comparable to the dynamic approach in teaching (according to K. Vopel), supports the development of the adult identity key characteristics, such as the ability to decentralize one's own position, the experience of involvement in culture, responsible autonomy, in contrast to traditional (institutional) approach in teaching. The article describes supporting methodological resources for the development needs and tasks relevant to the period of adulthood. The psychological difficulties accompanying the implementation of the course «Thinking and writing» in an adult group, and ways to overcome them have been considered.

Keywords: philosophical anthropology, adulthood, adult, modern educational practices, psychology of adult education, thinking and writing, interactivity, identity.

Как известно, начиная с Нового времени осуществлялось культивирование «знания позитивной науки» [Шелер М., 1992], отражавшего культурные доминанты — рациональный взгляд на мир, интеллектуализм, утилитарность. В данном смысловом контексте обучение предполагало професионализацию, имело своим ориентиром сферу материального производства и устоявшихся технологий, где требования к квалификации были достаточно понятны и, что особенно важно, неизменны в течение длительного времени. Учебный процесс был формализован, легитимирован, ориентирован на определенные группы населения.

Данный технократический и профессионально-прагматический подход к содержанию образования вступает в противоречия с приоритетами современного общества, имеющего множество дефиниций. Например, «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «сверхиндустриальное общество» (Э. Тоффлер), «информационное общество» (М. Кастельс) и др. При всех различиях в терминологических установках указанные концепции описывают общество, в котором основным производственным ресурсом становится знание и информация.

По мере наращивания в структуре производства доли интеллектуального продукта актуализируется задача непрерывного образования, которая затрагивает каждого человека и продолжается всю его жизнь. Непрерывное образование предполагает накопление и периодическое обновление имеющихся знаний, навыков, подходов в той степени, в какой этого требуют изменяющиеся условия современной жизни, а также задачи самореализации человека [Непрерывное образование..., 2014]. Следовательно, образование осознается в качестве системообразующего фактора социума в целом. В определенном смысле можно утверждать, что глобализируется не само образование как таковое, а образование взрослых.

Осмысление образования как процесса, способствующего взрослению человека, восходит к античной идее «пайдеи» — универсальной образованности. И. Кант рассматривает образование в качестве поступательного движения, преодолевающего «несовершеннолетие». Под «несовершеннолетием» И. Кант подразумевает «определенное состояние нашей воли, которое заставляет нас принимать авторитет кого-то другого, чтобы руководить нами там, где пристало пользоваться разумом» [цит. по: Фуко М., 2002, с. 339].

Общее движение философской мысли XX в. от абсолютности и универсальности к относитель-

ности, контекстуальности, вариативности, партикулярности обозначает новые ракурсы анализа сопряженности образования и взрослости. В формате неклассического философского подхода взрослость перестает быть «проектом», имеющим строго очерченные временные рамки и жесткое утилитарное целеполагание. Так, М. Шелер писал, что «знание есть бытийное отношение», целью которого является то, для чего знание существует и приобретается, а именно «для становления иным» [Шелер М., 1992, с. 87]. В этом контексте становление представляется способом бытия взрослости, способом заявить себя в культуре [Игнатова Н.Ю., 2005].

В рамках данной статьи к категории «взрослых» мы относим людей, получивших базовое профессиональное образование, имеющих потребность в его продолжении, находящихся в поиске приемлемого содержания образования и его форм. Однако данного определения категории взрослых может оказаться недостаточно. В целях прояснения содержательного ее наполнения необходимо определить сущностные характеристики взрослости, а также рассмотреть их через призму образовательной практики взрослых людей.

В возрастных периодизациях в рамках возрастной психологии и психологии развития взрослость рассматривается как этап онтогенетического развития, с указанием границ возраста (18–60 лет, по Б.Г. Ананьеву) и подэтапов (ранняя взрослость, зрелость, поздняя взрослость). Однако формальное достижение этапа взрослости в современном мире оказывается слабо связанным с развитием содержательных характеристик, которыми в психологии принято описывать взрослость. Напротив, отмечается тенденция смещения или «размывания» границ возрастов: в некоторых возрастных периодизациях подростковый возраст может длиться до 18–21 года [Крайг Г., Бокум Д., 2005]. Также косвенным доказательством движения границ возрастов служат свидетельства из психотерапевтической практики: переживание кризиса идентичности, характерное для подросткового или юношеского возраста, смещается на более поздние возрастные периоды — 30–35 лет [Моховиков А., 2011]. Таким образом, современный «взрослый» может фактически быть подростком или юношой, без сформированной согласно «календарному» возрасту идентичности. Более того, проблемой становится поиск себя «иного», поскольку существуют разные варианты понимания искомой сущности. З. Бауман отмечает, что «трудность состоит не столько в том, как обрести избранную идентич-

ность... сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность...» [Бауман З., 2005, с. 185].

Думается, что интерес к получению образования, продолжению обучения и поиску новых форматов образования у взрослых людей является одним из способов преодоления кризиса идентичности и попыткой ее обретения. Размышляя о концепции образования в течение всей жизни (Lifelong Learning) как образовательной стратегии, можно предположить, что ее появление было обусловлено не только экономическими причинами. Такое обучение позволяет «собирать» новую идентичность несколько раз в течение профессиональной жизни. «Быть современным, — замечает М. Фуко, — это не значит принимать себя таким, какой ты есть в потоке преходящих мгновений, это значит рассматривать себя как предмет сложной и длительной работы» [Фуко М., 2002, с. 347]. В связи с этим образование современного взрослого может быть представлено в качестве условия преобразования способностей и возможностей или «обработки самого себя» [Фуко М., 2002].

Несмотря на продуктивность основной идеи концепции непрерывного образования, в методической литературе фиксируется ряд проблем ее реализации. Так, в качестве основной проблемы К. Фопель называет преобладание философии и методологии традиционного, или институционального, обучения, не соответствующего потребностям взрослой аудитории. Базовыми чертами институционального обучения выступают изначальная предопределенность темпа обучения, содержания учебного материала, методов оценивания, организации пространства, заданность учебных целей, участие в «псевдогруппе» (все изучают одинаковый материал в одно и то же время), авторитет преподавателя, нацеленность обучения на поиск «правильного ответа». Психологическими следствиями такого обучения неизбежно будут переживания растерянности (наиболее интенсивные в начале обучения), зависимости от авторитетов, сопротивление и потеря спонтанности в процессе обучения. Несмотря на декларацию новых, прогрессивных способов обучения, большинство институтов, осуществляющих обучение взрослых, особенно в государственной сфере, по-прежнему остаются в рамках институционального обучения.

К. Фопель формулирует идеи *динамического* обучения. Этот тип обучения лишен недостатков институционального и учитывает специфику потребностей и возможностей взрослых учащихся.

Уменьшается доминирующая роль преподавателя, обучающиеся самостоятельно определяют цели обучения и разделяют с преподавателем ответственность за результаты обучения. Максимальное воплощение получает идея интерактивности — участники в большей степени учатся друг у друга и в меньшей у преподавателя; движущие силы учебного процесса — методическое разнообразие и любопытство участников, высокая интенсивность и удовольствие от совместной работы [Фопель К., 2010].

Перечисленные выше принципы (сущностные характеристики) динамического обучения находят свое воплощение в обучении по модели свободных искусств и наук вообще и курсе «Мышление и письмо» как инструментальной основы этой модели в частности. Общим основанием этих двух подходов является принцип подлинной интерактивности — обучающиеся активно вовлечены в интеллектуальный поиск и сотрудничество. Отличительной же чертой курса «Мышление и письмо» является письмо как способ обучения [Пиплс П., 2015].

Говоря о модели свободных искусств и наук, следует также отметить, что описание практик и методов, предусматриваемых этой моделью, строится преимущественно с использованием логики и языка педагогической науки. Это находит свое отражение в перечислении педагогических приемов, их функций, алгоритма применения, в сравнении основных принципов данной модели с принципами традиционного обучения. Вместе с тем есть необходимость дополнить описание следствий реализации курса «Мышление и письмо», опираясь на наблюдаемые психологические феномены у взрослых слушателей и размышляя в контексте категории развития взрослости.

Для анализа эффектов реализации курса «Мышление и письмо» во взрослой аудитории есть смысл более подробно остановиться на ключевых характеристиках феномена взрослости и обозначить, как эти характеристики поддерживаются в курсе методически и концептуально.

Продолжая размышлять над определением круга содержательных характеристик взрослости, мы констатируем «открытость» проблемы идентификации взрослости в современной гуманитарной науке. Обозначим лишь некоторые культурные свойства и функции взрослого человека, имеющие отношение к образовательной практике.

Одна из базовых характеристик взрослости — способность к децентрации собственной позиции как на когнитивном уровне, так и личностном. У М. Мамардашвили данное свойство взрослого че-

ловека названо великодушием, как «допущение того, что может быть что-то другое, чем мы сами, и что нельзя требовать, чтобы мир соответствовал нашему или вашему уровню развития, нашим представлениям, нашим желаниям и нашим мыслям. Мир существует независимо от нас, и он гораздо больше нас и от нас требует приятия или, как говорил Декарт, великодушия. Великодушие — это великая душа. А великая душа — это душа, способная вместить иное, не дрогнув» [Мамардашвили М., 2014, с. 15]. Хотя это очень общая характеристика, применимая к жизни человека в целом, а полное преодоление эгоцентрических установок вряд ли возможно, на уровне образовательной практики она крайне важна как способность выдерживать различные точки зрения, «открытый ум», возможность принимать множественность интерпретаций. В упрощенном варианте она может быть понята как некритическое восприятие чужих мыслей, однако в данном случае имеет место нечто противоположное — умение воспринимать иные точки зрения и ракурсы мышления как имеющие ценность, уважение к ним, вместе с тем способность выстраивать свое мнение аргументировано, но без радикальной категоричности и опоры на стереотипы. В курсе «Мышление и письмо» способность к децентрации, способность разомкнуться в своем индивидуальном опыте становится возможной благодаря звучанию большого числа голосов, безоценочности по отношению к разным позициям, мнениям, нарративам, а также благодаря созданию безопасной для высказывания атмосферы и особой заботе ведущего о ней.

Вторая характеристика взрослости — это переживание собственной вписанности в культурный контекст, связи с культурным, историческим опытом предшествующих эпох и поколений (укоренность, причастность), в том числе переживание связи с другими людьми в группе. В крайней своей выраженности — это чувство общности с человечеством в целом. В курсе данная характеристика поддерживается и укрепляется благодаря возможности, будучи Читателем, вступить в диалог с Автором, а также благодаря самой архитектонике занятия, его трехчастной композиции (актуализация личного опыта, работа с текстом, рефлексия).

Третья характеристика взрослости — относительная автономия и независимость от окружения (А. Маслоу) [Хьюлл Л., Зиглер Д., 2003]. Взрослого часто описывают через категорию ответственности. Однако ответственность за свои решения, выборы возможна только на основе переживания себя как отдельного, автономного субъекта, не слитого с кем-то или чем-то, имеющего собствен-

ные границы и способного их обозначать. Данная характеристика проявляется через способность удивляться обнаруживаемым различиям, выдерживать напряжение различий, которые неизбежно актуализируются при работе в группе, аргументировать свою позицию. Отсутствие оценочности в курсе в традиционном ее понимании, организация индивидуальной работы, исключающей возможность дать стереотипный ответ или «спрятаться за авторитеты» позволяет участникам курса появляться каждому в отдельности и, в конечном счете, «брать на себя ответственность за высказываемые идеи, за ход совместной работы и собственное обучение» [Пиплс П., 2015].

На наш взгляд, идентичность взрослого вполне может быть описана через указанные характеристики.

Впрочем, мало обозначить содержательные характеристики взрослости, необходимо привести возрастные особенности представителей данной категории обучающихся. Это будет важным для понимания того, в чем нуждается взрослый в процессе обучения.

Особенности познавательной сферы в период взрослости таковы: доминирующая роль в структуре развития отдается интеллекту; в познавательной деятельности «правят» метакогнитивные (интегративные) процессы — рефлексивное отношение к себе, ценностная регуляция, ориентация на социально-психологический контекст, умение ставить вопросы и обнаруживать проблемные ситуации [Михайлова О.Б., 2007]. Развитие познавательной сферы взрослого тесно связано с личностным развитием. По мнению А.К. Марковой, развитие способности к пониманию себя, другого человека и мира возможно двумя способами — через расширение сферы осознаваемого (посредством актуализации содержания бессознательного), а также через развитие эмпатии как инструмента, позволяющего обеспечить глубину переживаний, а значит, сложность и объем внутреннего мира взрослого [Маркова А.К., 1996]. Применительно к курсу «Мышление и письмо» можно говорить о том, что первый способ реализуется через апелляцию к широким культурным аллюзиям, а также через анализ массива созданных участниками в ходе курса текстов и выявление в них ключевых тем, смысловых лейтмотивов, а второй — через задания, предполагающие идентификацию себя с кем-то или чем-то другим.

Основной задачей взрослого, по Кегану [см.: Край Г., Бокум Д., 2005], является структурирование и переструктурирование смысловых си-

стем. Главными задачами возраста, касающимися мышления, называются прогресс от дуалистического (мышление в полярностях) к реалистическому мышлению (Пери) [см.: Крайг Г., Бокум Д., 2005], достижение диалектического мышления (Ригел) [см.: Крайг Г., Бокум Д., 2005]. Данные задачи поддерживаются методически в курсе «Мышление и письмо» посредством письма как метода обучения. Письменные практики, применяемые в курсе, дают возможность «научиться размышлять глубоко и критически», «анализировать ход собственного обучения и стратегии мышления» [Пиплс П., 2015].

Назовем некоторые потребности, характеризующие специфику взрослого возраста и лежащие в основе психологии обучения взрослых.

Оптимальной формой обучения взрослых является обучение в группе коллег. Взрослый нуждается в диалоге с другими, в совместности. Чаще всего эта потребность удовлетворяется через решение профессиональных задач, командную работу или участие в проектных группах. В курсе «Мышление и письмо» создается возможность совместного поиска ответов на экзистенциальные вопросы, которые возникают во взрослой аудитории независимо от обсуждаемой проблематики, конкретного текста или заданной темы курса. Текст выступает только поводом говорить на экзистенциальные темы, что способствует насыщению потребности размышлять над сложными вопросами и переживать удовольствие от совместного поиска ответов и совершаемых открытий. «Надо быть с людьми в совместности и извлекать из этого мысль» (афоризм приписывается М. Мамардашвили).

Взрослый ориентирован не только на процесс обучения, но и на его результат. Взрослый нуждается в прагматическом использовании открытого, достигнутого в ходе обучения, в воплощении результата в жизни. Данная потребность насыщается посредством написания и дальнейшего использования в эссе фрагментов письма, посредством включения индивидуальных фрагментов письма в групповой интеллектуальный продукт.

Курс «Мышление и письмо» является своеобразным стимулом (вызовом), оживляющим интерес взрослого к самому себе, к тому, как организовано его мышление, его представление о себе, социальные способы взаимодействия. Это становится возможным благодаря заданиям метакогнитивного и рефлексивного толка, в результате чего возникает некое «остранение», осуществляется переход в позицию наблюдателя по отношению к феноменам собственной психики. В рамках курса

у участников актуализируется потребность в самопознании, пик которой обычно приходится на юношеский возраст (в последующих же возрастах эта потребность удовлетворяется только благодаря специально организованным практикам, к примеру, психотерапевтической, медитативной).

Взрослый испытывает потребность в обратной связи (потребность быть отраженным в сознании другого человека). Данная потребность может, на первый взгляд, вступать в противоречие с принципом безоценочности, декларируемом в курсе. Однако это мнимое противоречие, поскольку речь здесь идет не о традиционно понимаемой оценочности (хорошо-плохо, красиво-некрасиво, умно-глупо), а об оценочных суждениях, отмечающих разнообразные нюансы размышлений участников, что обеспечивает последним поддержку ценности и важности их позиций. Само коммуникативное пространство курса организовано так, что делает возможным получение каждым отдельным участником большого количества обратных связей.

Перейдем к описанию трудностей, возникающих в ходе реализации курса, и способов обходления с ними. В качестве обучающихся взрослые не всегда демонстрируют заинтересованность и любопытство. Даже при наличии высокой учебной мотивации у них могут актуализироваться затрудняющие обучение «помехи» — факторы объективного или субъективного характера, «барьеры учебной деятельности», или «антимотивация» [Рогов М.Г., Прохорова Д.А., 2008]. Проявления барьеров возможны на эмоциональном уровне (раздражение, скука, переживания страха, стрессового напряжения, фрустрация), на когнитивном уровне (отсутствие мыслей, актуализация стереотипного мышления), на поведенческом уровне (пропуски занятий, уклонение от выполнения домашних заданий, опоздания).

В качестве одного из «подводных камней», осложняющих процесс обучения и тормозящих продвижение обучающегося, можно назвать страх перед новым знанием, перед его потенциальной разрушительной силой для «старого» знания или привычного образа действий. А. Маслоу отмечал, что в процессе обучения происходит «диалектическое взаимодействие стремления вперед и движения назад, которое одновременно является битвой между страхом и мужеством» [Маслоу А., 1999, с. 83]. Не по этой ли причине нередко обучившийся передовым технологиям профессионал предпочитает работать «по старинке», предпочитая оставить новое в качестве потенциальной возможности и найдя много «но» на пути к использованию нового знания? Задача ведущего

курса в этом случае — перенаправить энергию страха в русло любопытства. Это возможно через создание и поддержание безопасной атмосферы в группе, признание и легализацию тревоги, напряжения, страха и через предложение опробовать иные способы обращения с чем-то новым.

Также в качестве барьера, блокирующего мыслительный процесс и работу в группе, выступают стыдовые реакции участников. Появление этих реакций связано с предъявлением себя в группе, с обнаружением различий между собой и другими, с необходимостью озвучивать результаты собственных размышлений, привносить в групповое обсуждение идеи, темы, которые могут казаться участникам слишком личными либо незначительными. В данном случае переживание стыда является маркером выхода за пределы привычного образа Я (например, профессионального Я) и может распознаваться как защитная реакция на ситуацию самораскрытия, воспринимаемую субъектом как угрожающую. Ведущий может регулировать степень самораскрытия участников в обратных связях, высказывать поддерживающие оценочные суждения применительно к идеям участников. Кроме этого, интенсивность стыдовых реакций значительно снижает групповая работа, особенно если эти группы профессионально разнородны. Сама установка на отсутствие экспертного мнения, «истины» обеспечивает раскрытие участников в самовыражении.

Барьером может стать и отсутствие у участников адекватного по отношению к предъявляемым текстам-стимулам языка описания, когда текст воспринимается как непривычным образом организованное символическое пространство. Например, текст может не поддаваться осмыслинию (декодированию) с первого прочтения, а возможно, и с последующих. В качестве методического средства,нейтрализующего подобный барьер, можно назвать работу с ассоциативным полем, аллюзиями, дополнительными коннотациями, использование визуальных и иных средств отображения смыслов текста. Разумеется, с психологической точки зрения важным является отсутствие избыточной фиксации на данном барьере, блокирующей активность участников.

Иногда препятствием к полноценному включению в учебный процесс становится сама идея возвращения к процессу обучения, она вызывает сопротивление и дискомфорт, а также актуализирует представления о возрастных ограничениях в способностях к обучению. Опыт традиционного обучения, во многом травматичный, не дает обучающемуся вовлечься в процесс, снижает моти-

вацию. Преодолеть данный барьер или снизить его интенсивность возможно с помощью использования игровых заданий, в рамках которых возможен юмор, ирония (самоирония). Кроме того, ресурсными в контексте обхождения с обозначенным затруднением являются и механизмы социального влияния в группе — заражение, идентификация, эмпатия.

Нам видятся следующие варианты применения курса «Мышление и письмо» во взрослой аудитории: как вводный интенсив накануне длительного обучения (переподготовка, второе высшее образование и др.), как способ преподавания гуманитарных дисциплин, как источник методических приемов для проектирования других обучающих курсов. Эффективность реализации данного курса, на наш взгляд, определяется совокупными усилиями команды ведущих.

Опыт реализации курса во взрослой аудитории (аспиранты различных специальностей — преимущественно естественно-научных; представители разных профессий — психологи, маркетологи, HR-специалисты, менеджеры; преподаватели вуза; учителя общеобразовательных школ) дает нам возможность обозначить некоторые эффекты курса. Присутствие в группе участников, «заземленных» в разных профессиональных сферах, создает смысловой объем с большим потенциалом взаимного обогащения («спор физиков и лириков»), что позволяет наблюдать и осваивать новые способы понимания себя и мира. В отзывах участников часто отмечается, что такая работа в силу высокой интенсивности и методического разнообразия сопровождается высоким уровнем стрессового напряжения, однако практически никогда не переходит на уровень дистресса, то есть психический тонус остается на оптимальном уровне для решения сложных задач («трудно, но питательно», «трудно, но продуктивно»). Эффектами нахождения в этой «питательной среде», по отзывам участников, является возможность находиться в диалоге, быть услышанным и слышать, возможность обсуждать сложные темы и вопросы экзистенциального характера, обнаруживать собственные смыслы и конструировать новые, развивать субъектность (Я — автор текстов, размышлений, эмоциональных реакций), возможность действовать сообща, переживать совместность. В качестве ценностного следствия погружения в данный курс участники отмечают появляющееся доверие к себе, в том числе к собственному опыту сомнений, ограничений, трудностей, открытий, переживаний, спонтанности, что можно расценить как «шаг к познанию себя, к самостоятельному движению, кото-

рое нельзя ничем подменить или заменить» [Звенигородская Г.П., 2002]. Появление и выраженность перечисленных эффектов носит во многом индивидуальный характер. По нашему мнению, перечисленные феномены характеризуют взрослость и отражают вектор взросления.

Таким образом, модель свободных искусств и наук, благодаря заложенным в ней методическим принципам, оказывается релевантной для решения жизненных и профессиональных задач взрослой аудитории, организационно и методически ориентированной на ее основные потребности, а значит, фасилитирующей процессы «человекотворчества» — «преобразование себя» и движение в сторону «культурного совершеннолетия».

Список литературы

- Баuman З. Индивидуализированное общество / под ред. В.Л. Иноzemцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Звенигородская Г.П. Теория и практика рефлексивного образования на основе феноменологического подхода: дис. ... д-ра пед. наук. Хабаровск, 2002. 451 с.
- Игнатова Н.Ю. Человек взрослый: философско-антропологический анализ. Нижний Тагил: НТИ УГТУ-УПИ, 2005. 118 с.
- Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
- Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2014. 608 с.
- Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманит. фонд «Знание», 1996. 312 с.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
- Михайлова О.Б. Когнитивное развитие и особенности процесса обучения в период ранней и средней взрослости // Психологическая наука и образование. 2007. № 2. С. 34–41.
- Моховиков А. Жизнь психотерапевтического сообщества: аномия и приспособление // Гештальт 2011. Сборник материалов Общества практикующих психологов «Гештальт-подход». М., 2011. С. 5–16.
- Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / под общ. ред. Ю.В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с.
- Пиплс П. Развитие речи и критического мышления у студентов в программах Бард-колледжа // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 116–131.
- Рогов М.Г., Прохорова Д.А. Специфика барьеров в образовании руководителей среднего звена // Проблемы социальной психологии личности / Сарат. гос. ун-т. Саратов, 2008. № 7. URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30335.shtml (дата обращения: 04.09.2017).
- Фопель К. Психологические принципы обучения взрослых. М.: Генезис. 2010. 360 с.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2002. 384 с.

Хель Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2003. 608 с.

Шелер М. Формы знания и образование // Человек. М., 1992. Вып. 4. С. 85–96.

Получено 27.04.2018

References

- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow, Logos Publ., 390 p.
- Foucault, M. (2002). *Intellektualy i vlast: Izbrannye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu / pod red. V.P. Vizgina, B.M. Skuratova* [Dits et écrits: political articles, conferences, interviews, ed. by V.P. Vizgin, B.M. Skuratov]. Moscow, Praksis Publ., 384 p.
- Hjelle, L., Ziegler, D. (2003). *Teorii lichnosti* [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg, Piter Publ., 608 p.
- Ignatova, N.Yu. (2005). *Chelovek vzrosliy: filosofsko-antropologicheskiy analiz* [An adult man: a philosophical anthropological analysis]. Nizhniy Tagil, NTI USTU-UPI Publ., 118 p.
- Krayg, G., Bokum, D. (2005). *Psikhologiya razvitiya* [Developmental psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 940 p.
- Latova, Yu.V. (ed.) (2014). *Nepreryvnoe obrazovanie — stimul chelovecheskogo razvitiya i faktor sotsial'no-ekonomicheskikh neravenstv* [Continuous education is a stimulus of human development and a factor of socioeconomic inequalities]. Moscow, CSFM Publ., 433 p.
- Mamardashvili, M. (2014). *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [An outline of modern European philosophy]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 608 p.
- Markova, A.K. (1996). *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, Znanie, 312 p.
- Maslow, A. (1999). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 478 p.
- Mikhaylova, O.B. (2007). *Kognitivnoe razvitiye i osobennosti protsessa obucheniya v period ranney i sredneye vzroslosti* [Cognitive Development and Learning in Early and Middle Adulthood]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 2, pp. 34–41.
- Mokhovikov, A. (2011). *Zhizn' psikhoterapevticheskogo soobschestva: anomiya i prispособление* [Life of the psychotherapeutic community: anomie and adaptation]. *Geshtal't 2011. Sbornik materialov Obschestva praktikuyuschikh psikhologov «Geshtal't-podkhod»*

[Gestalt 2011. Collection of the Practicing Psychologists Society «Gestalt-approach»]. Moscow, pp. 5–16.

Peoples, P. (2015). *Razvitiye rechi i kriticheskogo myshleniya u studentov v programmakh Bard-kolledzha* [Empowering Students through Language & Critical Thinking: The Bard College Language & Thinking Program]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies (Moscow)]. No. 4, pp. 116–131.

Rogov, M.G., Prokhorova, D.A. (2008). *Spetsifika bar'ev v obrazovanii rukovoditeley srednego zvena* [Specificity of educational barriers of middle managers]. *Problemy sotsial'noy psichologii lichnosti* [Problems of social psychology of personality]. Saratov, SSU Publ. Available at: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30335.shtm (accessed 04.09.2017).

Об авторах

Шевкова Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: eshevkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4495-6050

Березина Елена Михайловна

кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой культурологии
и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: emberezina69@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4122-2414

Полянина Ольга Ивановна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kafedrapsdev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5009-2156

Scheler, M. (1992). *Formy znaniya i obrazovanie* [Forms of knowledge and education]. *Chelovek* [Human]. Iss. 4, pp. 85–96.

Vopel, K. (2010). *Psikhologicheskie printsipy obucheniya vzroslykh* [Effective Workshops]. Moscow, Genezis, 360 p.

Zvenigorodskaya, G.P. (2002). *Teoriya i praktika refleksivnogo obrazovaniya na osnove fenomenologicheskogo podkhoda: dis. ... d-ra ped. nauk* [Theory and practice of reflexive education on the basis of the phenomenological approach: dissertation]. Khabarovsk, 451 p.

Received 27.04.2018

About the authors

Elena V. Shevkova

Ph.D. in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department of General
and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: eshevkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4495-6050

Elena M. Berezina

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Head of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: emberezina69@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4122-2414

Olga I. Polyanina

Ph.D. in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kafedrapsdev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5009-2156

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шевкова Е.В., Березина Е.М., Полянина О.И. Современные практики развития взрослости: философские и психологические аспекты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 221–228. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-221-228

For citation:

Shevkova E.V., Berezina E.M., Polyanina O.I. Modern practices facilitating adulthood: philosophical and psychological aspects // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 221–228.

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-221-228

УДК 101.1:111.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-229-235

РЕЛИГИОЗНЫЙ АРГУМЕНТ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ*

Логинов Алексей Валерьевич

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ряд резонансных судебных заседаний о защите чувств верующих и «чувства исторической справедливости» со стороны атеистов (дело Р. Соколовского, иск Н. Рябчевского к настоятелю храма Е. Попиченко в Екатеринбурге) заставляют вернуться к вопросу о том, почему так трудно быть толерантным в делах религии, а также к ревизии принципов, на которых должна базироваться дискуссия в публичной сфере модерных обществ. Автор пытается найти логически возможные основания для межрелигиозной толерантности и толерантности между представителями религиозных общин и атеистами. В первой части статьи специфицируется механизм толерантного отношения (П. Николсон, Д. Хейд); во второй части сравниваются аргументы о возможности / невозможности внутренней религиозной толерантности (А. Маргалит, К. Нидерман, М. Хомяков). Рассматриваются столкновения по вопросам религии в публичной сфере современных обществ как столкновение двух типов идентичности: «нагруженной» — примордиальной и «ослабленной» — конструктивистской. Сделан вывод, что перед современной социальной политикой в Российской Федерации стоит выбор: держать ли курс на политику ослабления всяческой групповой идентичности и последовательную приватизацию различий (Б. Бэрри), либо, основываясь на коммунитаристском проекте общества (Ч. Тейлор, М. Сандел), разрабатывать более сложную по сравнению с «перекрывающимся консенсусом» Д. Ролза формулу сосуществования «нагруженных» идентичностей. Для взвешенного решения предлагается сравнить системы религиозного образования в России и европейских странах.

Ключевые слова: толерантность, конфликт, идентичность, образование, модерность.

RELIGIOUS ARGUMENT IN PUBLIC SPHERE: TOLERATION AND IDENTITY

Aleksey V. Loginov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

A number of widely discussed court verdicts recently delivered in Yekaterinburg to defend so called «religious feelings» (R. Sokolovsky case) or against the «atheistic claim» for the priest's apology (N. Ryabchevsky case) turned our attention back to the questions: why is it so difficult to tolerate when it concerns religion? If not human rights, what are those principles our public debates should be governed by? The author tries to find some possibilities for toleration both in religious and in secular spheres of modern society. The author starts with classical definitions (P. Nicholson and D. Heyd) of what toleration is and how it works, then, based on A. Margalit's description of religious pluralism compares key arguments for and against the very possibility of inner religious toleration. Having relocated the results into public sphere, the author wonders if the virtue — «thick» or «thin» — communication processes in the society are based on. Hence, two education policies are explored in the last part of the paper: the first one is aimed at reducing any strong connection between self and group identity, and the second one is based on communitarian respect for socially constructed self (Ch. Taylor). The dilemma is not solved yet, and the author ends up with a suggestion to compare the way reli-

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-18-01194.

gion(s) is taught at schools in Russia and in at least Northern (according to RSF project plan) Europe to get more clear vision of the «constellation» of modernity that we are planning to achieve.

Keywords: toleration, conflict, identity, education, modernity.

Пропаганда толерантности, которая велась в России, в частности, силами академической науки лет десять лет назад, постепенно сходит на нет. Могут ли быть полезны результаты имевшей место интеллектуальной работы по поиску *оснований* для толерантности в деле разрешения конфликтных ситуаций в публичном пространстве современного российского общества? Имеются в виду прежде всего так называемые «сложные случаи», получившие широкий общественный резонанс: дело блогера Р. Соколовского [Sokolovsky!..., 2017] и обстоятельства рассмотрения иска Н. Рябчевского к наследнику храма Е. Попиченко, в котором согласно публикации на новостном портале защита предлагала доказать истцу близкородственные отношения с объектом оскорбления [Игнатова М., 2018]. Первый случай провоцирует дебаты о соотношении права на свободу совести и ее «лексического приоритета» — права на свободу слова — с правом на защиту религиозных чувств верующих, чему уже дана академическая оценка: «...категория “религиозных чувств верующих” является чрезвычайно проблематичной. Она не может быть четко определена, поскольку чувства вообще субъективны, а выделение специфически религиозных чувств ведет либо к узконфессиональной их интерпретации, либо к полному размытию понятия “религиозные чувства”, где чувства “сливаются с представлениями” и убеждениями. Если же предполагается защищать религиозные убеждения, то мы вступаем в противоречие с правом на свободу совести для неверующих, дискриминируя в пользу религиозных людей, и правом на свободу слова для всех, поскольку, как было показано, свобода слова является лексически первичной по отношению к свободе совести и вероисповеданий» [Меньшиков А.С., 2017, с. 35]. Второй случай предполагает, по-видимому, необходимость доказательства того, что светские убеждения так же, как и религиозные, могут быть конститутивной частью человеческой идентичности, а основанные на этих убеждениях чувства — задеты в процессе общения в публичном пространстве. Итак, годится ли толерантность для решения подобного рода конфликтов?

Специфика толерантности и структура толерантного отношения

В сжатом виде специфику толерантности можно описать как добродетель невмешательства в суще-

ствование морально значимого для тебя отклонения. П. Николсон определяет толерантность через пять бесспорных свойств (характеристик):

1. Наличие отклонения (Deviance). Необходимым условием толерантности является расхождение во мнениях, убеждениях, позициях, факт различия.

2. Важность (нетривиальность) отклонения (Importance). Для вас как субъекта толерантности наличие девиации (пункт 1) является значимым, существенным.

3. Моральное несогласие с происходящим (несогласие с отклонением, Moral Disapproval). Вы осознаете собственное негативное отношение к отклонению, и это несогласие имеет моральные (не эстетические, не прагматические, а именно моральные) основания. Моральность неодобрения позволяет вам претендовать на выражение общезначимых суждений, поскольку моральные нормы, в отличие от эстетических вкусов или конкретных прагматических интересов, не локализованы только в сфере частной жизни индивидов.

4. Способность подавить отклонение (Power). Это означает, что у вас есть сила (Николсон трактует ее достаточно широко: от реальной способности физического воздействия до потенциально го влияния на ситуацию через критику, пропаганду и т.п.) или способность, с помощью которой вы можете пресечь отклонение. Толерантность, таким образом, невозможна по отношению к тому, что мы изменить не в силах.

5. И, наконец, невмешательство (не-отторжение, Non-rejection). Вы, имея силу и будучи морально несогласными, не вмешиваетесь, не пресекаете сам факт существования отклонения.

В заключение Николсон приходит к выводу, что толерантность — это моральный идеал, الشестая (спорная) характеристика гласит о том, что толерантный субъект благ, т.е. поступает хорошо, правильно [Nicholson P., 1985]. В основном все концептуальные споры вокруг толерантности связаны с вытекающим из этого определения парадоксом, о чем написано множество работ [Хомяков М.Б., 2003; Логинов А.В., 2013, 2017]. Если обратить внимание на отношение между пунктами 3, 4 и 5, то мы увидим, что толерантность предполагает невмешательство в значимую для тебя ситуацию вопреки собственным моральным убеждениям. Это «невозможно» (Бернард Вильямс), это чрезвычайно трудно — быть толерант-

ным. Следовательно, необходимо либо доказать, что сама толерантность в системе наших ценностей занимает высшее место (тогда снимается императивный призыв к вмешательству на уровне морали «первого порядка»), либо обнаружить какие-то дополнительные аргументы, «уравновешивающие» моральное неодобрение субъекта.

Структура толерантного отношения согласно классическим для теории толерантности работам как раз и предполагает «переключение» перспективы восприятия с того, что тебя раздражает, на того, кто является носителем «морально неверных» убеждений, и дальнейшую «балансировку» суждений: «Добротель толерантности состоит в переключении (switch) перспективы... Поэтому, чтобы быть толерантным, каждый должен быть способен приостановить свое суждение об объекте, отказаться от этого суждения как неуместного ради приобретения совершенно иной перспективы» [Heyd D., 1996, р. 12]. Хейд полагает, что подлинно толерантное отношение требует от нас способности «заземлить» (to anchor) определенное действие или убеждение на персональную «почву» (background) мотиваций, интенций или других убеждений когнитивной системы другого человека. «Мы терпим не мнения или убеждения, и даже не поступки или действия, а только субъектов, которые придерживаются вызывающих у нас неприязнь убеждений и практик», — заявляет Хейд [Heyd D., 1996, р. 12]. Тогда, чтобы толерантность казалась логически возможной в делах религии, она либо сама должна быть «первой заповедью», либо нам нужно найти и обосновать основания для «балансировки» суждений.

Внутренняя религиозная толерантность: дебаты

А. Маргалит полагает, что внутренняя религиозная толерантность и религиозный плюрализм невозможны. Аргументы израильского философа заключаются в следующих посылках:

1) откровение пропозиционально, т.е. выражено в такой форме, которая может быть оценена с точки зрения истинности либо ложности утверждения;

2) истины откровения конститутивны для религии и для спасения через религию (спасение зависит от того, истинны ли главные положения религии);

3) религии обретают внутреннюю ценность именно за счет того, что дают человеку возможность и путь спасения (которые базируются на истинах откровения);

4) существуют противоречия между истинами каждой пары из трех традиционных монотеистических религий современности (христианство, ислам, иудаизм);

5) тот факт, что источник истин — откровение, означает, что «ложная» религия, в отличие, допустим, от ошибочных научных теорий, не имеет никакой ценности;

6) посылки 1–5 соответствуют исторической реальности трех основных религий [Margalit A., 1996].

Казалось бы, данная аргументация является логически безупречной и вопрос о внутренней религиозной толерантности просто «подвисает в воздухе». Тем не менее, в истории идей существуют способы «разбить» кольцо аргументов Маргалита.

1. Пропозициональность откровения «ослабляется» в скептицизме: «...умеренный скептицизм религиозных теорий, ослабляя, но вовсе не разрушая пропозиционального характера откровенных истин, на самом деле приводил следовавших ему мыслителей к той или иной степени толерантного отношения к инославным» [Хомяков М.Б., 2004, с. 393].

2. Теории безразличных вещей (*res adiaphora*), широко распространившиеся в эпоху Реформации (Д. Локк), позволяют ослабить вторую посылку А. Маргалита — правда, они логически опасны тем, что способны сблизить толерантность и безразличие.

3. Третья посылка вряд ли может быть ослаблена (ценность религии действительно в том, что она дает путь к спасению), но может быть расширена: ценность религий может быть связана не только с тем, что она дает путь к спасению, но и с тем, что, например, религии способны поддерживать моральные стандарты и «социальный порядок» в обществах. Здесь тонкость аргументации заключается в том, что моральные стандарты и порядок общества все же должны вписываться в понимание религиозного блага у субъекта толерантности, а это понимание опять-таки должно быть дедуцировано из истин откровения либо вместо религиозного будет выдвинут чисто функциональный аргумент.

4. Четвертая посылка А. Маргалита ослабляется в случае рационального редукционизма (например, формула религиозного мира Н. Кузанского состоит в утверждении «одной религии в многообразии обрядов», мистицизма (если все вещи являются теофаниями, Богоявлениями, то оправдана терпимость к различиям в этом мире) и раннего национализма, согласно которому «нации» вырабатывают свойственные им самим способы почитания

Бога (знаки для означаемого) и люди, искренне следуя своим (различающимся) обрядам, славят Бога наиболее угодным Ему образом.

5. Наконец, контраргументами по отношению к системе А. Маргалита будут pragmatism (от негативного pragmatism, в котором вмешательство будет признано делом слишком затратным, до функционализма, где моральное несогласие субъекта толерантности с отклонением компенсируется пользой, которую объект толерантности вносит в поддержание социального целого) и либеральный дискурс прав человека (И. Кант, Д.С. Милль), в котором «интолерантность неприемлема не потому, что мы “почти согласны” с отклонением, и не потому, что его носители заслуживают уважения, как приносящие обществу некоторую пользу, но поскольку всякий человек (в том числе и тот, поведение или взгляды которого отклоняются от того, что мы считаем моральной нормой) имеет неотъемлемое право жить так, как он считает нужным» [Хомяков М.Б., 2004, с. 398].

По мнению автора, спор на этом не заканчивается.

Во-первых, действительно ли скептицизм совместим с религиозной верой? Не противоречит ли сомнение истинам откровения, которые надо принять на веру? Представляется (при всем весе скептического аргумента и его поддержке со стороны агностицизма), что в данной формулировке этот аргумент будет валиден только в рамках академических дискуссий. Вопрос о том, каким образом предположение и одновременно вера в истинность предполагаемого сочетаются (если сочетаются) в религиозном сознании, заслуживает быть предметом отдельных исследований. Контур философско-религиозных оснований, впрочем, сформулирован достаточно четко: «Снижение несогласия в скептицизме, тем не менее, не приведет нас к толерантности, если не будет сопровождаться определенными формами позитивного оценочного уважения. В большинстве случаев теологического скептицизма это уважение к все-ведению Бога и его абсолютному праву судить» [Khomakov M., 2013, p. 228].

Во-вторых, теория безразличных вещей, как кажется, действительно слишком близка к индифферентизму и потому второй и третий признак толерантности в определении Николсона будут настолько ослаблены, что уместнее будет говорить о трансформации толерантности в нейтральность. Далее, рациональный редукционизм вполне подходит для решения поставленных задач — при условии, что мы разделяем посылку, согласно которой истины откровений не просто представлены

в форме пропозициональных утверждений, но могут быть проанализированы нашим (в этом случае — по контрасту со скептицизмом — обладающим сильной способностью суждения) разумом, в результате чего общее содержание различных религий найдено, должным образом обосновано и принято как практическое руководство людьми, которым «случилось» иметь веру. С другой стороны, в случае успешного редукционизма будет исчезать первый пункт определения Николсона. Мистицизм выглядит вполне религиозным, но слишком «узким» аргументом — до той поры, пока не показана возможность некоторого переноса средневековых теорий мистического толка на почву современности. Ранний национализм вряд ли совместим с национализмом современным; и в этом аргументе также слабо представлен третий пункт определения Николсона. Функционализм как защита религиозной толерантности работает хорошо, но насколько в своем характере этот аргумент — религиозный? Можно, со значительной долей упрощения, предположить, что этот аргумент будет религиозным только в том случае, когда спасение души каким-то сущностным образом связано не только с верой в истины откровения, но и с определенным уровнем и порядком общественной, т.е. мирской, жизни.

Наконец, дискурс прав человека в либеральном его понимании вообще меняет расстановку сил: религия, наряду с любым не запрещенным законом стилем жизни (сама религия будет одним из стилей), становится делом частного, личного выбора индивида, и до той поры, пока какой-либо стиль жизни не приносит вред другим людям, этот стиль жизни следует терпеть из уважения к праву человека свободно выбирать то, что он желает в соответствии со своей природой. Толерантность такого рода, вполне вероятно, окажется всего лишь следствием «внешнего» и универсального принципа нейтралитета в обществах, предполагающих отделение государства от церкви и последовательную «приватизацию» индивидом любых групповых (включая религиозные) различий (Б. Бэрри).

Толерантность в публичной сфере: «парад идентичностей»

Среди аргументов против толерантности можно встретить такой аргумент, который в исторических исследованиях выражен формулой Т. Элиота: «Христиане не хотят, чтобы к ним относились толерантно». Эта максима описывает нежелание рассматривать свою идентичность как продукт выбора (и возможного — в дальней-

шем — перевыбора). Толерантность в этом ключе кажется тому, на кого она распространяется, по-просту обидной, как если бы твои убеждения ничего не значили на фоне самой возможности выбирать. Вернемся еще раз к модели Д. Хейда. Согласно Хейду, чтобы «подвесить» моральное неодобрение, необходимо, чтобы взгляд субъекта толерантности переключился с того, что вы выбрали и считаете важным, на вас как «носителя» этих (или других) убеждений. Но не означает ли это, что сами ваши убеждения не приняли всерьез? Для вас важно то, что вы выбрали, а для того, кто к вам толерантно относится, — вы сами как субъект выбора. «Мне кажется, — пишет Д. Хейд, — асимметрия между тем, кто относится толерантно, и тем, к кому так относятся, может быть объяснена тем фактом, что субъектам и агентам (убеждений и действий, поставленных под сомнение) труднее осуществить переключение... поскольку они идентифицируют себя со своими взглядами и действиями куда более сильно» [Heyd D., 1996, p. 16]. Идентификация со своими взглядами и действиями может быть основой не столько для требования «простой» толерантности, где «правым» всегда оказывается тот, кто ее (толерантность) проявляет, но скорее для — как минимум — требования равенства и различных форм признания.

Заключение

Подводя итог нашего исследования следует отметить, что, во-первых, становится понятна общая причина упадка интереса к толерантности в современной социально-гуманитарной науке: толерантность как механизм предотвращения конфликта мнений совершенно не помогает в конфликте убеждений, редуцированных к примордиально понимаемой идентичности. Примордиально понимаемая идентичность, выходящая за пределами частной сферы / локальных сообществ, безусловно требует либо радикального переосмысливания теории толерантности, либо поиска альтернативных практик и принципов, которые способствовали бы сохранению мира.

Во-вторых, практически мы сталкиваемся с необходимостью выбирать: на какую модель идентичности будет ориентирована современная государственная образовательная политика? Следует ли всячески поддерживать «твёрдый сплав» личности и убеждений, либо учить тому, что личность реализуется в *праве выбирать*, вплоть до экстремума «социальный серфинг»? Традиционные ориентиры воспитания и образования явно сталкиваются с тем, что можно, вслед за автора-

ми, назвать «посттрадиционностью»: «Для современных представителей социума, особенно для молодежи, многочисленные посттрадиционные формы теперь обеспечивают возможность интенсивного перемещения от общности к общности, пересекивания между разнородными потоками коммуникации, перебирания и освоения многих культурных практик» [Воробьева И. и др., 2015, с. 46]. Идентичность, как показывают многочисленные исследования, — всегда конструкт [Бергер П., Лукман Т., 1995]. Дело, как кажется, стоит в том, как мы описываем (или как мы приываем описывать) то, что по факту всегда конструкт, — в собственно конструктивистском или примордиалистском ключе. Представляется, что оптика «моделей» идентичности вполне применима и для анализа аргументов сторон в упомянутых выше судебных прениях. Было бы интересным также провести отдельный компартивный анализ принципов религиозного образования в России и европейских странах.

Наконец, вопрос об образовании вполне может быть трансформирован в нормативный политико-философский вопрос: на какой из моделей идентичности желательно строить принципы современной публичной сферы в нашей стране? «В нормально развивающемся обществе при установленных правилах и нормах поведения при разделении принципа светскости всеми участниками диалога конфликты на основе религиозного непонимания сведены к минимуму» [Излученко Т.В., 2013, с. 52]. Разделение всеми участниками диалога принципов светскости означает завершение процесса приватизации различий, включая различия религиозные, при одновременной артикуляции в публичной сфере перекрывающегося консенсуса мнений относительно самой политической оптики, в которой деление на частное и общественное проведено таким образом [Rawls J., 1993]. Именно поэтому в тезисе Т. Излученко религиозные конфликты «минимизируются» — они просто не «видны» в публичной сфере. Очевидно, впрочем, что доверие к «принципам светскости» в нашей стране сейчас в дефиците — в том числе и по причине отсутствия с момента краха советской идеологии [Двадцать лет..., 2011] масштабных моральных проектов, придающих смысл индивидуальному существованию человека как морального субъекта (Ч. Тейлор). Возможен, логически, второй вариант: поиск некоторой формулы (например, в виде ревизии правовых основ) взаимодействия принципиально «нагруженных» идентичностей в публичной сфере, допускающей и «нормализующей» конфликт убеждений. Нормально развивающееся

общество, как показали классики конфликтологии, вряд ли полностью избежит конфликтов, но оно должно научиться извлекать из них пользу [Coser L., 1956]. В этом контексте допуск в публичную сферу представителей «нагруженных» идентичностей хорош тем, что наличие «сильных» убеждений является лексическим условием *позиций и оценок*, условием перманентных общественных дискуссий. Дискуссии об общем благе в свою очередь являются существенным признаком самой модерности: «Нет единственно верного ответа на вопросы о том, как нам управлять нашей жизнью, как удовлетворять потребности и как получать достоверное знание», — пишет П. Вагнер в своей ставшей академическим бестселлером работе [Wagner P., 2008, р. 2].

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Воробьева И., Кружкова О., Симонова И. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодежи в современном обществе // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 45–50.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под. ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

Игнатова М. Суд разрешил екатеринбургскому священнику называть Ленина Гитлером. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-54255201.html (дата обращения: 14.04.2018).

Излученко Т.В. Диалогичность религиозного сознания как путь к толерантности светского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13). С. 50–53.

Логинов А.В. Возможна ли внутренняя религиозная толерантность? // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4(170). С. 37–46.

Логинов А.В. Толерантность: «за» и «против» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13). С. 44–49.

Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4(170). С. 27–36.

Хомяков М.Б. Религиозная толерантность в мультикультурном обществе: поиск нового обоснования // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: кол. монография / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 378–407.

Хомяков М.Б. Толерантность — парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 4. С. 98–112.

Coser L. The Functions of Social Conflict. N.Y.: The Free Press, 1956. 188 p.

Heyd D. Introduction // Toleration: An Elusive Virtue / ed. by D. Heyd. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 3–17.

Khomyakov M. Toleration and respect: Historical instances and current problems // European Journal of Political Theory. 2013. Vol. 12(3). P. 223–239. DOI: 10.1177/1474885112465247.

Margalit A. The Ring: on Religious Pluralism // Toleration: An Elusive Virtue / ed. by D. Heyd. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 147–157.

Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration / ed. by J. Horton, S. Mendus. L.; N.Y.: Methuen, 1985. P. 158–173.

Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1993. 435 p.

«Sokolovsky! Ничего святого». Приговор Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга. URL: <https://zona.media/article/2017/05/17/sokolovsky-prigivor> (дата обращения: 24.04.2018).

Wagner P. Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity Press. 2008. 297 p.

Получено 25.04.2018

References

Berger, P.L., Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znanija* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 323 p.

Coser, L. (1956), *The Functions of Social Conflict*. New York, The Free Press, 188 p.

Gorshkov, M.K., Krumm, R., Petukhov, V.V. (ed.) (2011). *Dvadtsat' let reform glazami rossiyjan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* [Twenty years of reforms in perception of the Russians: a case of long-term sociological studies]. Moscow, Ves' Mir Publ., 328 p.

Heyd, D. (1996). Introduction. *Toleration: An Elusive Virtue*, ed. by D. Heyd. Princeton, Princeton University Press, pp. 3–17.

Ignatova, M. *Sud razreshil ekaterinburgskomu sviashenniku nazывать Lenina Hitlerom* [The Court allowed Ekaterinburg priest to name Lenin as Hitler]. Available at: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-54255201.html (accessed 14.04.2018).

Izluchenko, T.V. (2013). *Dialogichnost' religioznogo soznaniya kak put' k tolerantnosti svetskogo obschestva* [Dialogism of religious consciousness as a way to tolerance of secular society]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiokogiya* [Perm University

Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 1(13), pp. 50–53.

Khomyakov, M. (2004). *Religioznaya tolerantnost v multikulturnom obschestve: poisk novogo obosnovaniya* [Religious toleration in multicultural society: toward new foundation]. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii / pod red. N. Kupinoy, O. Mikhailovoy* [Cultural practice of toleration in oral communication processes, ed. by N. Kupina, O. Mikhailova]. Ekaterinburg, UrSU Publ., pp. 378–407.

Khomyakov, M. (2003). *Tolerantnost' — paradoksal'naya cennost'* [Toleration: A Paradoxical Value]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. VI, no. 4, pp. 98–112.

Khomyakov, M. (2013). Toleration and respect: Historical instances and current problems. *European Journal of Political Theory*. Vol. 12(3), pp. 223–239. DOI: 10.1177/1474885112465247.

Loginov, A. (2013). *Tolerantost' — «za» i «protiv»* [Toleration: pro et contra]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiokogiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology】. Iss. 1(13), pp. 44–49.

Loginov, A. (2017). *Vazmozhna li vnutrennyaya religioznaya tolerantnost'* [Is internal religious tolerance possible?] *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences]. Vol. 12, no. 4(170), pp. 37–46.

Margalit, A. (1996). The Ring: on Religious Pluralism. *Toleration: An Elusive Virtue*, ed. by D. Heyd. Princeton, Princeton University Press, pp. 147–157.

Об авторе

Логинов Алексей Валерьевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: alexeyloginov@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-5554-5214

Menshikov, A.S. (2017). *Svoboda sovesti i zashchita religioznykh chuvstv: prava cheloveka v kontekste post-sekularnoy epohi* [Freedom of Conscience and Protection of Religious Feelings: Human Rights in the Context of Post-secular Modernity]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and political sciences]. Vol. 12, no. 4(170), pp. 27–36.

Nicholson, P. (1985). Toleration as a Moral Ideal. *Aspects of Toleration*, ed. by J. Horton, S. Mendus. London, New York, Methuen, pp. 158–173.

Rawls, J. (1993). *Political Liberalism*. New York, Columbia University Press, 435 p.

«*Sokolovsky! Nichego svyatogo*». *Prigovor Verkh-Isetskogo rayonnogo suda Ekaterinburga* [«Sokolovsky! Nothing Sacred». Local Court of Yekaterinburg city verdict]. Available at: <https://zona.media/article/2017/05/17/sokolovsky-prigovor> (accessed 24.04.2018).

Vorobiyova, I., Kruzhkova, O., Simonova, I. (2015). *Sotsial'nyi serfing: spetsifika tsennostnykh orientatsiy molodezhi v sovremenном obschestve* [Social surfing: specific value orientations of youth in contemporary society]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. No. 5, pp. 45–50.

Wagner, P. (2008). *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge, Polity Press, 297 p.

Received 25.04.2018

About the author

Aleksey V. Loginov

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Social Philosophy

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: alexeyloginov@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-5554-5214

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логинов А.В. Религиозный аргумент в публичной сфере: толерантность и идентичность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 229–235.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-229-235

For citation:

Loginov A.V. Religious argument in public sphere: toleration and identity// Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 229–235. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-229-235

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242

«ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ» НИЦШЕ И АНТИЧНОСТЬ

Колесников Илья Дмитриевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В статье осуществляется герменевтика соотношения мысли о Вечном возвращении того же самого с античностью. Проблема этого соотношения не может быть прояснена до тех пор, пока сохраняется уверенность в правомерном понимании того, что такое Вечное возвращение и что такое античность. В наследии Ницше Вечное возвращение имеет два облика — облик мысли об образе жизни и облик космогонического учения. Первостепенным значением обладает первый, так как учение является лишь формой донесения мысли. Предыдущие исследования соотносили эту мысль с античной философской доксографией, результатом чего становились ошибочные выводы, так как заведомо был избран ложный путь (поскольку, согласно Ницше, философия является исключением из античности, а не ее средоточием). Настоящее исследование стремится обнаружить связь этических следствий из мысли о Вечном возвращении с античной культурой в целом и античным пониманием времени в частности. Особое внимание уделяется разграничению того, подлежат ли вечному возвращению мистериальные явления античности или «аполлоническая» жизнь полиса, «Олимп иллюзии». В результате внимательного рассмотрения нельзя не прийти к выводу о том, что вечное возвращение в античности Ницше усматривал в повторении типических явлений (агональность, полис, война). В отношении времени мысль Ницше утверждает не возвращение, а сосредоточение сил на настоящем мгновении. На примере эллинского понимания времени (мифическое возвеличенное прошлое, настоящий момент, будущая слава) прослеживается, что «прошлое» и «будущее» имели в античности решающее значение для настоящего.

Ключевые слова: Вечное возвращение, философия Ницше, античность, античное понимание времени, аретэ.

NIETZSCHE'S «ETERNAL RECURRENCE» AND THE ANTIQUITY

Ilya D. Kolesnikov

Saratov State University

The subject under research in this paper is relation between Nietzsche's idea of the «Eternal Recurrence of the same» and Ancient Greek culture. «Eternal Recurrence» has two forms in the philosophical heritage of Friedrich Nietzsche: the form of thought about the way of life and the form of a cosmological doctrine like the ancient Greek philosophy of nature. The first form is paramount, because the doctrine is just a form of a thought. Some of the previous researches in this area were focused on the cosmological aspect of Nietzsche's idea. This approach caused misinterpretation. In fact, Ancient Greek philosophical doxography related to the problem of cyclic time and eternal recurrence has no adequate analogy. Nevertheless, it should not become the basis for negation of the relation between «Eternal Recurrence of the same» and the antiquity, because this approach takes Nietzsche's idea and ancient culture separately from each other, as if there is no correlation between them. To avoid this mistake, the author used philosophical hermeneutics as a research method. The main idea of this paper is based on Nietzsche's affirmation of the essential link between «Eternal Recurrence of the same» and the antiquity. According to Nietzsche, philosophy is an exception from antiquity, and not its focus. The purpose of the current research is to discover the connection of ethical consequences from the concept of Eternal Recurrence with ancient culture in general and with the ancient concept of time particularly. The main attention is focused on the separation of the «mysterious phenomena of antiquity» and the «Apollonian» life of the polis, «Olympus of Illusion». Eternal Recurrence implies a return of the political and artistic antiquity, but not Dionysian sides of the Ancient Greek culture. The «Eternal Recurrence» is a repetition of typical phenomena: agonism, polis, war, art. With regard to the ancient concept of the time's nature, Nietzsche's theory stated not return to the same, but the present moment as

the most important. All human forces must be given to the present moment. Through the example of Hellenic understanding of time (mythical «great» past, present moment and glory in the future), it is traced that «the past» and «future» were of decisive significance for the «present» in antiquity.

Keywords: Eternal Recurrence, Nietzsche's philosophy, antiquity, ancient concept of time, arête.

Введение

Когда ставится вопрос о том, насколько мысль Ницше о Вечном возвращении того же самого связана с античностью, предполагается, что как мысль, так и то, что такое античность, уже известно, остается лишь провести параллель. Более внимательный подход приводит к некоторым вопросам. Первые сосредоточены на античности: какая древность в рамках эллинизма имеется в виду — век Гомера или доплатоновских философов и софистов, Платон или эллинистические философские школы? Вторая группа вопросов относится к Вечному возвращению: является ли оно «формой метафизики» (М. Хайдеггер), «дразнящим иллюзионом позднего Ницше» (Э. Бертрам), преобразующей и императивной мыслью или чем-либо еще?

Если не задаваться вопросом ни об античности, ни о мысли о Вечном возвращении, их сопоставление останется в стороне от существа дела. Так, в основательном исследовании К. Лёвита «Ницшевская философия вечного возвращения» (1934 г.) продумывается сама мысль, но античность берется как нечто уже известное заранее. Поэтому Лёвит приходит к «выводу» о том, что Ницше мыслит совсем не по-гречески [Лёвит К., 2016, с. 140]. Однако «греческое» видится Лёвиту в идиллических образах наивности и близости к природе (этим образом традиция обязана Шиллеру), что несколько чуждо тому, как видел древних сам Ницше. Или другой примером — книга Ф.Г. Юнгера «Ницше» (1949 г.), в которой автор признает, что учение Ницше родственно античности, под античностью понимается ее «темная сторона» (*die andere Antike*) в лице пифагорейцев, Эмпедокла, Платона, гностиков [Юнгер Ф.Г., 2001, с. 178], что также не соответствует философии Ницше.

Оба примера являются лишь частью общей картины. В вопросе рецепции античности тем или иным мыслителем принята схема, в которой наследие философа привлекается таким образом, словно оно никак с античностью не связано и не сформировано ей хотя бы в той или иной степени; затем привлекается античность в рамках исторической науки XIX в. так, словно она не осмыслилась философами; после чего делаются соответствующие выводы. Когда дело касалось Ницше и античности, то образ древности (*Antikesbild*), ко-

торый Ницше пытался прояснить, отклонялся как субъективный. За основу был взят, как сказано выше, усредненный образ, сформированный исторической наукой о древности. Придерживаясь герменевтической строгости, такое произвольное схватывание образа античности недопустимо.

Данная статья не претендует на окончательное решение вопроса о связи Вечного возвращения с античностью. Цель заключается лишь в том, чтобы прояснить, в каком смысле можно говорить об этой связи — и, соответственно, о каком Вечном возвращении и о какой античности в рамках этой темы может идти речь.

Вечное возвращение того же самого: мысль и учение

Мысль о Вечном возвращении того же самого в силу разных причин понималась и продолжает пониматься превратно. Исследователи, знакомые как с местами из опубликованных произведений, так и с фрагментами из посмертного наследия, до сих пор редко различают то, как Ницше понимал эту мысль (по крайней мере, как он формулировал ее для себя), и то, как он намеревался ее *преподнести*. Отсутствие этого различия является одной из главных причин удивительных версий прочтения Ницше.

Мысль о Вечном возвращении пришла Ницше в августе 1881 г. Ее основной вопрос заключался в том, сможет ли человек вынести данное мгновение, если оно будет повторяться вновь и вновь бесчисленное число раз? И сможет ли он тогда вынести свою жизнь, если она будет находиться под таким же судом вечного повторения, возвращения? В первом сочинении, где эта мысль была впервые («Веселая наука»), она названа «величайшей тяжестью» [Ницше Ф., 2014, с. 523–524]. Тот, перед кем она станет, встретит опыт предельной ответственности за каждый миг своего существования. Не вся жизнь состоит из высших мгновений: одни самодостаточны, а другие являются лишь средством к достижению первых. Жизнь может быть устремлена к будущему, но тогда ее настояще окажется пустым и — в перспективе вечного повторения — невыносимо тяжелым. Чтобы эту тяжесть вынести, необходимо полное преображение всей жизни; необходимо сосредоточить свои усилия на непосредственно

присутствующем и отказаться от заботы о потустороннем. Настоящее *мгновение* не оправдано будущими целями или прошлыми переживаниями. Если недостойный образ жизни оправдывается тем, что это времененная мера, в свете вечного возвращения это не помогает, поскольку и эти «временные» моменты будут повторяться вновь и вновь, образуя вечность. Марк Аврелий оправдывал несовершенство мира тем, что как в комедиях есть «нелепые и грубые стихи», придающие целику произведению привлекательность, так и в мире все «небесполезно в масштабах мироздания». Он добавляет: «Смотри только, не стань такой частью, как дешевый смехотворный стих» [Марк Аврелий Антонин, 1993, с. 34]. Ницше пошел дальше: таких частей в мире и вовсе не должно оставаться.

Жизнь надлежит преобразить и сделать *достойной* вечного возвращения:

«Мы хотим снова и снова переживать произведение искусства! Так нужно построить и свою жизнь, чтобы каждая ее часть заставляла нас испытывать то же чувство! Вот главная мысль! Лишь в конце следует преподносить *учение о повторении* всего бывшего, когда уже приживется тенденция *творить* нечто, что в солнечном сиянии этого учения *расцветет* с тысячекратной силой!» [Ницше Ф., 2013, с. 468]

На такую жизнь ложет «отпечаток вечности» [Ницше Ф., 2013, с. 466]; человеком будет руководить «стремление придать бытию эстетический смысл, *приумножить наш вкус к нему*» [Ницше Ф., 2013, с. 467]. В горизонте этой мысли человек, во-первых, примет существующее с эстетическим отношением, а во-вторых, чтобы принять, преобразует себя и мир — сделает его произведением искусства, эстетическим феноменом.

Сказанное до сих пор относилось к замыслу Ницше, к тому, как он сам обдумывал эту мысль. Второй стороной является *преподнесение учения* о Вечном возвращении. Ницше осознавал, что если эта мысль подействует, она повлечет за собой фундаментальное преображение всей культуры. В апреле 1884 г. он пишет Ф. Овербеку:

«Возможно, что именно мне *впервые* пришла мысль, которая расколет историю человечества надвое <...> Будь она *истинной* или, верней, будь она воспринята как истинная, все изменится, ничто не останется как было, и *все* прежние ценности обесценятся» [Ницше Ф., 2005, с. 220].

Об истинности мысли говорится условно, и все изменится, если она будет *воспринята* как ис-

тинная. В последующие годы, работая над «Переоценкой ценностей» (итогом чего станет «Воля к власти»), Ницше продумывает, как придать этой мысли правдоподобия: императивный характер скрывается за космологическими и физическими объяснениями.

Сравнительная идеография

В силу того что мысль Ницше не отделяли от преподносимого учения, у последователей возникали затруднения, что было вполне ожидаемым, поскольку Ницше возлагал надежды на то, что воздействие окажет именно учение. Поэтому те философы, которые поддерживают или опровергают учение о Вечном возвращении, уже находятся внутри тактики Ницше. Таким образом, с античным пониманием времени связывалось учение о Вечном возвращении, а не мысль Ницше.

В статье В. Бакусева «“Вечное возвращение” и античность», основательной как по широте подхода, так и по его тщательности, приводится семь фрагментов у античных и раннехристианских авторов, с которыми можно было бы проводить аналогию:

- I. Приписываемый Лину отрывок из поэмы «О природе мира» (фрагмент B2 по Дильсу).
- II. Место из Евдема Родосского (у Симплиция в комментарии к IV, 12 «Физики» Аристотеля).
- III. «Речь против эллинов» Татиана (3, 2).
- IV. «Правдивое слово» Кельса (у Оригена: Против Кельса, 4, 65).
- V. «О началах» Оригена (II 3, 4).
- VI. «Против Кельса» Оригена (IV, 68).
- VII. «О граде божьем» Августина (12, XIII, 2) [Лёвит К., 2016, с. 296–298].

При надлежащем знакомстве с открытием «Вечного возвращения» Фридрихом Ницше аналогии отпадают.

Поскольку мысль является сложной, намного легче было объяснить ее через нечто иное: и первым, что приходит в голову, является общее место о цикличном характере времени в античности. Собственно, само это *locus communis* находится под большим вопросом: присуща ли вообще эллинскому мышлению уверенность в цикличности? Приведенная доксография относится к поздней античности: даже мифический Лин стал популярной фигурой в эллинистическую эпоху. Это важно в герменевтическом отношении: если речь идет о Ницше и античности, то следует учесть, что ни один из перечисленных источников Ницше не назвал бы античным в собственном смысле. Все

они примыкают к платоновской линии и тем самым к современности (которая, согласно Ницше, начинается с Платона [Ницше Ф., 2012b, с. 40]).

Циклическое понимание времени в классической древности не было всеохватывающим. Намеки и указания на него встречаются в мифе и философии, что еще не свидетельствует о том, что древние мыслили время циклично: философские свидетельства далеко не всегда выражают дух эллинства, если только последнее не понимается как народ, сплошь состоящий из философов. Доказательство циклического понимания времени со ссылкой на космологию Лина или стоиков можно опровергнуть ссылкой на понимание времени Аристотелем или платониками (что, кстати, справедливо). Но и этого недостаточно: Ницше неоднократно выражал сомнение, не был ли философ исключением из греческого полиса. В таком случае можно расширить поле исследования и посмотреть на понимание времени в источниках самых различных жанров: трагедия, комедия, эпиграммы, лирика, речи etc.: в них идея *космологической цикличности* не встречается. О цикличности можно говорить в пределах того или иного *этоса*: крестьяне прослеживали цикличность в природе времени посева, сбора урожая и так далее — этому соответствовали празднества и мистерии. Другая цикличность была в полисе: срок замещения должностей. Фукидид предложил определять время событий не по архонству того или иного лица, как это было распространено, а принимая во внимание отсчет времен года [Фукидид, 1993]. Речь могла идти о циклах полиса и природы, но не было представления о том, что все вернется *в точности* так, как было, и будетозвращаться бесчисленное число раз: а ведь именно это содержится в ницшевском учении о Вечном возвращении того же самого.

Свидетельства Ницше

В рамках сочинения «Философия будущего» Ницше планировал написать раздел «Греки как знатоки человека» [Ницше Ф., 2010, с. 282–287], который через несколько лет он хотел оформить в качестве самостоятельного труда «Размышления о греках» [Ницше Ф., 2010, с. 402] (при написании этого наброска Ницше активно ссылается на сочинение Леопольда Шмидта «Этика древних греков» [Schmidt L., 1882]). Впоследствии «Философия будущего» стала подзаголовком сочинения «По ту сторону добра и зла», однако раздел о греках там отсутствует (часть записей из набросков все же содержится в разделе «Что благородно»). Подходя к

завершению раздела «Греки как знатоки человека», Ницше пишет: «*Я открыл греческое*, они верили в *вечное возвращение!* Это *вера в мистерии!*» [Ницше Ф., 2010, с. 286]. Возникает проблема: параллель между мыслью о Вечном возвращении и античностью проводится не только исследователями, но и самим философом. Более того: Вечное возвращение не просто было у греков; это *само греческое* («*Ich habe das Griechenthum entdeckt*» [Nietzsche Fr., 1988, S. 340]).

Прежде чем более подробно обратиться к этому фрагменту, следует рассмотреть еще два свидетельства о связи Вечного возвращения с античностью:

I. В «Ecce Homo» Ницше говорит, что учению о Вечном возвращении мог учить Гераклит и стоики [Ницше Ф., 2009, с. 235] (под свидетельством стоиков имеется в виду III пункт приведенной В. Бакусевым доксографии: *Stoicorum Veterum Fragmenta*, II, 625 [Фрагменты..., 2002, с. 40]). Эти слова Ницше относятся к преподнесению учения — как ссылка на историческую космологию. Подразумеваемый Ницше фрагмент, хотя и подходит наиболее близко к Вечному возвращению, не сообщает ничего о том, как в соответствии с этим учением переменится жизнь. Поэтому данное свидетельство может быть истолковано только как вспомогательное средство для придания мысли правдоподобия.

II. Второе свидетельство находится в «Сумерках идолов» (1888 г.), а именно в разделе «Чем я обязан древним», где развивается связь Вечного возвращения с *мистериальным* фоном эллинства. Поскольку оно сходится с «верой в мистерии» из приведенных черновиков, это свидетельство следует рассмотреть более внимательно.

Вечное возвращение: мистериальное и аполлоническое

Мистериальное дionисийское начало у позднего Ницше существенно отличается от дionисийства в «Рождении трагедии»: это уже не созерцание «мрачного первоединого» [Ницше Ф., 2012a, с. 35], но «вечное возвращение жизни», «вечная радость созидания», «глубочайший инстинкт жизни» [Ницше Ф., 2009, с. 103–104]. Ницше, вопреки распространенному заблуждению, не открывал дionисизм древних: к последней трети XIX в. для классических филологов это было общеизвестным обстоятельством. Уже Бахоффен в «Материнском праве» писал о том, что, вопреки

новейшим исследованиям, мистерии следуют отнести не к эллинистической эпохе, а к архаике [Bachofen J.J., 1861, S. XV]. Существование мистериального начала было известным, споры велись о хронологии. Ницше же осмыслил роль дионаисийского начала в эллинской культуре. Целая пропасть пролегает между дионаисовскими греками и дионаисовскими варварами [Ницше Ф., 2012а, с. 29]: вопрос в том, почему греков в отличие от других это мрачное явление заставляло «отводить глаза к светлому» [Ницше Ф., 2012а, с. 60] и творить произведения искусства высокого стиля, «Олимп иллюзии»:

Дионаисовская подпочва мира имеет право проявляться как раз лишь настолько, насколько оно может быть затем преодолено аполлоновской просветляющей силой [Ницше Ф., 2012а, с. 143].

Возвращение Дионисий обеспечивало аполлоническую культуру полиса.

В черновиках к разделу «Греки как знатоки человека» приведенная цитата о мистериальной вере греков находится в самом конце наброска, она подводит итог перечисленным «собственно-эллинским» чертам, в качестве каковых Ницше выделяет: агональность (в состязании способности доводятся до совершенства, *ἀρετή*), благородство, чувство противоположности варварам, политичность, растворение индивидуума в типе. Далее Ницше пишет:

«Сущностные вещи возвращаются (wiederholen), нет ничего нового, нет никакого развития» — это собственно-эллинское [Nietzsche Fr., 1988, S. 338].

Эллины ценили типическое, повторяющееся, они не интересовались исключениями или ахронизмами (главным ориентиром для Ницше выступал Фукидид, ищущий типическое). Следует обратить на это внимание: все, что Ницше описывает в древних как их основные свойства и как наиболее совершенные качества, как раз не мистериально, а «аполлонично». Таким образом, главным является не цикличность мистерий, а то, что в их ритуальных обрядах повторялось одно и то же, и «просветленную радость» вызывало повторение *типического*. Время не имеет направления и цели, в нем только повторяется одно и то же. Чтобы вынести мрачный характер мира, это повторяющееся должно было, согласно логике «Рождения трагедии», стать высокой культурой. Жизнь нужно было сделать такой, чтобы ее типические проявления были достойны вечного возвращения. Для понимания Ницше важно увидеть, что сказанное жизни «да» представлено не в об-

разе экзальтированных восхищенных вакхантов, которые радуются миру (так было только у раннего Ницше): жизнь утверждается в искусстве, войне, политике, гимнастических состязаниях, иначе говоря, во всех проявлениях античной культуры. Сначала следует научиться творить нечто, а уже после мысли о Вечном возвращении творение расцветет с тысячекратной силой. Тот, кто усматривает в античности радостное согласие с жизнью только в мистериях, привносит в древнюю эпоху современное мышление в терминах повседневной безрадостной обыденности. Жизнь древних, как показывает Ницше в следующих за «Рождением трагедии» эссе «Греческое государство» и «Гомеровское состязание», была лишена трудов (если говорить о жителях *полиса*, а не о гесиодовских крестьянах).

Уже было сказано, что вера в цикличное возвращение не питала эллинские умы (речь шла о повторении типического, что не то же самое). Весьма условно в отношении античного понимания времени можно сказать, что взгляд эллина обращен *вспять*, в прошлое. Начало этому положил Гесиод: сменяющие друг друга эпохи становятся хуже [Гесиод, 2001, с. 24–27]. Однако за несколькими исключениями (такими как Феогнид [Эллинские поэты, 1963, с. 301]) это не означало пессимизма или скепсиса; скорее, «совершенное» прошлое выступало ориентиром (а здесь даже Феогнид не является исключением). Агональный инстинкт и честолюбие в качестве образцов выставляли не только современность (Фемистокл и «лавры Мильтиада» [Плутарх, 1990, с. 218]), но и прошлое. Что касается устремленности в будущее, то речь может идти о *доксе*, славе для потомков.

Вечное возвращение учит мышлению в пределах данного мгновения, и введение славы не отменяет сказанного. Простота, с которой в древности расставались с жизнью (например, на войне), обеспечивалась не верой в загробное воздаяние (как у Платона [Платон, 1971, с. 96]), но тем, что в момент гибели на войне человек достигал совершенства (*доблесть* и совершенство сливаются в слове *ἀρετή*). Во время одной из битв Александра окружили и дело шло к его неминуемой гибели, и, по сообщению Плутарха, Александра страшила не близость смерти, а ее *безвестность* [Плутарх, 1983, с. 439], так как битва происходила в каком-то неизвестном городе. Плутарх говорит, что у соратников Александра постоянно проходило состязание за славу и совершенство, *ἄμιλλα περὶ δόξης καὶ ἀρετῆς* (342e). Таким образом, дело не в «жертвовании» настоящим на благо

будущего, а в непосредственном совершенстве, полноте самого настоящего.

В отличие от позднеантичной философской доксографии, именно с такой древностью Ницше связывал учение о Вечном возвращении:

«Предположим, изящные искусства греков погибли бы и мы ограничивались бы суждениями философов: какие ложные выводы! <...> Все эллинское... следует рассматривать глубже. Свидетельствами мало чего достигнешь. Исторические факты, поступки намного важнее, например, для их этики, чем все их слова» [Ницше Ф., 2010, с. 284–285].

Греки обладали той культурой, достижение которой является целью мысли о Вечном возвращении того же самого. Произведения искусств (в первую очередь пластических), военная доблесть (Марафон и Саламин) — все это, согласно Ницше, свидетельствует о том, что для древних жизнь была бы выносимой при мысли о том, что она будет возвращаться в таком виде вновь и вновь. Черты античности, о которой говорит Ницше, описаны в надгробной речи Перикла у Фукидида [Фукидид, 1993, с. 79–84]; эта речь была для Ницше главным выразителем эллинской древности: в позднем предисловии к «Рождению трагедии» («Опыт самокритики») звучит намек на то, что именно эта речь и привела его к греческой проблеме, к вопросу об «эллинской веселости» [Ницше Ф., 2012а, с. 13].

Заключение

Целью данного рассмотрения было прояснение того, в каком смысле правомерно говорить о связи Вечного возвращения с классической древностью. Сравнение учения о Вечном возвращении с античной философской доксографией необоснованно (о чем говорили и другие авторы). На пути герменевтического погружения в проблему, во-первых, было разделено то, как Ницше мыслил Вечное возвращение, и то, как он намеревался донести это учение, обращаясь к космологическим построениям. Так как «Вечное возвращение» является учением об образе жизни, то оно бралось именно в этом смысле (а не в значении философской мифологии). Далее, под античностью Ницше понимал как раз не совокупность философских текстов, с которыми можно было бы нечто сравнивать, а общую культуру (исключением из которой чаще всего, по его мысли, и является философия). Поскольку Ницше сам говорил о связи Вечного возвращения с античностью, т.е. последняя бралась так, как ее понимал философ, а не в образах, следующих из историче-

ской науки. Содержание мысли о Вечном возвращении, заключающееся в доведении жизни до *аретэ*, совершенства («отпечаток вечности»), присуще классической древности, которая жила повторением типического, одного и того же.

Список литературы

- Гесиод.* Полное собрание текстов / пер. с др.-греч. В. Вересаева, О. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
- Лёвиг К.* Ницшевская философия вечного возвращения того же / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2016. 336 с.
- Марк Аврелий Антонин.* Размышления / пер. с лат. А.К. Гаврилова. М.: Наука, 1993. 247 с.
- Ницше Ф.* Письма / пер. с нем. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2005. 399 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/1 / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. М.: Культурная революция, 2012. 416 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / пер. с нем. Ю.И. Архипова. М.: Культурная революция, 2010. 640 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 11 / пер. с нем. В.Д. Седельника. М.: Культурная революция, 2012. 688 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3 / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6 / пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др. М.: Культурная революция, 2009. 408 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9 / пер. с нем. А.А. Карельского и др. М.: Культурная революция, 2013. 688 с.
- Платон.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с др.-греч. М.: Мысль, 1971. 687 с.
- Плутарх.* Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 1 / пер. с др.-греч. М.: Правда, 1990. 592 с.
- Плутарх.* Сочинения / пер. с др.-греч. М.: Художественная литература, 1983. 703 с.
- Фрагменты ранних стоков.* Т. 2, ч. 2. / пер. и comment. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. 260 с.
- Фукидид.* История / пер. с др.-греч. М.: Наука, 1993. 544 с.
- Эллинские поэты* / пер. с др.-греч. В.В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. 407 с.
- Юнгер Ф.Г.* Ницше / пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Практис, 2001. 256 с.
- Bachofen J.J.* Das Mutterrecht. Stuttgart: Verlag von Kreis & Hoffmann, 1861. 434 S.
- Nietzsche Fr.* Kritische Studienausgabe: in 15 Bde. Bd. 10. Berlin: De Gruyter, 1988. 666 S.
- Schmidt L.* Die Ethik der alten Griechen: in 2 Bde. Bd. II. Berlin, 1882. 494 S.

Получено 12.02.2018

References

- Bachofen, J.J. (1861). *Das Mutterrecht* [Mother Right]. Stuttgart, Verlag von Kreis & Hoffmann Publ., 434 p.
- Hesiod. (2001). *Polnoe sobranie tekstov / per. s dr.grech. V. Veresaeva, O. Tsybenko* [Complete Works, trans. from classical Greek by V. Veresaev, O. Tsybenko]. Moscow, Labirint Publ., 256 p.
- Junger, F.G. (2011). *Nietzsche* [Nitsshe]. Moscow, Praksis Publ., 256 p.
- Löwith, K., (2016). *Nitsshevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe* [Nietzsche's Philosophy of Eternal Recurrence of the same]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 336 p.
- Marcus Aurelius, A., (1993). *Razmyshleniya / per. s lat. A.K. Gavrilovoy* [Meditations, trans. from Lat. by A.K. Gavrilova]. Moscow, Nauka Publ., 247 p.
- Nietzsche, F. (2005). *Pisma* [Letters]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya, 399 p.
- Nietzsche, F. (1988). *Kritische Studienausgabe: in 15 Bde. Bd. 10* [Critical Edition of the Complete Works: in 15 vols, Vol. 10]. Berlin, De Gruyter Publ., 666 p.
- Nietzsche, F. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 1/1* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 1/1]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 416 p.
- Nietzsche, F. (2010). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 10* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 10]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 640 p.
- Nietzsche, F. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 11* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 11]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 688 p.
- Nietzsche, F. (2014). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 3* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 3]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 640 p.
- Nietzsche, F. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 6* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 6]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 408 p.
- Nietzsche, F. (2013). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 9* [The Complete Works: in 13 vols. Vol. 9]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 688 p.
- Plato. (1971). *Sobranie sochineniy: v 3 t. T. 3, ch. 1 / per. s dr.grech.* [Collected Works: in 3 vols. Vol. 3, pt. 1, trans. from classical Greek]. Moscow, Mysl' Publ., 687 p.
- Plutarch. (1990). *Izbrannye zhizneopisaniya: v 2 t. T. 1 / per. s dr.grech.* [Selected Biographies: in 2 vols. Vol. 1, trans. from classical Greek]. Moscow, Pravda Publ., 592 p.
- Plutarch. (1983). *Sochineniya / per. s dr.grech.* [Works, trans. from classical Greek]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 703 p.
- Schmidt, L. (1882). *Die Ethik der alten Griechen: in 2 Bde. Bd. 2* [Ethics of the Ancient Greeks: in 2 vols. Vol. 2]. Berlin, 494 p.
- Stolyarov, A.A. (tr.) (2002). *Fragmenty rannikh stoikov. T. 2, ch. 2* [Fragments of Early Stoics. Vol. 2, pt. 2]. Moscow, Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shchadina Publ., 260 p.
- Thucydides. (1993). *Istoriya / per. s dr.grech.* [History of the Peloponnesian War, trans. from classical Greek]. Moscow, Nauka Publ., 544 p.
- Veresaev, V.V. (tr.) (1963). *Ellinskie poetry / per. s dr.grech.* [Hellenic Poets, trans. from classical Greek]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 407 p.

Received 12.02.2018

Об авторе

Колесников Илья Дмитриевич
аспирант кафедры теоретической
и социальной философии

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: kolesnikovid@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2729-6871

About the author

Ilya D. Kolesnikov
Ph.D. Student of the Department of Theoretical
and Social Philosophy

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: kolesnikovid@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2729-6871

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колесников И.Д. «Вечное возвращение» Ницше и античность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 236–242. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242

For citation:

Kolesnikov I.D. Nietzsche's «Eternal Recurrence» and the antiquity // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 236–242. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-236-242

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.018

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-243-251

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В СВЕТЕ МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА***

Лебедев Александр Николаевич

*Институт психологии Российской академии наук,
Московский институт психоанализа*

Концепция психологического состояния общества сегодня становится популярной в российской психологии в связи с распространением макропсихологического подхода. В этом случае не только отдельная личность, но и общество в целом, может рассматриваться как субъект деятельности, самоорганизующаяся система. Целью исследования является разработка простой модели показателей, описывающих психологическое состояние российского общества. Эти показатели должны дать возможность прогнозировать его психологическое состояние в будущем. Основная гипотеза исследования состоит в том, что одним из системообразующих факторов, определяющих психологическое состояние общества и его динамику, являются различные типы поляризации общества. В исследовании проводится различие между объективной поляризацией (экономической, политической, социальной и др.) и субъективной (психологической). Предполагается, что чем сильнее психологическая поляризация, тем выше вероятность ухудшения психологического состояния общества. При этом объективная поляризация становится фактором общественной нестабильности, когда она осознается и рассматривается основной массой населения как показатель неблагополучия. В ином случае различные формы неравенства обычно не вызывают значительных проблем. Представлены предварительные результаты эмпирического исследования в соответствии с разработанной теоретической моделью. Проанализированы ответы респондентов на вопросы нескольких анкет. Респондентам предлагалось оценить политическую, экономическую и социальную ситуацию в России сейчас и в будущем. Также было предложено оценить психологическую поляризацию общества. Исследование показало, что оценка субъективных характеристик психологического состояния общества с учетом особенностей его психологической поляризации перспективна для развития системы показателей. Говорится о необходимости уточнить определение понятия психологического состояния общества. В частности, необходимо различать представления людей о психологическом состоянии общества и его объективные характеристики.

Ключевые слова: методология психологии, общая психология, предикторы и индикаторы психологического состояния общества, моделирование психологических явлений.

**THE PSYCHOLOGICAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE LIGHT
OF MACRO-PSYCHOLOGICAL APPROACH**

Aleksander N. Lebedev

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
Moscow Institute of Psychoanalysis*

The concept of psychological state of society is becoming popular in Russian psychology due to the spread of macro-psychological approach. In this case, not only the individual, but also the society as a whole, can be considered as a subject of activity, self-organizing system. The aim of the study is to develop a simple model

* Исследование проводится при поддержке РФФИ (грант № 17-29-02104 офи_м «Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества»).

of indexes describing the psychological state of Russian society. These indicators should allow predicting the psychological state of Russian society in the future as well. The main hypothesis of the study is that one of the backbone factors, determining the psychological state of society and its dynamics, is based on the different types of social polarization. The study distinguishes between objective polarization of society (economic, political, social, etc.) and subjective one (psychological). It is assumed that the stronger the psychological polarization, the higher the probability of deterioration of the psychological state of society. At the same time, objective polarization becomes a factor of social instability when it is recognized and considered by the majority of the population as an indicator of disadvantage. Otherwise, different forms of inequality usually do not cause significant problems. Preliminary results of empirical research in accordance with the developed theoretical model are presented. The answers of respondents to the questions of several questionnaires were analyzed. Respondents were asked to assess the political, economic and social situation in Russia now and in the future. It was also proposed to assess the psychological polarization of society. The study showed that the evaluation of the subjective characteristics of the psychological state of society, taking into account the peculiarities of its psychological polarization, is promising for the development of the system of indicators. The need to clarify the definition of the psychological state of society is mentioned. In particular, it is necessary to distinguish between people's perceptions of the psychological state of society and its objective characteristics.

Keywords: methodology of psychology, general psychology, predictors and indicators of the psychological state of society, modeling of psychological phenomena.

В последние годы в отечественной психологии в связи с ростом интереса к изучению системных механизмов общественного развития и возникновением новых глобальных психологических явлений все большую популярность приобретает понятие психологического состояния общества (ПСО). Эти новые явления во многом определяются не только достижениями науки и развитием новых технологий, но также изменением психологии людей (ценностей, норм, стереотипов поведения и др.). Хорошо известно, что существенные изменения психологии происходят каждые 22–23 года, что было названо феноменом поколений и получило отражение в ряде научных теорий [Strauss W., Howe N., 1997].

Природа многих глобальных психологических изменений до конца не ясна, и это осложняет построение прогнозов развития цивилизации в будущем. Как показывают исследования в области экономической и политической психологии, психологические процессы не всегда обладают статистической устойчивостью, часто они не стабильны, не линейны и подвержены самоиндукции [Kahneman D., Tversky A., 2000]. Отсюда возникает непростая теоретико-методологическая проблема прогнозирования динамики психологического состояния общества.

В настоящее время нет однозначного понимания того, какие индикаторы могли бы характеризовать ПСО и какие факторы оказываются наиболее существенными для использования их в качестве предикторов, необходимых и достаточных для принятия важных государственных решений. До конца не определено также соотношение объективных и субъективных факторов, определяю-

щих ПСО, их взаимовлияние. В частности, не ясны значимость и соотношение критериев объективного и субъективного благополучия граждан, во многом влияющих на психологическую атмосферу в стране. Кроме того, разные авторы высказывают различные точки зрения по поводу определения понятия ПСО: одни связывают ПСО с его стабильностью, другие полагают, что стабильное состояние общества не является условием социального благополучия [Юревич А.В., 2014].

Многие исследования в данном направлении выполняются сегодня в рамках макропсихологического подхода. По мнению А.Л. Журавлева и А.В. Юревича, макропсихологический анализ заключается в изучении социальных процессов, сопротивляемых обществу в целом, поэтому в фокусе внимания отечественных ученых должны оказаться макропсихологические проблемы прежде всего современного российского общества. Авторы к таким явлениям относят морально-этические нормы и ценности, культурную травму, вызванную реформами нравственных идеалов и ценностных ориентаций, революциями, и другие [Журавлев А.Л., Юревич А.В., 2009]. В этом случае не только отдельная личность, но и общество в целом может рассматриваться как субъект деятельности, самоорганизующаяся система, уровни и элементы которой взаимосвязаны [Ломов Б.Ф., 1984; Юдин Э.Г., 1978]. Изучение механизмов саморазвития общества предполагает анализ внутренних противоречий, «борьбы мотивов», которые традиционно являются предметом исследования в психологии личности.

В соответствии с макропсихологическим подходом психологическое состояние больших групп

людей может определяться на основе как объективных, так и субъективных оценок. Поэтому часто возникают ситуации, когда оценки существенно различаются. Эти различия нередко ставят исследователей в тупик, например, при изучении характеристик объективного и субъективного экономического благополучия [Хашенко В.А., 2012] или при определении так называемого индекса счастья [Воробьев Е.М., Демченко Т.И., 2013] и др. Так, люди с низкими доходами порой утверждают, что они вполне удовлетворены своим экономическим положением, а во многих экономически слаборазвитых странах измеряемый социологами индекс счастья оказывается намного выше, чем в благополучных, и т.д.

Очевидно, что ПСО нельзя оценивать по результатам опросов представителей отдельных социальных групп, если в стране возникает какая-либо значительная поляризация. В таких случаях мнения разных групп населения могут не только существенно различаться, но и оказываются противоположными по важным для оценки ПСО вопросам. Гипотетически чем ниже уровень какой-либо поляризации в обществе, тем более точными могут быть оценки его психологического состояния, определяемые на основе выборочных исследований.

Роль теории поляризации в изучении психологического состояния общества

Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что одним из глобальных системообразующих факторов, определяющих ПСО и его динамику, наряду с оценками его настоящего и будущего выступают различные виды поляризации [Myers D.G., 1982]. Поляризация в обществе может быть объективной (экономическая, политическая, социальная) и субъективной (психологическая, ценностная и пр.). Чем сильнее проявляется поляризация, тем выше вероятность ухудшения ПСО. В условиях однополярности такое напряжение оказывается менее существенным. В условиях многополярности (особенно биполярности) психологическая атмосфера может накаляться и вызывать социальное напряжение. При этом существенно то, что объективная поляризация лишь тогда становится фактором общественной нестабильности, когда осознается и рассматривается основной массой населения как показатель неблагополучия. Тогда можно говорить о психологической поляризации. В противном случае различные формы неравенства, как правило, не вызывают серьезных проблем.

В научной литературе поляризацией принято называть усиление различий в положении различных групп населения, в результате чего возникает их противостояние друг другу. По мнению Г.В. Осипова, одна из задач социальной политики государства — предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты [Осипов Г.В., 2005].

Впервые термин «социальная поляризация» появился во время роста экономики в США и странах Западной Европы в 1960–1970 гг. Первоначально понятие поляризации связывали с ситуацией, когда уровень жизни населения вырос и обнаружилась некая «деградация» среднего класса, наличие которого считалось основой эффективной экономики. Явление социальной поляризации оценивалось по-разному. С одной стороны, это дистанция между элитой и низко квалифицированными рабочими, которая способствует экономическому росту, с другой — приводит к социальным конфликтам.

В психологии первоначально широко применялся термин «групповая поляризация». В 1961 г. американский психолог Дж. Стоунер обнаружил феномен «сдвига к риску» при принятии решений в малой социальной группе. Он установил, что, принимая совместные решения, связанные с риском, члены групп рискуют чаще, чем если они принимают аналогичные решения индивидуально [Майерс Д., 2010]. В 1969 г. Серж Московиси и Мариза Заваллони опубликовали статью, в которой предложили объяснение данному феномену. Они утверждали, что характер взаимодействия в группе во время дискуссии усиливает «приверженность норме», которая поляризует группу. Когда группа или индивидуум тщательно обдумывают различные альтернативы и аргументы, которые до этого казались несущественными, они напротив часто «приобретают больший вес». Участники дискуссии, погружаясь в проблему, становятся более уверенными в своей правоте [Moscovici S., Zavalloni M., 1969].

Французский психолог В. Дуаз обратил внимание на то, что поляризация суждений членов группы также происходит, если они задумываются о возможном мнении своих оппонентов вне группы. При этом собственные наиболее существенные для них мнения кажутся им еще более важными и даже могут стать радикальными [Doise W., 1988, 1998].

В результате экспериментальных исследований было установлено, что если в состав группы входит некий конфедерат (подсадной), который

занимает ярко выраженную лидерскую позицию, то члены группы проявляют более заметную тенденцию к поляризации по отношению к острым социальным проблемам, чем члены группы, где нет конфедерата. При этом конфедераты, высказывающиеся в соответствии с принятыми социальными нормами, сильнее влияют на группу, чем противники такой нормы. Конфедераты, выражающие контрнормативные настроения, сталкиваются с сопротивлением группы. В bipolarной группе в этом случае может произойти ее относительная деполяризация.

Результаты этих и других аналогичных исследований показали, что одна и та же информация воздействует сильнее, если исходит от членов той же группы или от похожих на них посторонних лиц. Но она оказывается менее эффективной, если исходит от «непохожих посторонних лиц». В теории С. Московиси феномен поляризации объясняется тем, что большинство в группе обладает меньшей новизной, нежели меньшинство. С. Московиси объясняет инновации и социальные перемены активностью прежде всего меньшинства.

Для объяснения поляризации было выдвинуто несколько теорий. Одна из них основывается на принципе информационного влияния (восприятие реальных фактов), другая ставит на первое место фактор нормативного влияния (желание человека получить одобрение группы). В соответствии с первой теорией, во время группового обсуждения формируется банк идей, которые совпадают с доминирующей позицией и влияют на результаты обсуждения.

Модели психологической поляризации часто рассматриваются на основе теории социальных сравнений. Так, психологи Д. Майерс и Г. Ламм описали явление зависимости отношений внутри группы от социальной дифференциации и внутригруппового соревнования. В этом случае люди, желая быть лучше других и соревнуясь с другими, принимают более крайние взгляды, чтобы выглядеть лучше других [Myers D.G., 1982]. Исследователи полагают, что психологическая поляризация является результатом трех процессов. Это социальное сравнение, информационное влияние и конформность.

Многие пытались объяснить феномен психологической поляризации на основе конформизма. Тем не менее С. Московиси утверждал, что исследованиям конформности присуще одностороннее толкование и ошибки. Авторы таких исследований полагают, что социальное влияние в

группе приводит либо к конформности, либо к отклонению от нормы. Однако, по его мнению, в основе конформности лежит механизм адаптации, и она необходима для достижения стабильности в группе или обществе. То есть общество объективно нуждается в конформности. Это позволяет ему функционировать эффективно и без значительных конфликтов.

По мнению С. Московиси, индивидуумы, которые не готовы к конформизму, не могут достичь желаемого. В обществе они оказываются изгоями. С. Московиси считал, что социальные перемены по инициативе тех, кто находится «наверху», возникают крайне редко, а обратное противоречит «исторической правде». Серьезные социальные изменения, по его мнению, как и потрясения, чаще происходят по инициативе «низов».

Таким образом, было показано, что в социальной группе в процессе дискуссии ее участники чаще всего становятся более уверенными в своей первоначальной позиции. То есть человек, занявший в дискуссии активную полярную позицию, как правило, уже не принимает противоположную точку зрения. Он просто «убеждается в своей правоте» в еще большей степени. Те, кто не имел мнения, в этом случае, обычно принимают точку зрения той стороны, аргументы которой им кажутся более убедительными.

Несмотря на то что первоначально явление поляризации изучалось в малых группах, С. Московиси позже стал рассматривать его на уровне больших социальных групп. Он показал, что противостояние людей, имеющих какие-либо убеждения, лишь укрепляется в процессе борьбы и конфликтных отношений и редко меняется на противоположное в процессе дискуссий или политического противостояния.

Из теории С. Московиси следует, что люди, мышление которых опирается на социальные представления, и первоначально не имеющие своей собственной позиции (например, в силу незнания реальной ситуации, неграмотности, озабоченности своими проблемами, религиозности и пр.), чаще всего принимают ту точку зрения, которая кажется им наиболее убедительной. Причем если официальные СМИ тенденциозно предоставляют населению информацию, основная его масса уверена, что получает вполне достоверную информацию.

Феномен поляризации в обществе изучали многие исследователи, например, на материале жизни крупных мегаполисов [Maloutas T., 2007; Sassen S., 2001; Andersen H., 2004; Baum S., 1997].

Было показано, что психологическая поляризация общества усиливается при усилении других видов поляризации (экономической, политической, социальной, религиозной и пр.). Психологическая поляризация в обществе может обостряться в условиях стремления власти к авторитарным методам управления, а также нетерпимости к альтернативным точкам зрения.

Из теории С. Московиси следует, что много-полярность общества не является проявлением демократии. В демократическом обществе обычно нет конфликтов, которые неизбежно возникают при поляризации. Для демократического общества характерна терпимость к различным взглядам и наличие свободной оппозиции. В поляризованном обществе терпимость к противоположным мнениям оказывается под вопросом. Возможно, это основное отличие понятия поляризации от понятия демократии.

Методология и методы оценки психологического состояния общества

Цель проводимого нами исследования состоит в том, чтобы разработать относительно простую модель индексов, характеризующих оценки ПСО. Особенностью исследования является то, что такие индексы должны выступать также некими предикторами, позволяющими вероятностно прогнозировать некоторые изменения ПСО в ближайшем и отдаленном будущем.

Так, А.В. Юрьевичем был разработан композитный индекс психологического состояния общества, объединяющий индекс психологической устойчивости общества и индекс социально-психологического благополучия общества. Индекс психологической устойчивости общества подсчитывается на основе анализа объективных статистических данных, он включает: индекс смертности от заболевания нервной системы и органов чувств; индекс смертности от самоубийств и индекс заболеваемости психическими расстройствами. Индекс психологического благополучия общества включает: индекс устойчивости семьи, индекс социального сиротства, индекс смертности от убийств [Юревич А.В., 2014].

Дальнейшее развитие исследований в этой области, по нашему мнению, должно идти по пути сопоставления объективных данных и субъективных оценок ПСО различными слоями населения. Возможно, именно это позволит определить классы наиболее существенных явлений для разработки системы предикторов, оценивающих изменения его психологического состояния в будущем. Для

этого традиционные социологические методы целесообразно дополнить психоаналитическими количественными и качественными методиками, психосемантическими методами и другими, позволяющими проводить исследования и интерпретировать их результаты на основе психологических теорий в рамках макропсихологического подхода [Журавлев А.Л., Юрьевич А.В., 2009].

Применение психологических методик, в частности стандартизованных психоаналитических тестов, допускает проведение исследований на относительно небольших выборках с учетом качественного разнообразия и вариативности индивидуальных ответов. Такой подход позволяет устанавливать корреляционные связи с данными других авторов, а главное — интерпретировать результаты эмпирических исследований на основе известных психологических теорий.

Оценка ПСО иногда проводится с помощью экспертных методов, в частности метода SWOT-анализа [Майсак О.С., 2013]. Этот метод был разработан во второй половине XX в. и первоначально использовался для оценки стратегий поведения организаций. Однако через несколько лет появились сведения о применении этого метода в очень широком диапазоне для сравнительного анализа больших социальных групп, стран, отдельных людей и пр. В наиболее простой форме SWOT-анализ представляет собой определение факторов внутренней и внешней среды организации и их оценку по четырем направлениям: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности), Threats (угрозы).

Исследователи отмечают, что SWOT-анализ эффективен при осуществлении лишь первоначальной оценки некоей ситуации, начального состояния системы, но он не позволяет провести разработку управленческих стратегий или, например, прогнозировать динамику и развитие объекта (системы) в будущем. При выполнении SWOT-анализа экспертами часто происходит перечисление факторов без детального осмысливания взаимосвязей между ними.

По мнению многих специалистов, долгое время практиковавших SWOT-анализ и утративших к нему интерес, данный метод в значительной степени субъективен и часто зависит от точки зрения того, кто его использует. Выводы, сделанные на основе SWOT-анализа, часто не конкретны, имеют описательный характер. Наиболее эффективен данный метод лишь при сравнительном

анализе, например, состояния какой-либо организации с состоянием другой организации.

Таким образом, SWOT-анализ может быть информативным для сравнительной оценки психологического состояния разных стран, но не всегда информативен для оценки психологического состояния одной страны. Эта, на первый взгляд, парадоксальная ситуация довольно широко распространена на практике. Люди принимают решение, например, при выборе товаров в магазине или депутатов при голосовании по принципу сравнения, но испытывают затруднения и делают ошибки при оценке каждого объекта в отдельности [Козеleeцкий Ю., 1979; Лебедев А.Н., Гордякова О.В., 2015]. Учитывая, что страны в значительной степени различаются по социальным, культурным, религиозным и другим параметрам, возможности применения данного метода оказываются ограниченными.

Еще один подход, который может быть рассмотрен при выборе критериев оценки ПСО, состоит в том, чтобы попытаться описать рассматриваемое явление некоей функцией — как соотношение характеристик актуального и будущего психологического состояния общества по отношению к оценкам его поляризации. В этом случае результат может быть описан следующей величиной:

$$I = \sum \frac{\varphi + \varphi'}{w},$$

где I — индекс соотношения оценок респондентами или экспертами актуального и будущего психологического состояния общества в отношении к различным характеристикам поляризации;

φ — величина суммы оценок состояния общества по оцениваемым характеристикам (факторам) в момент их измерения (в настоящем);

φ' — величина суммы оценок будущего состояния общества по оцениваемым характеристикам (факторам);

w — индекс поляризации общества.

Таким образом, в соответствии с формулой, оценки актуального ПСО суммируются с оценками его будущего состояния. Следует отметить, что, например, при подсчете известного международного индекса счастья его разработчики пришли к выводу, что одним из главных субъективных критериев счастья следует считать уверенность людей в своем благополучном будущем [Воробьев Е.М., Демченко Т.И., 2013]. По аналогии с этим индексом для более точной оценки ПСО, по нашему мнению, обязательно должны быть учтены представления о перспективе (φ').

Коэффициент I учитывает динамику поляризации общества (w) при определении его психологического состояния. Этот коэффициент позволяет сравнивать различные группы людей, оценивающих ПСО, а также сопоставлять характеристики ПСО в разные периоды времени.

Эмпирические исследования факторов психологического состояния общества

Моделирование системы индикаторов, которые могли бы характеризовать ПСО, является крайне сложной задачей по многим причинам. Сама возможность оценки ПСО у некоторых ученых вызывает сомнения. Если можно говорить об измерении психологического состояния личности и группы, то очевидно, что ПСО также может быть описано качественными и количественными, субъективными и объективными характеристиками. Учитывая огромную вариативность и различное влияние факторов на динамику ПСО, логично рассмотреть их как многоуровневую систему.

Поскольку теоретически факторов может быть много, то проблема сводится к тому, чтобы выделить группы факторов, которые можно принять в качестве индикаторов и предикторов ПСО в будущем. Методологическая проблема заключается в том, чтобы найти надежные аргументы, доказывающие, что полученные данные действительно валидны и репрезентативны характеристикам всего общества и поэтому могут рассматриваться как индикаторы и предикторы его психологического состояния. В этом случае важно определить критерий отличия представлений различных групп населения о ПСО и объективные характеристики ПСО, которые не зависят от социальных или обыденных представлений.

В 2017 г. мы провели исследование, в ходе которого проанализировали ответы респондентов на вопросы по нескольким анкетам и психодиагностическим методикам. В исследовании приняли участие 199 человек в возрасте от 19 до 48 лет (48 % мужчин и 52 % женщин), проживающие в Москве и Московской области. Респондентам предлагались вопросы для оценки политической ситуации, психологической атмосферы, экономической и социальной ситуации в России на момент опроса (φ), а также для оценки перспектив развития различных сфер жизни в России в 2018–2019 гг. (φ').

При оценке социальной ситуации в России (конфликты и противоречия между людьми, социальными слоями и пр.) мнения респондентов распределились следующим образом: 39,5 % охарактеризовали ситуацию напряженной и 6 % —

очень напряженной; 11 % респондентов оценили ее как спокойную, а большинство (43,5 %) — как среднюю. Оценивая сложившуюся экономическую ситуацию в России (уровень жизни населения, перспективы экономического роста и пр.), 66 % респондентов считают, что она скорее неблагополучная, 8 % — очень неблагополучная, 19 % — скорее благополучная.

Можно предположить, что проценты, например, средние по всем положительным ответам одной и той же группы респондентов могут рассматриваться как совокупный индекс ПСО в момент их измерения. Поскольку ПСО — величина изменчивая, то, в соответствии с гипотезой, следует учесть оценку перспективы развития общества. При ответе на вопрос «Произойдут ли, по вашему мнению, какие-либо серьезные изменения в лучшую сторону в стране в 2018–2019 гг. в следующих сферах...» ответы респондентов распределились следующим образом.

Высказали сомнения, что изменения в лучшую сторону произойдут в сферах рыночной экономики и бизнеса (49 %), образования (47 %), пенсионных реформ (38 %), демократических свобод (38 %). В целом 76 % респондентов однозначно уверены или склоняются к мнению о том, что в России не снизится уровень бедности в 2018–2019 гг. Также однозначно убеждены в отсутствии изменений в лучшую сторону в сфере свободы СМИ 37 % респондентов и 24 % высказали сомнения в том, что такие изменения произойдут (всего 61 % негативных оценок).

При проведении эмпирических исследований в качестве критерия поляризации общества (w) могут рассматриваться как прямые ответы, так и существенные различия в ответах по одним и тем же вопросам. Так, отвечая на вопрос о том, является ли современное российское общество поляризованным, 62 % респондентов высказали мнение, что оно является многополярным, 26 % — биполярным и 12 % — однополярным.

При оценке состояния таких сфер, как внешняя политика и государственная служба, мнения респондентов значимо разделились и оказались в существенной степени полярными. В частности, при оценке возможных изменений во внешней политике в будущем 24 % высказали сомнение в возможности таких изменений, но 31 % считают, что такие изменения произойдут. Такая же картина и в оценках сферы государственной службы: 28% считают, что изменения в лучшую сторону скорее не произойдут, 20% считают, что такие изменения скорее всего произойдут.

На многие вопросы анкеты значительная часть респондентов затруднилась ответить. В соответствии с теорией поляризации эта группа граждан может принять точку зрения тех, кто окажется более убедительным в своих аргументах, если им придется столкнуться с необходимостью выбора. Поскольку по данным Правительства РФ в 2017 г. количество малообеспеченных граждан достигло 22 млн. человек, а доходы очень богатых людей существенно возросли, есть основания предположить, что экономическая поляризация общества не может не отразиться на величине психологической поляризации и может повлиять на оценки гражданами ПСО.

Заключение

Методологический анализ рассматриваемой проблемы позволяет сделать вывод о возможности изучения психологического состояния общества (ПСО) в рамках макропсихологического подхода. Психологическое состояние общества должно определяться на основе анализа объективных и субъективных оценок, как традиционно определяется психологическое состояние личности в рамках общей психологии. Субъективные характеристики психологического состояния общества (ПСО) могут рассматриваться лишь с учетом оценок разных групп населения, поскольку в условиях поляризации они часто оказываются противоположными. Для формирования надежной системы индикаторов и предикторов субъективного состояния общества получаемые данные должны быть выражены в соизмеримых шкалах, что на сегодняшний день является актуальной методической задачей исследования и разработки системы предикторов и индикаторов психологического состояния общества. Необходимо также решить проблему валидности понятия психологического состояния общества, в частности, определить критерии оценки представлений людей о психологическом состоянии общества и его объективных характеристиках.

Список литературы

Воробьев Е.М., Демченко Т.И. Экономика счастья как новая экономическая парадигма // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер.: Міжнародні відносини. Економіка. Крайнознавство. Туризм. 2013. № 1086, вып. 2. С. 74–77.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Макропсихология современного российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 352 с.

- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
- Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 304 с.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
- Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 794 с.
- Майсак О.С. SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблемы поиска связей между фактограмами // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. № 1(21). С. 151–157.
- Осипов Г.В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М.: Вече, 2005. 567 с.
- Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 426 с.
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
- Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Ин-т психологии РАН, 2014. 470 с.
- Andersen H. Spatial — not social polarization: social change and segregation in Copenhagen // The Greek Review of Social Research, 2004. 113A. P. 145–165.
- Baum S. Sydney, Australia: a global city? Testing the social polarization thesis // Urban Studies. 1997. Vol. 34, iss. 11. P. 1881–1901. DOI: 10.1080/0042098975295.
- Doise W. Individual and social identities in intergroup relations // European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18, iss. 2. P. 99–111. DOI: 10.1002/ejsp.2420180202.
- Doise W. Social representations in personal identity // Social identity: international perspectives / ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. N.Y., 1998. P. 13–25.
- Kahneman D., Tversky A. Choices, values and frames. N.Y.: Cambridge University Press, 2000. 864 p.
- Maloutas T. Segregation, Social Polarization and Immigration in Athens during the 1990s: Theoretical Expectations and Contextual Difference // International Journal of Urban and Regional Research. 2007. Vol. 31, iss. 4. P. 733–758. DOI:10.1111/j.1468-2427.2007.00760.x.
- Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Jun. Vol. 12, iss. 2. P. 125–135. DOI: 10.1037/h0027568.
- Myers D.G. Polarizing effects of social interaction // Group decision-making / ed. by H. Brandstatter, J.H. Davis, G. Stacker-Kreichgauer. L.: Academic Press, 1982. P. 125–161.
- Sassen S. Global cities and global city-regions: a comparison // Global city regions, trends, theory and policy / ed. by A.J. Scott. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 78–95.

Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 p.

Получено 19.03.2018

References

- Andersen, H. (2004). Spatial — not social polarization: social change and segregation in Copenhagen. *The Greek Review of Social Research*. 113A, pp. 145–165.
- Baum, S. (1997). Sydney, Australia: a global city? Testing the social polarization thesis. *Urban Studies*. Vol. 34, iss. 11, pp. 1881–1901. DOI: 10.1080/0042098975295.
- Doise, W. (1988). Individual and social identities in intergroup relations. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 18, iss. 2, pp. 99–111.
- Doise, W. (1998). Social representations in personal identity. *Social identity: international perspectives*, ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. New York, pp. 13–25.
- Kahneman, D., Tversky, A. (2000). *Choices, values and frames*. New York, Cambridge University Press, 840 p.
- Khashchenko, V.A. (2012). *Psichologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* [Psychology of economic well-being]. Moscow, IP RAS Publ., 426 p.
- Kozeletskiy, Yu. (1979). *Psichologicheskaya teoriya resheniy* [Psychological Decision Theory]. Moscow, Progress, 504 p.
- Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2015). *Lichnost' v sisteme marketingovykh kommunikatsiy* [Personality in the system of marketing communications]. Moscow, IP RAS Publ., 304 p.
- Lomov, B.F. (1984). *Metodicheskie i teoreticheskie problemy psichologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 444 p.
- Maloutas, T. (2007). Segregation, Social Polarization and Immigration in Athens during the 1990s: Theoretical Expectations and Contextual Difference. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 31, iss. 4, pp. 733–758. DOI:10.1111/j.1468-2427.2007.00760.x.
- Maysak, O.S. (2013). *SWOT-analiz: obekt, faktory, strategii. Problemy poiska svyazey mezhdunarodnymi faktorami* [SWOT Analysis: The Difficulty of Searching for Links Between Factors]. *Prikaspischiy zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii* [Caspian Journal Management and high technologies]. No. 1(21), pp. 151–157.

Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969). The group as a polarizer of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*. Jun., vol. 12, iss. 2, pp. 125–135. DOI: 10.1037/h0027568.

- Myers, D.G. (1982). Polarizing effects of social interaction. *Group decision-making*, ed. by H. Brandstatter, J.H. Davis, G. Stacker-Kreichgauer. London, Academic Press, pp. 125–161.
- Myers, D.G. (2010). *Sotsial'naya psichologiya* [Social Psychology]. Saint Petersburg, Piter, 794 p.
- Osipov, G.V. (2005). *Sotsiologiya i gosudarstvennost'* (dostizheniya, problemy, resheniya) [Sociology and Statehood: Achievements, problems, solutions]. Veche, Moscow, 567 p.
- Sassen, S. (2001). Global cities and global city-regions: a comparison. *Global city regions, trends, theory and policy*, ed. by A.J. Scott. New York, Oxford University Press, pp. 78–95.
- Strauss, W., Howe, N. (1997). *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. New York, Broadway Books, 400 p.
- Vorobev, E.M., Demchenko, T.I. (2013). *Ekonomika schast'ya kak novaya ekonomicheskaya paradigma* [The economics of happiness as the new economic para-digm]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya. Ekonomika. Regionovedenie. Turizm* [V.N. Karazin Kharkiv National University Bulletin. Series «International Relations. Economics. Area Studies. Tourism»]. No. 1086, iss. 2, pp. 74–77.
- Yudin, E.G. (1978). *Sistemnyi podhod i printsip deyatel'nosti: metodologicheskie problem sovremennoy nauki* [System approach and principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka Publ., 391 p.
- Yurevich, A.V. (2014). *Psichologiya sotsial'nykh yavleniy* [Psychology of social phenomena]. Moscow, IP RAS Publ., 470 p.
- Zhuravlev, A.L., Yurevich, A.V. (2009). *Makropsikhologiya sovremennoogo rossiyskogo obshchestva* [Macropsychology of the contemporary Russian society]. Moscow, IP RAS Publ., 352 p.

Received 19.03.2018

Об авторе

Лебедев Александр Николаевич

доктор психологических наук

ведущий научный сотрудник,
Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;

профессор кафедры социальной психологии,
Московский институт психоанализа,
121170, Москва, Кутузовский пр., 34/14;

e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1030-9709

About the author

Aleksander N. Lebedev

Doctor of Psychology

Leading Researcher,
Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia;

Professor of the Department of Social Psychology,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
34/14, Kutuzovskiy av., Moscow, 121170, Russia;
e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1030-9709

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лебедев А.Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 243–251.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-243-251

For citation:

Lebedev A.N. The psychological state of Russian society in the light of macro-psychological approach // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 243–251. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-243-251

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-252-263

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В РАМКАХ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА^{*}

Калугин Алексей Юрьевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

В статье рассматриваются основные системные идеи, представленные в теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина: иерархичность, каузальная иteleологическая детерминация, однозначные и полиморфные связи, системообразующий фактор и индивидуальный стиль деятельности; развитие этих идей в работах учеников и последователей В.С. Мерлина. Обсуждаются перспективы развития теории интегральной индивидуальности: 1) методологические, изложенные теоретиками Пермской психологической школы, и 2) методические. В методологической части раскрываются идеи последнего времени: многокачественности и полисистемного подхода, общности и интеграции, полиморфизма и изомерии. Методический аспект проиллюстрирован рядом современных математико-статистических методов, которые расширяют возможности изучения интегральной индивидуальности: моделирование структурными уравнениями, канонический корреляционный анализ, многомерное шкалирование, анализ сетей (графов), деревья решений и нейронные сети. Для демонстрации указанных методов использовались данные, полученные на выборке, состоящей из 287 студентов, по двум методикам, отражающим два уровня интегральной индивидуальности — психодинамический и личностный: FCB-TI (формальные характеристики поведения) Я. Стреляу и «Большая пятерка» в адаптации А.Б. Хромова. Особое внимание уделено «метааналитическому подходу», требующему от ученых максимально полного приведения результатов исследования.

Ключевые слова: теория интегральной индивидуальности, системный подход, пермская психологическая школа.

HISTORY AND PROSPECTS OF STUDYING INTEGRAL INDIVIDUALITY WITHIN THE SYSTEM APPROACH

Aleksey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article considers the main system ideas of V.S. Merlin's theory of integral individuality: the hierarchical nature, causal and teleological determination, single-valued and polymorphic relations, system-forming factor and individual style of activity. These ideas were further developed in works of V.S. Merlin's followers and scholars. The prospects of integral individuality theory are discussed: 1) in aspect of general methodology, stated by theorists of Perm psychological school of thought, and 2) in aspect of some concrete mathematical and statistical methods. Within of framework of the first aspect, the author reviews ideas of recent research: multi-quality and polysystem approach, commonality and integration, polymorphism and isomerism. The second aspect is presented by a number of modern mathematical and statistical methods, which expand the possibilities of studying the integral individuality: structural equation modeling, canonical correlation analysis, multidimensional scaling, network analysis, decision trees and neural networks. To demonstrate these methods, the author used data received from a sample of 287 students. Two levels of the integral individuality — psychodynamic and personal — were reflected by two inventories used for data collection: FCB-TI (The Formal Characteristics of Behaviour — Temperament Inventory) by J. Strelau and the «Big Five» in the adaptation of

^{*} Статья подготовлена на основе доклада «Вклад В.С. Мерлина в развитие системных идей в психологии», прочитанного на научной сессии Института психологии ПГПУ 21 февраля 2018 г.

A.B. Khromov. Special attention is paid to the discussion of the «meta-analytical approach», which requires scientists to publish full results of the study.

Keywords: the theory of integral individuality, system approach, Perm psychological school of thought.

По утверждению А.В. Карпова, системный подход в ходе своего исторического развития переживал как взлеты, так и падения [Карпов А.В., 2011]. Формулирование идей интегрального исследования индивидуальности В.С. Мерлиным совпало с периодом расцвета идей системности. В то время Б.Ф. Ломов пишет свою знаменитую статью «О системном подходе в психологии» [Ломов Б.Ф., 1975], Л. фон Берталанфи продвигает идеи общей теории систем [Bertalanffy L. von., 1968], П.К. Анохин обсуждает методологические основания теории функциональных систем [Анохин П.К., 1978], в кибернетике и информатике активно исследуются возможности системности. Таким образом, В.С. Мерлин был погружен в бурлящую среду обсуждения системных идей, причем обсуждения, не ограниченного только рамками психологии и выходящего за пределы отечественной науки. На этом фоне выдвинутые им идеи выглядят вполне закономерными и соответствующими времени, более того, новаторскими, т.к. они открывали новые возможности применения системного подхода в исследовании психологии человека.

Рассмотрим некоторые из этих системных идей.

Идея иерархичности интегральной индивидуальности. В.С. Мерлин предложил рассматривать индивидуальность как совокупность разноуровневых свойств, начиная с биохимического и заканчивая социально-историческим уровнем. Идея иерархии в психологии не нова, нечто схожее предлагали Б.Г. Ананьев (индивидуид – субъект – личность – индивидуальность), К.К. Платонов (биopsихические свойства – особенности психических процессов – опыт – направленность личности) и др. Но именно В.С. Мерлину удалось операционализировать предложенную им иерархию интегральной индивидуальности (ИИ), что перевело его теорию из чисто умозрительной в эмпириическую плоскость, т.е. теория стала доступна для верификации.

Идея однозначных и полиморфных связей.

Операционализация теории интегральной индивидуальности стала возможной благодаря идеи однозначных и много-многозначных связей. Сам В.С. Мерлин неоднократно указывал, что позаимствовал данные термины у кибернетиков, математиков и апологетов теории систем: Н. Бурбаки,

Л. фон Берталанфи, У.Р. Эшби, В.С. Тюхтина [Мерлин В.С., 1986]. Однако ему удалось перевести их из математической абстракции в исследовательскую практику. Позволим себе процитировать В.С. Мерлина по поводу этих двух типов связей:

«Много-многозначная связь заключается в том, что каждая переменная множества А связана с несколькими переменными множества В, а каждая переменная множества В связана с несколькими переменными множества А.

Явления одного и того же иерархического уровня связаны однозначными связями. Свообразие однозначных связей в том, что в каком-либо из сопоставляемых множеств А и В всегда имеется один элемент, с которым связаны элементы другого множества. Существуют несколько разновидностей однозначных связей: взаимно-однозначная, когда переменная а связана только с переменной b, переменная b – только с переменной а; одно-многозначная, когда одна переменная множества А связана с несколькими переменными множества В; много-однозначная, когда одна переменная множества В связана с несколькими переменными множества А» [Мерлин В.С., 1980, с. 61].

Схематично связи представлены на рис. 1.

В.С. Мерлин выделяет два типа детерминации: каузальный и телесловесный. Много-многозначная связь детерминирована телесловесно, а однозначная – каузально. Каузальный тип детерминации дифференцирует индивидуальность, а телесловесный – интегрирует.

Отметим также, что если однозначная связь может свидетельствовать о принадлежности свойств к одному уровню, то наличие много-многозначной связи не говорит о разноуровневости свойств: «Однако имеются случаи и много-многозначной связи между некоторыми показателями, отнесенными нами к одному и тому же уровню. Следовательно, многомногозначная связь только тогда является признаком разноуровневости свойств, когда отсутствуют однозначные связи» [Мерлин В.С., 1980, с. 62].

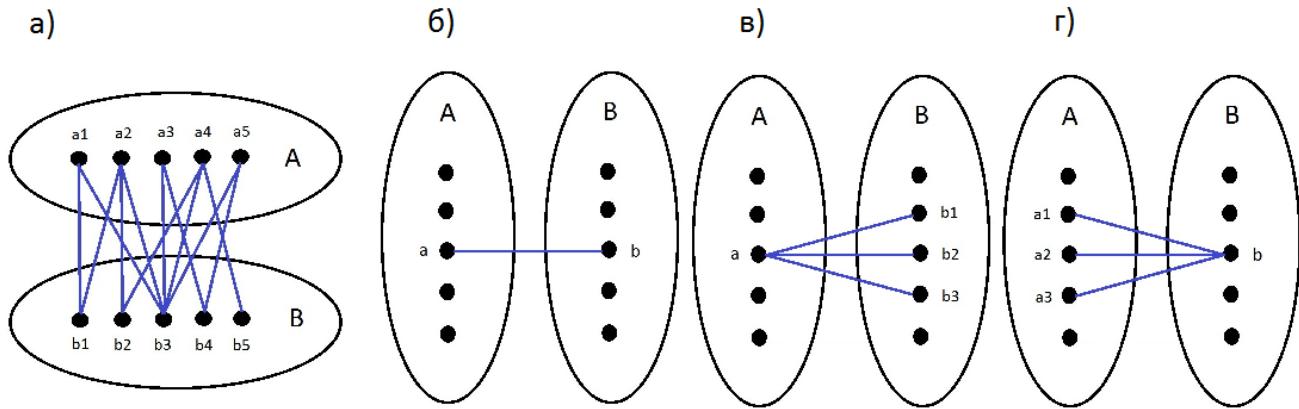

Рис. 1. Типы связей свойств в интегральной индивидуальности:

- а) много-многозначная (полиморфная) связь; б) взаимно-однозначная; в) одно-многозначная; г) много-однозначная связь

Системообразующий фактор и индивидуальный стиль деятельности. П.К. Анохин активно критиковал системные идеи Л. фон Берталанфи за отсутствие в них системообразующего фактора [Анохин П.К., 1978]. Этот недостаток был преодолен в теории В.С. Мерлина: системообразующий фактор назван одним из ключевых механизмов интеграции индивидуальности.

В.С. Мерлин считал, что посредником в выстраивании межуровневых связей выступает индивидуальный стиль деятельности. Позднее было доказано, что, помимо индивидуального стиля деятельности, такими посредниками могут быть индивидуальные стили активности и общения [Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2013]. Развитие теории стиля в рамках системного подхода привело к пониманию того, что целостная характеристика стиля строится на основе выделения трех полисистем:

- 1) стиль деятельности — интегральная индивидуальность,
- 2) стиль деятельности — внешние условия и требования деятельности,
- 3) интегральная индивидуальность — внешние условия и требования деятельности [Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2013, с. 9].

Таким образом, дело В.С. Мерлина было продолжено его учениками и последователями. Регулярно проводились конференции, посвященные системному исследованию индивидуальности [см. напр.: Системное исследование..., 1991]. Активно обсуждена новая проблематика — системные исследования активности человека.

Дальнейшие интегральные исследования индивидуальности показали, что большую роль в ее

развитии играет полисистемность. Внимательному изучению подверглись как интраперсональность, так и метаиндивидуальность. Переход от интегрального к полисистемному исследованию потребовал качественно иного подхода, прежде всего интегральная индивидуальность должна была рассматриваться в контексте иных систем, в которые она включена: интегральная индивидуальность и другая интегральная индивидуальность, ИИ — окружающий мир, ИИ — социальная среда, ИИ — индивидуальный стиль, ИИ — профессиональные способности и т.д. [Полисистемное исследование..., 2005].

В рамках обсуждаемого вопроса важно отметить перспективы развития теории ИИ и основных системных идей В.С. Мерлина. Здесь мы во многом будем опираться на работы Б.А. Вяткина и Л.Я. Дорфмана 2016–2017 гг.

- **Многокачественность и полисистемный подход.** Согласно принципу двойственности качественной определенности В.П. Кузьмина, любое явление можно рассмотреть в разных системах координат: например, в моносистемной и в полисистемной форме. «Полисистемное знание является многофокусным, многоуровневым, многомерным, полидетерминантным» [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2017, с. 153]. Интегральная индивидуальность в полной мере отражает данный принцип, однако в плане эмпирического изучения вопрос многомерности еще не до конца разрешен.
- **Общность и интеграция.** С этим связано два понимания общего: 1) общее как име-

ющее меньшее количество свойств, но большую емкость; 2) общее как имеющее больший объем, но более бедное содержание. Вероятно, в случае с ИИ мы имеем дело со вторым определением общего, т.е. вариативность межуровневых свойств будет больше, чем вариативность между свойствами одного уровня [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2016, с. 12–13]. По критерию вариативности в рамках одного уровня могут быть обнаружены свойства, выполняющие разные задачи в ИИ: одни свойства будут дифференцировать уровни и отражать их специфику, а другие — интегрировать, находясь на пересечении уровней. Ряд попыток изучения этого явления был предпринят [Дорфман Л.Я., 2016; Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2016; Дорфман Л.Я., Лядов В.Н., 2015], однако требуются дополнительные исследования.

- **Полиморфизм и изомерия.** «Изомерия — это одна из разновидностей полиморфизма. Суть изомерии заключается в том, что один и тот же состав компонентов может служить основой разных явлений — в зависимости от того, как компоненты взаимосвязаны» [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2017, с. 155]. Иными словами, «в рамках феномена изомерии можно полагать, что существует не одна, а несколько конфигураций одних и тех же общих (межуровневых) свойств» [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2016, с. 15].

Помимо методологической проблемы, рассмотренной нами выше, важно рассмотреть и методическую составляющую системных исследований. Отметим некоторые математико-статистические возможности для исследования индивидуальности в рамках системного подхода.

Для демонстрации приводимых далее методов использованы данные, полученные нами на 287 респондентах — студентах пермских ССУЗов и ВУЗов в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 21,51$; $SD = 2,22$), из них 181 девушка и 106 юношей.

Рассмотрены два уровня ИИ: 1) психодинамический, представленный свойствами темперамента методики FCB-TI (формальные характеристики поведения) Я. Стреляя [Стреляя Я. и др., 2009], и 2) личностный, представленный чертами «Большой пятерки» в адаптации А.Б. Хромова [Хромов А.Б., 2000].

Статистическая обработка и визуализация осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics 22 и дополнения IBM SPSS AMOS 22, а также с использованием ряда статистических пакетов, реализованных на языке R: CCA, rgl, psych, igraph, gpart, gpart.plot, neuralnet и NeuralNetTools.

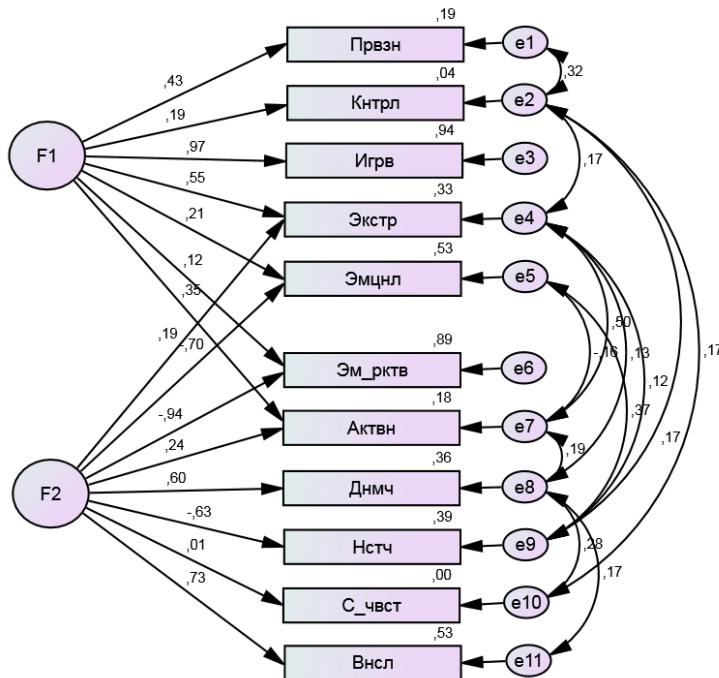
Традиционно в пермской психологической школе при изучении разноуровневых свойств ИИ широко используются корреляционный и факторный анализы, однако в последнее время появились новые методы анализа данных, которые могут помочь в изучении полиморфных связей и изомерии. Отметим сразу, что предлагаемые ниже модели носят упрощенный характер и призваны продемонстрировать возможности математического аппарата, они не являются законченными исследованиями, что-либо доказывающими.

Моделирование структурными уравнениями (structural equation modeling, SEM) представляется одним из перспективных методов исследования межуровневых взаимоотношений в интегральной индивидуальности. Определенные успехи в изучении полиморфных связей с помощью SEM уже достигнуты [Дорфман Л.Я., 2016; Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2016; Дорфман Л.Я., Лядов В.Н., 2015]. Пример такого моделирования представлен на рис. 2.

На рис. 2 видно, что «эмоциональность», одна из черт «Большой пятерки», больше тяготеет к фактору темпераментальных свойств, чем к личностным характеристикам, в то же время «активность» больше детерминирована фактором F1, нежели F2. Наибольший вес в F1 имеет «игровость», в F2 — «эмоциональная реактивность». «Сенсорная чувствительность» слабо связана с фактором, включающим свойства темперамента.

Исследование взаимосвязи разноуровневых свойств может быть проведено с помощью **канонического корреляционного анализа**, поскольку этот анализ позволяет изучить взаимосвязь между двумя множествами! Свою апробацию в рамках идеологии интегрального исследования индивидуальности он прошел в исследовании А.Ю. Попова [Попов А.Ю., 2010].

Другой статистический метод — **многомерное шкалирование** — позволяет визуализировать пространственные отношения между разноуровневыми свойствами ИИ, в том числе в трехмерном представлении.

$\chi^2 = 31,308$; $df = 28$; $p = ,304$; $\chi^2/df = 1,118$; $GFI = ,981$; $AGFI = ,955$; $CFI = ,997$; $RMSEA = ,020$

Рис. 2. Моделирование структурными уравнениями

Примечание:

черты личности: Првзн — привязанность, Кнтрл — контролирование, Игров — игривость, Экстр — экстраверсия, Эмцил — эмоциональность;

свойства темперамента: Эм_рктв — эмоциональная реактивность, Актвн — активность, Днмч — динамичность, Нстч — настойчивость, С_чвст — сенсорная чувствительность, Внсл — выносливость

Анализ сетей (графов) мог бы заменить традиционные корреляционные плеяды, тем более что он позволяет, используя некоторые алгоритмы, определить пространственные соотношения свойств (рис. 3).

На рис. 3. представлен корреляционный график, где толщина линий отражает выраженность коэффициента корреляции; прямая и пунктирная линии — направленность взаимосвязи; размер вершин графа — количество значимых взаимосвязей; цвет вершин — принадлежность психодинамическому, либо личностному уровню ИИ. При этом данный график — полноценная статистическая модель, с которой можно производить различные манипуляции, например, использовать один из силовых алгоритмов размещения — алгоритм Фрюхтермана–Рейнгольда (рис. 4).

Здесь сила связей отражена не только в толщине линий, но и в расстоянии между свойствами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «эмоциональность» тесно связана с блоком темпе-

раментальных свойств: «эмоциональной реактивностью», «настойчивостью», «выносливостью» и «динамичностью»; с личностными же чертами эмоциональность имеет более слабые связи. В свою очередь «экстраверсия», «игровость», «привязанность» и «контролирование» создают свой блок тесно связанных свойств. «Активность» имеет многочисленные взаимосвязи как со свойствами темперамента, так и с личностными чертами, занимая промежуточное положение между ними (по силе связи данное свойство скорее относится к личности, чем к темпераменту). «Сенсорная чувствительность» равнодушна как от черт личности, так и от свойств темперамента; возможно, это свидетельствует о принадлежности данного свойства другому уровню ИИ: в частности, ряд исследователей указывают на высокую связь данной характеристики со свойствами нервной системы [Zawadzki B., Strelau J., 2010].

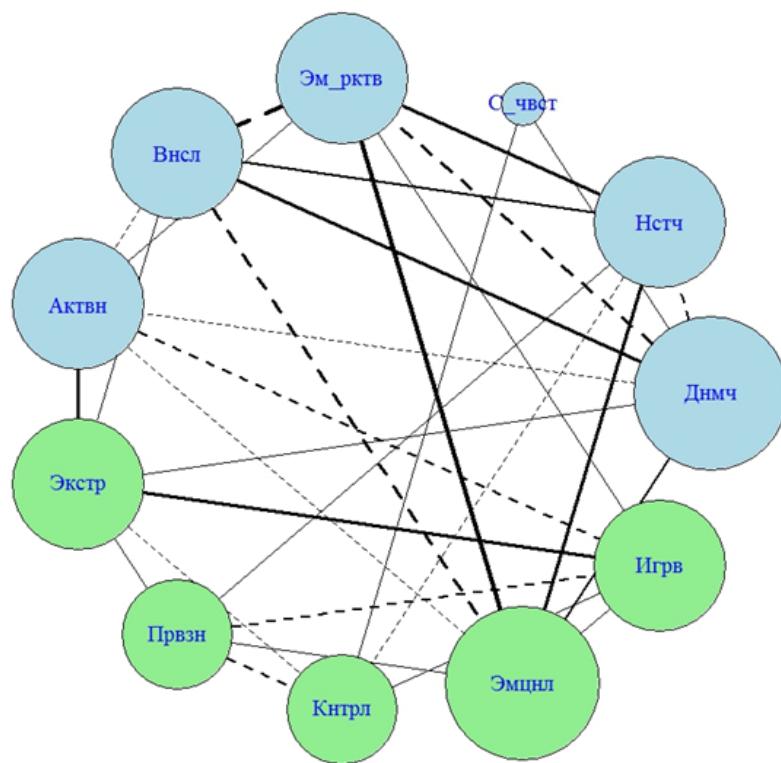

Рис. 3. Корреляционный граф

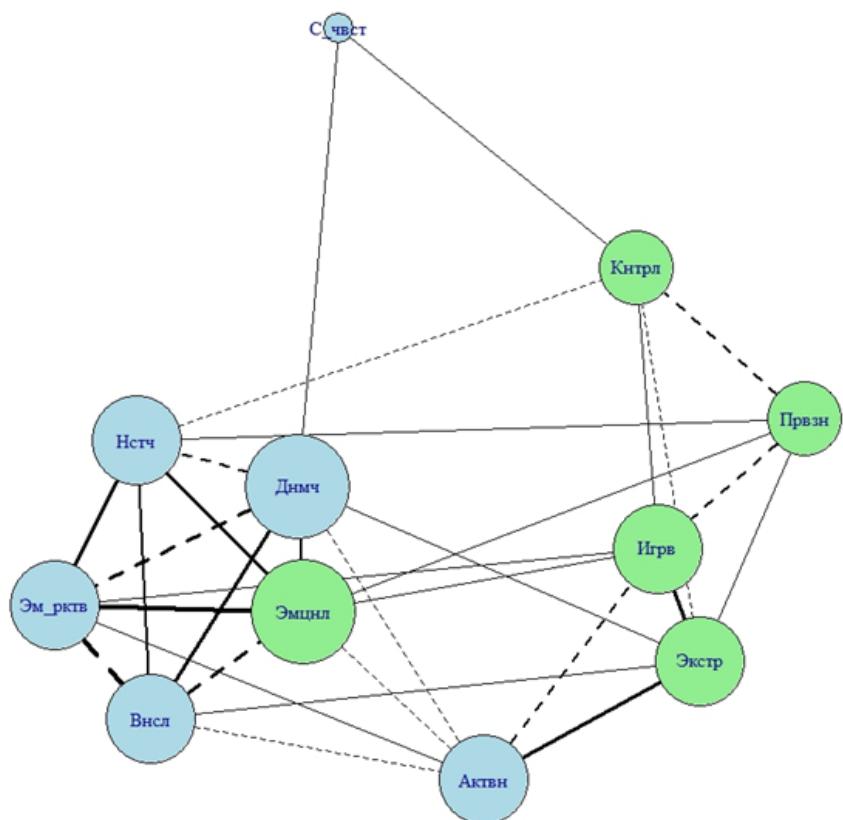

Рис. 4. Корреляционный граф с применением алгоритма Фрюхтермана–Рейнгольда

Отдельно следует рассмотреть возможности исследования стилевых характеристик ИИ. В этой части обратимся к математическим методам, имитирующим работу мозга, а учитывая, что большинство уровней ИИ так или иначе имеют нейронное представительство, эти методы имеют большой эвристический потенциал.

Часто стиль определяется с помощью факторного анализа [Исмагилова А.Г., 2003; Васюра С.А., 2013, и др.] или используется кластерный анализ: например, при изучении стиля реагирования на болезнь М.И. Баженовой и М.Р. Щукиным были выделены «адаптивный» и «дезадаптивный» стили [Баженова М.И., Щукин М.Р., 2011]. Предварительное выделение стиля иными методами

необходимо для его дальнейшего использования в рассматриваемых далее анализах.

Деревья решений. Регрессионные и классификационные деревья решений позволяют задать на выход тот или иной стиль и определить наиболее значимые предикторы стиля, которыми выступают разноуровневые свойства индивидуальности. В нашем наборе данных нет сведений о стиле, поэтому рассмотрен пример на основе половой дифференциации, который в полной мере отражает механизм построения дерева решений (рис. 5). Отметим также, что проблематика пола и гендеря имеет богатую историю в пермской психологической школе и даже нашла отражение в монографии 2008 г. [Пол и Gender..., 2008].

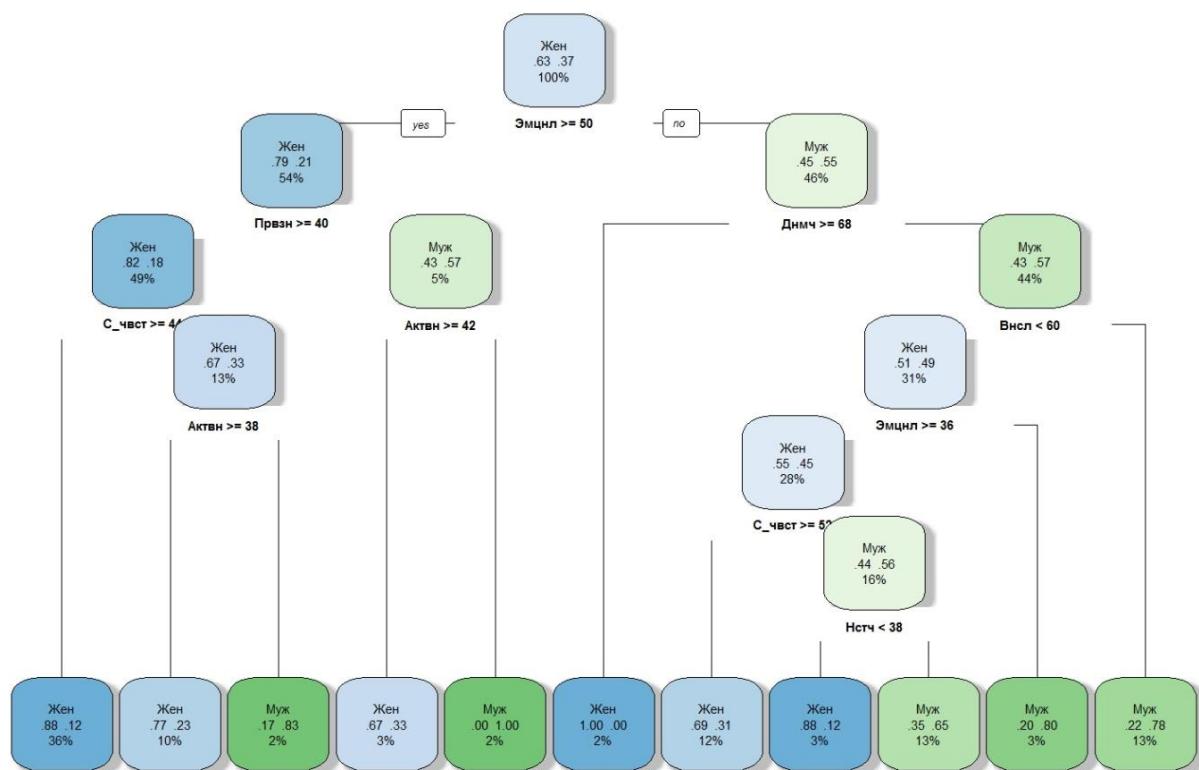

Рис. 5. Дерево решений

О чем говорит нам это дерево решений? «Эмоциональность» может иметь различные связи у юношей и девушек с другим разноуровневыми свойствами индивидуальности, однако при рассмотрении дерева становится очевидно, что это ведущая характеристика, дифференцирующая пол. Экстраполируя этот механизм на изучение стилевых характеристик, можно предположить

обнаружение свойств, играющих ключевую роль в дифференциации стилей.

Нейронные сети. Особый интерес для интегрального исследования индивидуальности представляют нейронные сети. На рис. 6 представлена архитектура нейронной сети, имеющая три слоя: входной, скрытый и выходной. На скрытом слое присутствуют два искусственных нейрона, кото-

рые обрабатывают информацию, поступающую от входных нейронов, а затем передают ее в выходной слой. Хотя весовые коэффициенты связей между нейронами задаются случайным образом, но по мере обучения сети они приобретают все большую осмысленность. В определенной степени скрытые нейроны можно считать факторами, обобщающими первичные данные. Однако в отличие от факторного анализа связи могут быть нелинейными (в данном случае в качестве активационной функции использована логистическая). Обратим также внимание на то, что нейроны входного слоя не связаны друг с другом напрямую, а связаны опосредованно, через скрытые нейроны (некие системообразующие факторы). Важно и то, что одни и те же входные параметры с разными выходными условиями приводят к совершенно разной конфигурации системы.

На рис. 7 толщина связи характеризует выраженнуюность весов, а цвет — направленность (черный — положительный вес, синий — отрицательный). Даже такая простая сеть предсказывает пол с точностью 73,6 % для тестовой выборки!

График Д. Олдена [Olden J.D. et al., 2004] позволяет визуализировать значимость предикторов (рис. 7).

На графике видно, что ключевыми характеристиками, отличающими юношей от девушек, являются: эмоциональность, сенсорная чувствительность и привязанность — что согласуется с полученными нами результатами для дерева решений.

Помимо указанных возможностей математического аппарата для изучения ИИ имеется и серьезная проблема, связанная с интегральными исследованиями индивидуальности. Современная наука переходит на новый уровень тестирования гипотез, в котором единичное исследование встает в ряд множества других исследований, также рассматривающих данную проблему. Речь идет о так называемом «метааналитическом подходе» [Корнеев А.А. и др., 2016; Корнилов С.А., Корнилова Т.В., 2013; Корнилова Т.В., 2010; Cumming G., 2012; Kline R.B., 2013, и др.]. Метаанализ требует указания в работах целого ряда параметров, например, точный, а не округленный уровень значимости, приведение величины эффекта, описательных статистик. В рамках теории ИИ проведено значительное количество серьезных исследований и крайне важно использовать их для обобщения и постижения научной истины. Поэтому важно наиболее полно представлять полученные результаты, чтобы иметь возможность для дальнейшей работы с ними и возможности последующей репликации исследований.

В данной статье нам хотелось осветить историю развития системных идей в теории интегральной индивидуальности, указать на перспективы развития теории, намеченные методологиями пермской психологической школы, а также на ряд методических моментов, связанных с исследованием разноуровневых свойств индивидуальности.

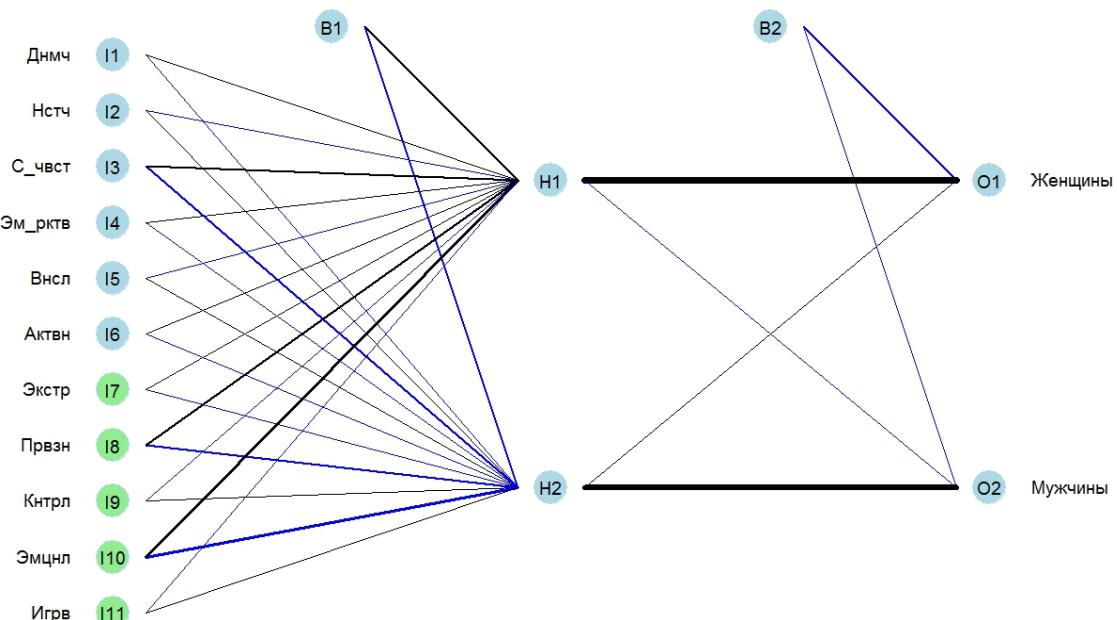

Рис. 6. Нейронные сети

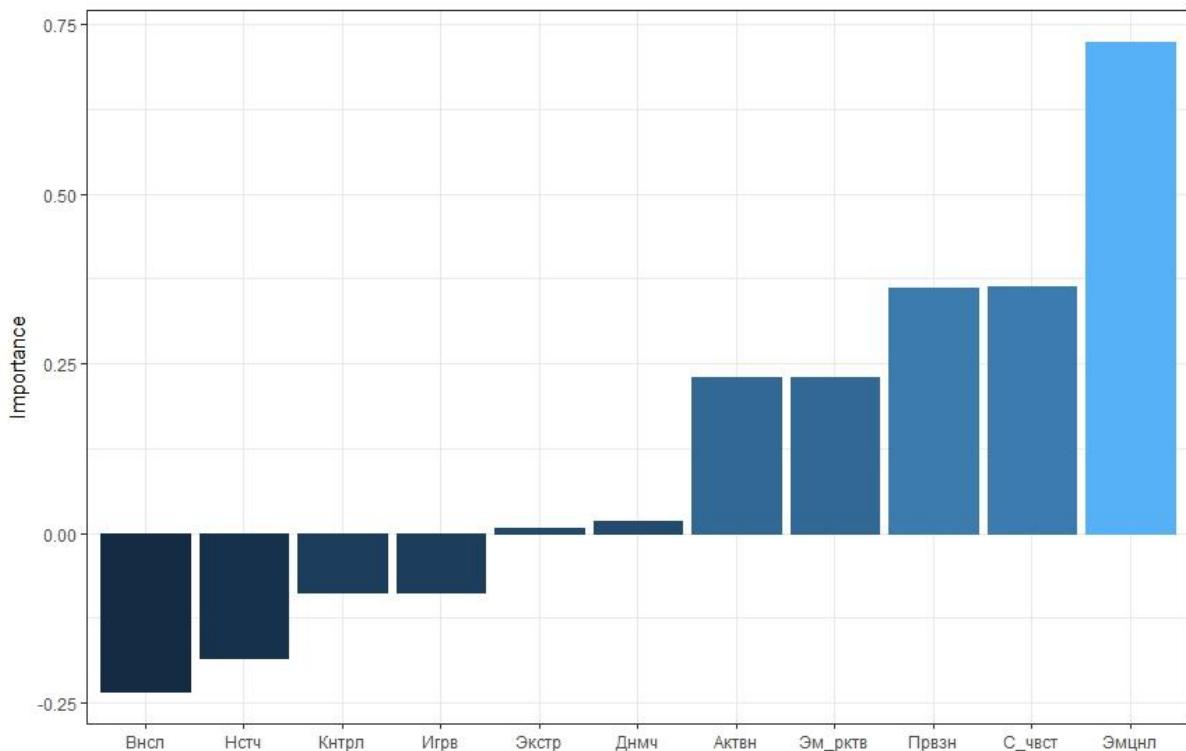

Рис. 7. Значимость предикторов по Д. Олдену

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день заданы некоторые векторы системного исследования индивидуальности. Работы в рамках новых направлений активно ведутся и полученные результаты могут обогатить не только теорию ИИ, но и науку в целом, т.к. приближают нас к пониманию человека, являющегося частью полисистемного пространства.

Список литературы

Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 399 с.

Баженова М.И., Щукин М.Р. Стиль реагирования на болезнь в структуре интегральной индивидуальности хронических соматических больных // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин. М.: Смысл, 2011. С. 202–212.

Васюра С.А. Стили коммуникативной активности // Психология стилей человека: хрестоматия / сост. Б.А. Вяткин, М.Р. Щукин. Пермь: Книжный мир, 2013. С. 435–442.

Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. Теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 2. С. 145–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-145-160.

Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. Новые горизонты теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании / Перм. гос. гум.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 11–17.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Психология стилей человека. Пермь: Книжный мир, 2013. 128 с.

Дорфман Л.Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 1. С. 98–136.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Общие и дискриминантные переменные Я-концепции // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2016. № 1. С. 51–68.

Дорфман Л.Я., Лядов В.Н. Метаиндивидуальная модель дисциплинированности (на материале исследования курсантов военного вуза МВД) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 17–28.

Исмагилова А.Г. Психология стиля педагогического общения: Полисистемное исследование / Перм. гос. гум.-пед. ун-т. Пермь, 2003. 272 с.

Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1088 с.

Корнеев А.А., Рассказова Е.И., Кричевец А.Н., Койфман А.Я. Критика методологии проверки нулевой гипотезы: ограничения и возможные пути выхода. Ч. II // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1282-korneev47.html> (дата обращения: 11.03.2018).

Корнилов С.А., Корнилова Т.В. Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 6. С. 5–17.

Корнилова Т.В. Основные тренды в развитии методов психологических исследований // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 42–46.

Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.

Мерлин В.С. Очерк теории интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Мерлин В.С. Проблемы интегрального исследования индивидуальности человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 1. С. 58–71.

Пол и Gender в интегральном исследовании индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. Пермь, 2008. 384 с.

Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. 384 с.

Попов А.Ю. Активность субъекта жизни: структура и функции в интегральной индивидуальности (на примере студентов вуза): дис. канд. психол. наук. Пермь, 2010. 197 с.

Системное исследование индивидуальности / под ред. Б.А. Вяткина; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 1991. 220 с.

Стреляю Я., Митина О., Завадский Б., Бабаев Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М.: Смысл, 2009. 104 с.

Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. 23 с.

Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: George Braziller Inc., 1968. 289 p.

Cumming G. Understanding the New Statistics: Effect Sizes, Confidence Intervals, and Meta-Analysis. N.Y.: Routledge, 2012. 519 p.

Kline R.B. Beyond Significance Testing: Statistics Reform in the Behavioral Sciences. Washington: American Psychological Association, 2013. 350 p.

Olden J.D., Joy M.K., Death R.G. An accurate comparison of methods for quantifying variable importance in artificial neural networks using simulated data // Ecological Modelling. 2004. Vol. 178, no. 3. P. 389–397.

Zawadzki B., Strelau J. Structure of personality: Search for a general factor viewed from a temperament perspective // Personality and Individual Differences. 2010. Vol. 49, no. 2. P. 77–82.

Получено 12.03.2018

References

Anokhin, P.K. (1978). *Filosofskie aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Philosophical Aspects of the Functional System Theory]. Moscow, Nauka Publ., 399 p.

Bazhenova, M.I., Schukin, M.R. (2011). *Stil' reagirovaniya na bolezni v strukture integral'noy individual'nosti khronicheskikh somaticeskikh bolnykh* [The Style of Response to the Disease in the Structure of Chronic Somatic Patients Integral Individuality]. *Psikhologiya integralnoy individualnosti: Permskaya shkola / sost. B.A. Vyatkin, L.Ya. Dorfman* [Psychology of Integral Individuality: Perm School, ed. by B.A. Vyatkin, L.Ya. Dorfman]. Moscow, Smysl, pp. 202–212.

Bertalanffy, L. von. (1968). *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York, George Braziller Inc., 289 p.

Cumming, G. (2012). *Understanding The New Statistics: Effect Sizes, Confidence Intervals, and Meta-Analysis*. New York, Routledge, 519 p.

Dorfman, L.Ya. (2016). *Kauzal'nyy pluralizm i kholizm v kontseptsii metaindividual'nogo mira* [The Causal Pluralism and Holism in the Meta-Individual World Theory]. *Psikhologiya. Zurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 13, no. 1, pp. 98–136.

Dorfman, L.Ya., Kalugin, A.Yu. (2016). *Obschie i diskriminantnye peremennye Ya-kontseptsii* [Common and discriminant variables of self-conception]. *Integrativnaya perspektiva v gumanitarnykh naukakh* [Integrative Perspective in Humanities]. № 1, pp. 51–68.

Dorfman, L.Ya., Lyadov, V.N. (2015). *Metaindividual'naya model' distsiplinirovannosti (na materiale issledovaniya kursantov voennogo vuza MVD)* [The meta-individual model of discipline (based on cadets at the military university of the Russian Internal Troops)]. *Vestnik Yuzno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Psychology】]. Vol. 8, no. 1, pp. 17–28.

Ismagilova, A.G. (2003). *Psikhologiya stilya pedagogicheskogo obscheniya: Polisistemnoe issledovanie* [Psychology of the Pedagogical Communication Style: A Polysystemic Study]. Perm, PSPU Publ., 272 p.

Karpov, A.V. (2011). *Psikhologiya soznaniya: Metasistemnyy podkhod* [Psychology of Consciousness: A Metasystemic Approach]. Perm, PSPU Publ., 272 p.

- The Metasystem Approach]. Moscow, RAO Publ., 1088 p.
- Khromov, A.B. (2000). *Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti* [Five-Factor Personality Questionnaire]. Kurgan, KGU Publ., 23 p.
- Kline, R.B. (2013). *Beyond Significance Testing: Statistics Reform in the Behavioral Sciences*. Washington, American Psychological Association, 350 p.
- Korneev, A.A., Rasskazova, E.I., Krichevets, A.N., Koyfman, A.Ya. (2016). *Kritika metodologii proverki nulevoy gipotezy: ograniceniya i vozmozhnye puti vykhoda. Ch. II* [Criticism of Null Hypothesis Significance Testing: Limitations and Possible Ways Out. Pt. II]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 9, iss. 47, pp. 6. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n47/1282-korneev47.html> (accessed 11.03.2018).
- Kornilov, S.A., Kornilova, T.V. (2010). *Meta-analytical studies in psychology v psikhologii* [Meta-analytical studies in psychology]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 31, no. 6, pp. 5–17.
- Kornilova, T.V. (2010). *Osnovnye trendy v razvitiu metodov psikhologicheskikh issledovaniy* [The Main Trends in the Development of Psychological Research Methods]. *Eksperimentalnaya psichologiya v Rossii: traditsii i perspektivy / pod red. V.A. Barabanschikova* [Experimental Psychology in Russia: Traditions and Perspectives, ed. by V.A. Barabanschikov]. Moscow, IP RAS Publ., pp. 42–46.
- Lomov, B.F. (1975). *O sistemnom podkhode v psichologii* [The systemic approach in psychology]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 2, pp. 31–45.
- Merlin, V.S. (1986). *Ocherk teorii integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Outline of the Theory of Individuality Integral Research]. Moscow, Pedagogika Publ., 256 p.
- Merlin, V.S. (1980). *Problemy integral'nogo issledovaniya individualnosti cheloveka* [Problems of Human Individuality Integral Research]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 1, no. 1, pp. 58–71.
- Olden, J.D., Joy, M.K., Death, R.G. (2004). An accurate comparison of methods for quantifying variable importance in artificial neural networks using simulated data. *Ecological Modelling*. Vol. 178, no. 3, pp. 389–397.
- Popov, A.Yu. (2010). *Aktivnost' sub'ekta zhizni: struktura i funktsii v integral'noy individual'nosti (na primere studentov vuza): dis. ... kand. psikhol. nauk* [Activity of the Life Subject: Structure and Functions in the Integral Individuality (by the Example of University Students): dissertation]. Perm, 197 p.
- Strel'yau, Ya., Mitina, O., Zavadskiy, B., Babayeva, Yu., Menchuk, T. (2009). *Metodika diagnostiki temperamenta (formal'no-dinamicheskikh kharakteristik povedeniya)* [Methods of Temperament Diagnostics (Formal-Dynamic Characteristics of Behavior)]. Moscow, Smysl, 104 p.
- Vasyura, S.A., (2013). *Stili kommunikativnoy aktivnosti* [Styles of Communicative Activity] *Psichologiya stiley cheloveka: khrestomatiya / sost. B.A. Vyatkin, M.R. Schukin* [Psychology of Human Styles: Chrestomathy, ed. by B.A. Vyatkin, M.R. Schukin]. Perm, Knizhnyy mir Publ., pp. 435–442.
- Vyatkin, B.A. (ed.) (2008). *Pol i Gender v integral'nom issledovanii individual'nosti cheloveka* [Sex and Gender in the Integral Study of Human Individuality]. Perm, 384 p.
- Vyatkin, B.A. (ed.) (2005). *Polisistemnoe issledovanie individual'nosti cheloveka* [Polysystem Research of Human Individuality]. Moscow, PER SE, 384 p.
- Vyatkin, B.A. (ed.) (1991). *Sistemnoe issledovanie individual'nosti* [Systematic Study of Individuality]. Perm, PSPI Publ., 220 p.
- Vyatkin, B.A., Dorfman, L.Ya. (2017). *Teoriya integralnoy individualnosti V.S. Merlini: istoriya i sovremennost'* [Theory of Integral Individuality by V.S. Merlin: History and Nowadays]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal]. Vol. 19, no. 2, pp. 145–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-145-160.
- Vyatkin, B.A., Dorfman, L.Ya. (2016). *Novye goryzonty teorii integralnoy individualnosti V.S. Merlini* [New horizons of the V.S. Merlin theory of integral individuality]. *XXXI Merlin'skie chteniya: Teoriya, metodologiya i praktika integral'nogo issledovaniya individualnosti v sovremennom chelovekoznanii* [XXXI Merlin Readings: Theory, Methodology and Practice of Integral Study of Individuality in Modern Human Consciousness]. Perm, PSPU Publ., pp. 11–17.
- Vyatkin, B.A., Schukin, M.R. (2013). *Psichologiya stiley cheloveka* [Psychology of Human Styles]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 128 p.
- Zawadzki, B., Strelau, J. (2010). Structure of personality: Search for a general factor viewed from a temperament perspective. *Personality and Individual Differences*. Vol. 49, no. 2, pp. 77–82.

Received 12.03.2018

Об авторе

Калугин Алексей Юрьевич
кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3633-2926

About the author

Aleksey Yu. Kalugin
Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3633-2926

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Kalugin A.YO. История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 252–263.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-252-263

For citation:

Kalugin A.Yu. History and prospects of studying integral individuality within the system approach // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 252–263. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-252-263

УДК 165.62:159.9.016

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-264-270

**ТЕМА КОММУНИКАЦИИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ПСИХИАТРИИ, ПСИХОТЕРАПИИ И ПСИХОЛОГИИ^{*}**

Власова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена коммуникативным концептам экзистенциально-феноменологической традиции. Прослеживаются особенности их трансформации от философии к психиатрии, психотерапии и психологии. Анализируются философская теория коммуникации и коммуникативная методология экзистенциальной психотерапии и психологии.

Автор исходит из положения о том, что теория коммуникация консультативной психологии и психотерапии приходит из философии и включает методологическую опору, онтологический и гносеологический пласты, теорию человека. Движущие принципы — принципы феноменологии, которые переносятся в практическую область общения и становятся принципами не исследования, а коммуникации: ориентация на человека и его непосредственный опыт; обращение к конкретности существования; уход от стереотипов и теорий, редукция до переживания; внимание к отношениям человека с другими людьми (бытие-с) и его проживанию в-мире; акцентирование темпоральности как в терапевтической ситуации, так и в жизни в целом.

Коммуникативная теория экзистенциально-феноменологической психиатрии опирается на коммуникативную методологию, а коммуникативная практика дополняет теорию. В экзистенциально-феноменологической практике помочь человеку выздороветь — значит помочь ему наладить общение с миром предметов и другими людьми. Используемые в теории и практике коммуникативные концепты обозначают не характеристики взаимодействия, а составляющие метода. Они более эклектичны по сравнению с онтологическими или антропологическими и в большей мере отсылают нас к методологии и антропологии. При этом недирективность традиции способствует а-концептуальности: сам больной, его ситуация и его проблема становятся направляющими в терапевтическом пути.

Ключевые слова: экзистенциально-феноменологическая традиция, коммуникация, диалог, психиатрия, психотерапия, психология, эмпатия, понимание.

**THE THEME OF COMMUNICATION AND COMMUNICATIVE
CONCEPTS OF THE EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL TRADITION
IN PSYCHIATRY, PSYCHOTHERAPY AND PSYCHOLOGY**

Olga A. Vlasova

Saint-Petersburg State University

The paper discusses the communicative concepts of the existential-phenomenological tradition, their transformation from philosophy to psychiatry, psychotherapy and psychology. The author analyses the philosophical theory of communication and the communicative methodology of existential psychotherapy and psychology. The author proceeds from the statement that the communication theory of consultative psychology and psychotherapy comes from philosophy and includes methodological base, ontological and gnoseological levels, and theory of man. Communication theory is based on the principles of phenomenology, which are transferred to

^{*} Работа подготовлена в рамках проекта РFFИ (ОГОН) № 17-33-01064 «Сравнительный концептуальный анализ развития экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии и психологии».

the practical field of communication: the attention to man and his immediate experience; appeal to the concrete existence; reduction from stereotypes and theories to experience; attention to the relationship of man with other people (being-with) and his living in the world; accentuation on the temporality of both the therapeutic situation and life in whole.

The communicative theory of existential-phenomenological psychiatry is based on communicative methodology, while communicative practice supplements the theory. In existential-phenomenological practice, to help a person get well means to help him establish communication with the world of objects and other people. Communicative concepts used in theory and practice denote not the characteristics of interaction, but the components of the method. They are more eclectic than ontological or anthropological concepts and refer to methodology and anthropology. At the same time, the non-directivity of tradition contributes to a-conceptuality: the patient himself, his situation and his problem become guidelines for the therapeutic work.

Keywords: existential-phenomenological tradition, communication, dialog, psychiatry, psychotherapy, psychology, empathy, understanding.

«Взаимодействие», «коммуникация», «интеракция», «общение», «диалог», «дуальность» — все эти слова отражают основную тему психотерапии и психологии, в особенности психологии консультативной. Там, где сходятся в поле болезни и проблемы два человека, речь всегда идет об обюдном взаимодействии. Коммуникация не только становится основным пространством лечения, она — обязательный элемент теории, она задает особенную направленность тем понятиям, которые психотерапия и психология используют, независимо от того, являются ли они их собственными или привнесены извне.

Теория коммуникации консультативной психологии и психотерапии не является самостоятельным достижением. Она приходит из философии и предполагает гораздо большее, чем теория взаимодействия людей или личностей: включает методологическую опору, онтологический и гносеологический пласти, предполагает теорию человека — опорный пункт учения о личностном самосовершенствовании.

Наиболее яркий пример в связи с этим — экзистенциально-феноменологическая традиция. Открыв философию для психологии и психотерапии, она дала ей понятия, посредством которых специалисты стали работать с человеческими проблемами, причем работать в межличностном поле. Открытие ресурсов личности, прояснение оснований жизни, совершенствование профессиональных умений — все это происходило в коммуникативном поле.

Философская теория коммуникации и коммуникативная методология

Проблематика коммуникации в экзистенциально-феноменологической традиции, будь то философия, психология или психотерапия, — излюбленная тема исследователей. Ей посвящены монографии [Burnard Ph., 1997; Communicating...,

2009; Existential Perspectives..., 2013; Knox R., Cooper M., 2015; Westland G., 2015; Willis R.J., 1994] и множество статей. В пространстве коммуникации наиболее заметно отличие экзистенциально-феноменологической практики от практики других направлений. Однако по-прежнему интересен вопрос о том, каковы метки и основания этих изменений, и это очевидно при обращении к «коммуникативным» понятиям экзистенциально-феноменологической традиции, т.е. тем, посредством которых пытаются охарактеризовать едва уловимое поле взаимодействия.

Теория коммуникации прикладных пространств экзистенциально-феноменологической традиции основывается на специфической онтологии и гносеологии, развивает положения учения о человеке. Движущими принципами здесь становятся принципы феноменологии, которые переносятся в практическую область общения и становятся принципами не исследования, а коммуникации. Это: 1) ориентация на самого человека, его непосредственный опыт, его переживания; 2) обращение к конкретности существования — пространствам и ситуациям, в которых оно раскрывается; 3) уход от стереотипов и теорий, редукция до опыта и эмоций; 4) приоритетное внимание к отношениям человека с другими людьми (бытие-с) и его проживание в мире; 5) акцентирование темпоральности как в терапевтической ситуации (принцип «здесь и сейчас»), так и в жизни в целом (планирование существования во временной перспективе). Конечно, имеют место и другие влияния, но приоритетность феноменологической установки в экзистенциальной диалогической терапии несомненна.

Известная фраза О. Блейлера о том, что больные шизофренией непонятны ему точно так же, как птицы в его саду, которая часто цитируется [Лэйнг Р., 1995, с. 20], отражает изменение мировоззрения в поле психиатрии и психотерапии. Если классическая традиция, которую Блейлер и

представляет, признает невозможность диалога с больными психозами, то экзистенциально-феноменологическая психиатрия, а затем психология, проведя антропологическую реабилитацию психического расстройства, настаивают на необходимости диалога и подчеркивает, что только посредством этого диалога и возможно лечение.

Феноменология, которая стала исходным импульсом экзистенциально-феноменологической традиции и ее развития в психотерапии и психологии, изначально не содержала коммуникативного элемента. Те идеи, которые были заимствованы, не предполагали даже и намека на коммуникацию, более того, они не предполагали даже существование другого сознания. Теория Э. Гуссерля как основание экзистенциально-феноменологической психотерапии и психологии была заимствована как интра-субъективное учение о сознании и опыте. Расширить ее и преобразовать использовавшиеся в ней концепты предстояло самим практикам интуитивно, продвигаясь вслед за потребностями клиники и консультирования [см.: Власова О.А., 2010].

Значимым шагом для коммуникативной теории стала «экзистенциализация» феноменологической традиции в психиатрии и психотерапии — привлечение и переработка идей М. Хайдеггера. Они дополнили идеи Гуссерля как раз там, где был необходим выход за пределы индивидуального сознания. Описательная психология Гуссерля стала интуитивным усмотрением чужой личности, коммуникативной по своей направленности понимающей психологией. Описывать, усматривать, понимать необходимо было другого, и психотерапевты с психологами это прекрасно осознавали.

Благодаря экзистенциализации феноменологической традиции психотерапия и психология открыли для своей теории и практики «мир». Неслучайно *Dasein* стало основной заимствованной категорией не как тут-бытие вообще, а как бытие-в-мире конкретного человека в конкретном окружении [см.: Бинсангер Л., 1999]. С миром как миром предметов, людей, импульсов, желаний и возможностей и начали работать экзистенциально-феноменологические психиатры. Причем «мир» стал полностью коммуникативной категорией. Пример такой коммуникативизации можно найти в эстезиологии Эрвина Штрауса или феноменологически-структурном анализе Эжена Минковски. Говоря в общем, вся теория экзистенциально-феноменологической психиатрии стала коммуникативной теорией психического заболевания.

Для Штрауса, например, психическое расстройство есть результат разрушения границ в

общении с миром. Обозначая всю совокупность внешних объектов и людей, с которыми вступает во взаимодействие человек, понятием «Другие», он говорит, что расстройство проявляет себя посредством вторжения либо расширения: Другие вторгаются в личностное пространство человека или это пространство выходит вовне, покрывая часть внешнего поля коммуникации [Штраус Э., 2007, с. 143]. Разрушение границ приводит к разрушению взаимодействия: в общении с Другими больше нет равноправия, дуальности, обюдности, на их место приходит монолог, порабощение и навязывание. Один полюс расширяется на все пространство коммуникации.

Эжен Минковски обозначает сходные феномены посредством других терминов. Он говорит о личном порыве как импульсе к взаимодействию с миром и связывает возникновение психических расстройств с его угасанием. На смену коммуникации в этом случае приходит погружение в себя, утрата внешних коммуникативных координат и, как следствие, обращение диалога с миром в монолог, а затем и распад самого монолога [Minkowski E., 1933, р. 256; Minkowski E., 1927, р. 5; Блауберг И.И., 2017].

Осмысление природы конкретного расстройства и практическая работа связывается в экзистенциальной традиции с понимающим усмотрением или попросту с пониманием. Методологически понимание в психотерапии и психиатрии есть показатель равенства участников диалога. Понять — значит поставить себя на место другого и испытать подобный его переживанию опыт, значит принять его часть в себя, стать им, сделать шаг ему навстречу. Диалог и есть понимание, именно в такой трактовке говорит о понимании Карл Ясперс — родоначальник понимающей традиции в психиатрии. Мы понимаем, когда устремляемся за пределы себя навстречу другому, открываемся его опыту и слушаем его душу свою душою [Ясперс К., 1997].

Сам Ясперс развивает свою философскую теорию коммуникации именно на основании более ранней теории понимающей психологии. Для него диалог — это всегда проживание опыта другого человека и его понимание, и только посредством такого выхода за пределы самого себя, устремляясь к другой душе, человек может обрести свою собственную, может развить свою экзистенцию. В прикладных пространствах с опорой на последнее положение развивается представление о совершенствовании специалиста посредством собственной психотерапевтической или психологической работы. Только устремляясь к

клиенту/пациенту, можно лучше понять самого себя, и только постоянно совершенствуясь как личность, психолог и психотерапевт могут развить и сохранить понимающую установку.

Коммуникативная теория экзистенциально-феноменологической психиатрии, таким образом, опирается на коммуникативную методологию. В этом отношении ее развитие идет не только вслед за экзистенциально-феноменологической философией, но и за философией диалога, в частности теориями М. Бубера и П. Тиллиха [см.: Cooperr T.D., 2006], и их фамилии часто фигурируют в работах самих психологов и психиатров как источники терапевтической теории. В целом коммуникативная практика дополняет теорию коммуникации. В экзистенциально-феноменологической практике помочь человеку выздороветь — значит помочь ему наладить общение с миром предметов и другими людьми, научить его общаться спонтанно, призывать к диалогу и вступать в диалог, получать из него импульс к собственному развитию.

Коммуникативные ряды экзистенциально-феноменологической традиции

Экзистенциально-феноменологическая психотерапия и психология уходят от директивной стратегии общения. И. Ялом акцентирует этот факт следующим образом: «Самое главное, что я или любой другой психотерапевт можем сделать, — это предложить подлинные исцеляющие отношения, из которых пациенты могут извлечь все, что им нужно. Мы обманываем себя, если считаем, что некоторые специальные действия, будь то интерпретация, увещевание, переименование или уверения, являются лечебным фактором» [Ялом И., 2014, с. 235].

Эта коммуникативность терапии приводит не только к спонтанности терапевтического процесса, усиливая его творческий характер, но и уводит от возможной концептуализации. Она — причина а-концептуальности прикладного экзистенциально-феноменологического поля: в экзистенциальной психотерапии и психологии мы не встречаем того обилия понятий, которое используется по отношению к сходным явлениям в классической психиатрии и психологии. Ориентиром терапевтического движения становятся не определения, а живые отношения между терапевтом и пациентом.

При этом коммуникативная терминология экзистенциально-феноменологической психиатрии богаче, чем таковая в психотерапии и психологии. Первая развивает терминологию 1) коммуникативной диагностики, указывая на коммуникативный

характер патологии, на нарушение отношений с миром и другими людьми (например, понятие Э. Минковски «контакт с реальностью»); 2) коммуникативной методологии, разрабатывая методологию понимания и понимающей психологии. Психотерапия и психология, заимствуя эту терминологию, практически ничего в нее не привносят, иногда лишь заменяя на термины-эквиваленты и добавляя концепты коммуникативной практики.

К примеру, «понимание» экзистенциальной философии и психиатрии трансформируется в психотерапии и психологии в «эмпатию». Причем термин трактуется сходным образом как проникновение в мир переживаний другого, однако в последнем случае акцентируется личностный элемент. Эмпатия — это еще и эмоциональное сочувствие, а не только единение души как попытка вскрыть связи между феноменами сознания и переживания. Р. Мэй разъясняет этот термин следующим образом: «Прослеживается аналогия со словом “симпатия”, выражющим “со-чувствие” и имеющим оттенок сентиментальности. Эмпатия — чувство более глубокое, передающее такое духовное единение личностей, когда один человек настолько проникается чувствами другого, что временно отождествляет себя с собеседником, как бы растворяясь в нем. ... *ego* и психическое состояние консультанта и клиента могут временно сливаться, образуя единое психическое целое» [Мэй Р., 1994]. Если экзистенциальная психиатрия и философия стремились уйти от эмоциональности и редуцировать ее как личностный фактор, то психотерапия и психология, напротив, всячески привлекают ее, делая эмоции движущим фактором и терапевтического процесса, и совершенствования психотерапевта/психолога.

Исходная точка экзистенциальной терапевтической работы — «открытость», в частности, открытость другим. О ней как о центральной черте *Dasein* говорит в своем *Dasein*-анализе М. Босс [Boss M., 1971], ее же акцентирует в своих письмах, психологических и психотерапевтических семинарах М. Хайдеггер [Хайдеггер М., 2012]. В терапевтической ситуации это означает, что человек не должен углубляться в себя, осмыслять только свои внутренние процессы, он должен открыться миру, позволяя терапевту взаимодействовать с ним, задевать, стимулировать, менять его. Без открытой позиции терапевтическая работа невозможна. Преодоление центрированности на себе Р. Мэй называет одним из принципов психотерапии. «...У всех людей есть потребность

и возможность выйти из своей центрированности, чтобы прикоснуться к другому бытию», — подчеркивает он [Мэй Р., 2001б, с. 61] и говорит о невозможности понять феномен человека вне возможности разделять бытие с другими людьми.

Открытой установке, в частности, способствует то, что В. Франкл обозначает в своем экзистенциальном анализе как «дерефлексия» [Франкл В., 2001]. Сам он характеризует ее как направленность вперед, осознание ценностей с одновременным движением, отход от излишнего размышления над собственными ошибками и страхами. Просто движение и просто общение оказываются здесь важнее осознания собственных внутренних глубин, само по себе последнее при этом не имеет значения и может запускать только деструктивные процессы.

Экзистенциальная направленность традиции предполагает, что работа ведется с собственным существованием (экзистенцией) пациента (клиента) и он сам должен выступать активной действующей силой терапевтического процесса. Терапевт или психолог может подсказывать, направлять, но не руководить экзистенциальным движением. Психотерапевт и психолог так же, как и пациент, должны быть открыты другим, поскольку общение может быть только обоюдным, обоюдным должно быть и изменение. «Сущность отношений состоит в том, что при встрече оба человека меняются», — говорит Р. Мэй [Мэй Р., 2001а, с. 169]. Эта одновременность изменений фиксируется в терминологии. Внешняя обоюдность становится внутренней подлинностью. «Подлинность», ключевой фактор эффективности терапии, обретает новое измерение, если психотерапевт честно работает над экзистенциальными вопросами, — отмечает И. Ялом. — Нам пора отбросить все предрассудки медицинской модели, которая предполагает, что пациент, страдающий странным недугом, нуждается в бесстрастном, безупречном, «герметично закупоренном» лекаре» [Ялом И., 2009, с. 335].

Как следствие, вместо понятий «врач» и «лекарь» появляется понятие «попутчик» (И. Ялом), которое не только фиксирует равенства, но и подчеркивает важность для психотерапевта работы над собой. Такими же терминами являются термины гуманистической традиции «конгруэнтность» и «аутентичность», указывающие на важность соответствия внутреннего образа психотерапевта и его поведения, на гармонию с собой и гармонию терапевтических отношений.

В целом заметно, что коммуникативные понятия экзистенциально-феноменологической традиции более эклектичны по сравнению с онтологическими или антропологическими и в большей мере отсылают нас к методологии и антропологии. Понятия «понимание» и «эмпатия» — одновременно методологические и коммуникативные, характеристики «аутентичность» и «конгруэнтность» — коммуникативные и антропологические, таково же и понятие «попутчик». «Утрата контакта с реальностью» (Минковски) или «экзистенциальная изоляция» (Франкл) предполагают коммуникативные и онтологические отсылки

Коммуникативные концепты экзистенциально-феноменологической психиатрии, психотерапии и психологии скорее обозначают не характеристики взаимодействия, а составляющие метода. Недирективность способствует а-концептуальности. Если в теории она компенсируется попыткой определить сущность феномена, так или иначе ведя к концептуальным попыткам, то на практике такая необходимость не довлеет. Сам больной, его ситуация и его проблема становятся направляющими в терапевтическом пути.

Список литературы

Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / пер. Е. Сурпиной. М.; СПб.: КСП+, Ювента, 1999. 299 с.

Блауберг И.И. Философские темы в творчестве Э. Минковского // Философские науки. 2017. № 9. С. 34–49.

Власова О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 638 с.

Лэйнг Р. Расколотое Я. СПб.: Белый кролик, 1995. 350 с.

Мэй Р. Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: Эксмо, 2001. С. 141–200.

Мэй Р. Искусство психологического консультирования / пер. Т.К. Кругловой. М.: Класс, 1994. 132 с.

Мэй Р. Экзистенциальные основы психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: Эксмо, 2001. С. 59–67.

Франкл В. Теория и терапия неврозов. Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ / пер. Н.А. Кириленко. СПб.: Речь, 2001. 231 с.

Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Протоколы – Беседы – Письма / пер. И. Глуховой. Вильнюс: Европ. гуманит. ун-т, 2012. 406 с.

Штраус Э. Феноменология галлюцинаций / пер. О.А. Власовой // Философско-антропологические исследования. 2007. № 2. С. 133–144.

Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / пер. А. Петренко. М.: Эксмо, 2009. 349 с.

Ялом И. Все мы творения на день и другие истории / пер. Е. Вульфсон, Т. Кондратьевой, Б. Львова, А. Мануковского, С. Штукаревой. М.: Мос. ин-т психоанализа, 2014. 238 с.

Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практика, 1997. 1053 с.

Boss M. Grundriss der Medizin. Bern: H. Huber, 1971. 600 S.

Burnard Ph. Effective Communication Skills for Health Professionals. Cheltenham: Nelson Thornes, 1997. 216 p.

Communicating to Manage Health and Illness / ed. by D.E. Brashers, D. Goldsmith. N.Y.: Routledge, 2009. 360 p.

Cooper T.D. Paul Tillich and Psychology: Historic and Contemporary Explorations in Theology, Psychotherapy, and Ethics. Macon, GA: Mercer University Press, 2006. 222 p.

Existential Perspectives on Relationship Therapy / ed. by E. van Deurzen, S. Lacovou. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 272 p.

Knox R., Cooper M. The Therapeutic Relationship in Counselling and Psychotherapy. L.; L.A.: SAGE, 2015. 168 p.

Minkowski E. La temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris: d'Artrey, 1933. 409 p.

Minkowski E. La Schizophrénie. Paris: Payot, 1927. 268 p.

Westland G. Verbal and Non-Verbal Communication in Psychotherapy. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2015. 320 p.

Willis R.J. Transcendence in Relationship: Existentialism and Psychotherapy. Norwood, NJ: Ablex Pub. Corp., 1994. 236 p.

Получено 20.02.2018

References

Binswanger, L. (1999). *Bytie-v-mire* [Being-In-The-World]. Saint Petersburg, Yuventa Publ., 299 p.

Blauberg, I.I. (2017). *Filosofskie temy v tvorchestve E. Minkovskogo* [Philosophical themes in the E. Minkowski's works]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 9, pp. 34–49.

Boss, M. (1971). *Grundriss der Medizin* [Existential Foundations of Medicine and Psychology]. Bern, H. Huber Publ., 600 p.

Brashers, D.E., Goldsmith, D. (ed.) (2009). *Communicating to Manage Health and Illness*. New York, Routledge, 360 p.

Burnard, P. (1997). *Effective Communication Skills for Health Professionals*. Cheltenham, Nelson Thornes, 216 p.

Cooper, T.D. (2006). *Paul Tillich and Psychology: Historic and Contemporary Explorations in Theology, Psychotherapy, and Ethics*. Macon, Mercer University Press, 222 p.

Deurzen, E. van, Lacovou, S. (ed.) (2013). *Existential Perspectives on Relationship Therapy*. New York, Palgrave Macmillan, 272 p.

Frankl, V. (2001). *Teoriya i terapiya nevrozov. Vvedenie v logoterapiyu i ekzistentsial'nyi analiz* [On the Theory and Therapy of Mental Disorders. An Introduction to Logotherapy and Existential Analysis]. Saint Petersburg, Rech', 231 p.

Heidegger, M. (2012). *Tsollikonovskie seminary. Protokoly – Besedy – Pis'ma* [Zollikon Seminars: Protocols, Conversations, Letters]. Vilnius, EHU Publ., 406 p.

Jaspers, K. (1997). *Oschchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow, Praktika Publ., 1053 p.

Knox, R., Cooper, M. (2015). *The Therapeutic Relationship in Counselling and Psychotherapy*. London, Los Angeles, SAGE, 168 p.

Laing, R.D. (1995). *Raskolotoe Ya* [The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness]. Saint Petersburg, Belyy krolik Publ., 350 p.

May, R. (2001). *Ekzistentsial'nye osnovy psikhoterapii* [Existential basis of psychotherapy]. *Ekzistentsial'naya psikhologiya. Ekzistentsiya* [Existential Psychology]. Moscow, Eksmo Publ., pp. 59–67.

May, R. (1994). *Iskusstvo psikhologicheskogo konzul'tirovaniya* [The Art of Counselling]. Moscow, Klass Publ., 132 p.

May, R. (2001). *Vklad ekzistentsial'noy psikhoterapii* [The contribution of existential psychotherapy]. *Ekzistentsial'naya psikhologiya. Ekzistentsiya* [Existential Psychology]. Moscow, Eksmo Publ., pp. 141–200.

Minkowski, E. (1933). *La temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques* [Lived Time. Phenomenological and psychopathological studies]. Paris, d'Artrey Publ., 409 p.

Minkowski, E. (1927). *La Schizophrénie* [Schizophrenia]. Paris, Payot Publ., 268 p.

Straus, E. (2007). *Fenomenologiya gallyutsinatsiy* [Phenomenology of Hallucinations]. *Filosofsko-antropologicheskie issledovaniya* [Philosophical-Anthropological Studies]. No. 2, pp. 133–144.

Vlasova, O.A. (2010). *Fenomenologicheskaya psichiatriya i ekzistentsial'nyy analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems]. Moscow, Tertioriya buduscheho Publ., 638 p.

Westland, G. (2015). *Verbal and Non-Verbal Communication in Psychotherapy*. New York, Norton & Company, 320 p.

Willis, R.J. (1994). *Transcendence in Relationship: Existentialism and Psychotherapy*. Norwood, Ablex Pub. Corp., 236 p.

Yalom, I. (2009). *Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn bez strakha smerti* [Staring at the Sun: Overcoming the Terror of Death]. Moscow, Eksmo Publ., 349 p.

Yalom, I. (2014). *Vse my tvorenija na den' i drugie istorii* [Creatures of a Day — And Other Tales of Psychotherapy]. Moscow, MIP Publ., 238 p.

Received 20.02.2018

Об авторах

Власова Ольга Александровна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории философии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: o.a.vlasova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4881-3652

About the authors

Olga A. Vlasova

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of History of Philosophy

Saint-Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: o.a.vlasova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4881-3652

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Власова О.А. Тема коммуникации и коммуникативные концепты экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии, психотерапии и психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 264–270. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-264-270

For citation:

Vlasova O.A. The theme of communication and communicative concepts of the existential-phenomenological tradition in psychiatry, psychotherapy and psychology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 264–270. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-264-270

УДК 159.923.33

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-271-277

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ У УЧАЩИХСЯ СОЦИАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ

Дудорова Екатерина Валерьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Шумкова Светлана Витальевна

Прикамский социальный институт

Идея дифференциации особенностей креативности в связи типом професионализации исследуется применительно к проявлениям верbalной и неверbalной креативности. В исследовании приняли участие 66 студенток, отличающихся по направлению обучения (художественному или социальному). Невербальная креативность измерялась с помощью фигурной батареи теста креативности Е.П. Торренса «Закончи рисунок», вербальная креативность — вербальным тестом творческого мышления «Необычное использование» Дж. Гилфорда. По результатам применения U-критерия Манна Уитни обнаружено, что студентки социального и художественного направлений обучения отличались друг от друга по всем параметрам вербальной креативности (беглости, гибкости, оригинальности) и по двум параметрам невербальной креативности (оригинальности и разработанности). Наши данные поддерживают идею Е.А. Климова о том, что тип професионализации может быть связан с особенностями проявлений креативности. Результаты можно трактовать как свидетельство того, что художественный и социальный тип професионализации связаны с разными проявлениями вербальной креативности, а также невербальными параметрами креативности (оригинальность и разработанность). Параметры невербальной креативности беглость и гибкость, возможно, являются «общими условиями» для художественного и социального типа направления обучения.

Ключевые слова: вербальная и невербальная креативность, направление обучения, направление образования, професионализация.

FEATURES OF VERBAL AND NON-VERBAL CREATIVITY OF STUDENTS WHO SPECIALIZE IN SOCIAL SCIENCES AND ARTS

Ekaterina V. Dudorova

Perm State University

Svetlana V. Shumkova

Prikamsky Social Institute

The article considers the idea of differentiating the features of creativity according to the type of professionalization, with focus on the manifestations of verbal and non-verbal creativity. The study embraced 66 female students who differed in their training specialization (artistic or social). Their non-verbal creativity was measured with the help of the Torrance Tests of Creative Thinking (TTCT), and verbal creativity — with J. Guilford's verbal test of creative thinking «Alternative Uses Task». The results of Mann-Whitney U test have shown that students with social and artistic specializations differ in all the parameters of verbal creativity (fluency, flexibility, originality) and in two parameters of non-verbal creativity (originality and degree of development). The received results support the idea of E.A. Klimov that the type of professionalization may be associated with the features of creativity manifestations. The research results may be interpreted as an evidence of the idea that artistic and social types of professionalization are connected with different manifestations of verbal creativity, as well as non-verbal parameters of creativity (originality and degree of development). The

parameters of non-verbal creativity — fluency and flexibility — are probably «common conditions» for the artistic and social types of specialization.

Keywords: verbal and non-verbal creativity, specialization, professionalization, type of education.

Проблема. В настоящее время одной из актуальных линий исследования креативности является изучение ее когнитивных аспектов. Прежде всего это исследования отношений мышления и интеллекта, с одной стороны, и креативности — с другой [Богоявленская Д.Б., 1995.; Валуева Е.А., 2006; Гасимова В.А., 2004; Егорова М.С., 2000; Ковалева Г.В., 2002; Пономарев Я.А., 1994; Челнокова А.В., 2009; Щебланова Е.И., 1999; Guilford J.P., 1967; Rothenberg A. et al., 1999; Sternberg R.J., Lubart T.I., 1999; Yong L.M., 1994]. При этом со времен Р.Б. Кеттелла достаточно устоявшейся является традиция исследования специфики проявления разных вербальных и невербальных составляющих интеллекта [Cattell R.B., 1971, 1987; Thurstone L.L., 1938; Wechsler D., 1958]. Гораздо менее традиционными, чем исследования вербального и невербального интеллекта, являются исследования вербальной и невербальной креативности [Дружинин В.Н., 2006; Кайдановская И.А., 2007; Марищук В.Л., Пыжьянова Е.В., 2007; Шубин А.В., Серпионова Е.И., 2007]. Однако в некоторых работах вербальная и невербальная креативность исследуется в связи с интеллектом [McCabe M.P., 1991; Yong L.M., 1994], ее психофизиологическими [Мальцев В.П., 2011; Шубин А.В., Серпионова Е.И., 2007], возрастными [Петрова Л.М., 2008] и половыми различиями [Барышева Т.А., 2002; Виноградова Т.В., Семенов В.В., 1993; Петрова Л.М., 2008; Разумникова О.М., 2002], а также с успеваемостью по разным учебным дисциплинам [Крылова М.А., 2007]. При всем многообразии исследований вербальной и невербальной креативности сегодня нельзя сказать, что в науке уже сложились представления о ее специфике, структуре и природе.

Вслед за Е.П. Торренсом [Torrance E.P., 1974] креативность понимается нами как естественный процесс, который порождается потребностью человека в снятии напряжения, возникающего в ситуации неопределенности или незавершенности. Е.П. Торренс соотносит креативность с чувствительностью к проблемам, дефицитом знаний и их рассогласованностью; определением этих проблем; поиском их решений через выдвижение гипотез и их проверкой, а также с формулированием и сообщением результата решения. Основными показателями креативности при этом являются: (1) *скорость или беглость* как способность к

порождению большого числа идей, выраженных в словесных формулировках или в виде рисунков; (2) *пластичность или гибкость* — способность выдвигать разнообразные идеи, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем; (3) *оригинальность* — способность к выдвижению идей, отличающихся от очевидных, банальных или твердо установленных; (4) *тищательность разработки идей или их детализация* [цит. по: Шумакова Н.Б. и др.].

В настоящем исследовании под *вербальной креативностью* мы понимаем словесное творческое мышление, под *невербальной* — изобразительное творческое мышление.

Согласно Е.А. Климу [Климов Е.А., 2004], тип профессионализации может оказывать влияние не только на образ мира [Климов Е.А., 1995], но и на особенности проявлений креативности. При этом креативность понимается довольно широко, без обращения к конкретным ее параметрам. Например, особенности креативности представителей профессий типа «Человек — художественный образ» заключаются в том, что они новаторы по своей сути, относящиеся к тому миру, в котором живут, как преобразователи [Климов Е.А., 2004]. Характеризуя представителей типа «Человек-человек», Е.А. Климов отмечает, что нестандартные ситуации — это нормальная стихия социума, поэтому здесь требуется творческий склад ума, способность ясно представлять себе варианты возможных последствий действий людей, возможных исходов их конфликтов, противостояний или, наоборот, объединений. Тип воображения, которым должны обладать представители этого вида профессий, он называет тропономическим (от др.-греч. «тропос» — поворот, обворот, направление). Представления о склонности к типу профессии как факторе креативности до сих пор не были детально разработаны. Тем не менее склонность к типу профессии можно понимать как результат «функционального» развития познавательной деятельности личности [Дорфман Л.Я., Дудорова Е.В., 2006], в том числе в связи с типом профессионализации личности. Поэтому можно предположить наличие связей между особенностями вербальной и невербальной креативности у студентов, обучающихся по разным профилям.

В настоящее время существует понятие укрупненных групп специальностей (УГС). Такие группы специальностей объединяют совокупности специальностей и направлений подготовки, относящихся к какой-либо широкой предметной области, они соответствуют утвержденному Правительством Российской Федерации государственному заданию на подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием. На наш взгляд, тип профессионализации следует понимать широко, включая в это понятие и направление обучения.

Данные исследований [Башкин М.В., 2008; Крылова М.А., 2007; Мальцев В.П., 2011; Савенышева С.С., 2001] подтверждают идею дифференциации особенностей креативности в связи с типом профессионализации.

М.В. Башкин [Башкин М.В., 2008] определил различия в проявлении личностной креативности и стратегии поведения в конфликтах в зависимости от технического и гуманитарного профиля обучения. В частности, в его исследовании «студенты-гуманитарии» чаще, чем «студенты-технари», характеризовались более высокими показателями воображения, общего уровня креативности и готовностью к решению сложных задач.

С.С. Савенышева [Савенышева С.С., 2001] показала, что у учащихся математической и естественной специализации уровень креативности выше, чем у учащихся гуманитарной специализации.

М.А. Крылова [Крылова М.А., 2007] выявила, что в зависимости от вида креативности ее связь с успеваемостью по различным дисциплинам сильно дифференцирована. При этом мотивационно-личностная креативность была связана с более высокой успеваемостью по гуманитарным предметам, верbalная креативность — с более высокой успеваемостью по математическим предметам и более низкой по естественно-научным, невербальная креативность — с более низкой успеваемостью по математическим предметам.

В.П. Мальцев [Мальцев В.П., 2011] исследовал студенток, обучающихся по естественно-научному профилю, и показал преобладание у них вербального творческого мышления над образным. При этом подвижность нервных процессов являлась нейродинамическим предиктором вербальной креативности у студенток естественно-научного профиля обучения.

Как можно заметить, в целом идея дифференциации особенностей креативности в связи с типом профессионализации имеет эмпирическую под-

держку. При этом результаты исследований вербальной и невербальной креативности в зависимости от направления обучения весьма неоднозначны. Так, данные исследований М.В. Башкина [Башкин М.В., 2008] свидетельствуют о том, что гуманитарии превосходят технарей в проявлениях креативности. В то же время данные С.С. Савенышевой [Савенышева С.С., 2001], М.А. Крыловой [Крылова М.А., 2007] можно трактовать в пользу связи вербальной креативности и математической успешности (или интересов) у учащихся, а данные В.П. Мальцева [Мальцев В.П., 2011] — о связи вербальной креативности с естественно-научным профилем обучения. Кроме того, не ясно, имеется ли дифференциация проявлений креативности в связи с художественной или социальной ориентацией профессионализации? Для восполнения дефицита сведений в данной области нами был сформулирован исследовательский вопрос: существуют ли различия в проявлениях вербальной и невербальной креативности у студентов, обучающихся по художественному и социальному профилям?

Для тестирования в связи с этим вопросом, опираясь на представления Е.А. Климова о профессионализации как факторе проявлений креативности [Климов Е.А., 2004], а также на эмпирические свидетельства отношений успешности в разных видах деятельности и специфики проявления креативности [Башкин М.В., 2008; Крылова М.А., 2007; Мальцев В.П., 2011; Савенышева С.С., 2001], нами была выдвинута следующая исследовательская гипотеза: студентки художественного и социального профилей обучения различаются по выраженности показателей вербальной и невербальной креативности.

Участники, вопросы, процедура. В исследовании приняли участие 66 девушек, 32 из них — студентки Уральского филиала «Российской академии живописи и зодчества Ильи Глазунова» и 34 — студентки философско-социологического факультета (направления подготовки бакалавров «Социология», «Организация работы с молодежью») ПГНИУ. Их возраст был в диапазоне 18–23 лет ($M = 19.3$, $SD = 1.3$).

Невербальная креативность измерялась с помощью фигурной батареи теста креативности Е.П. Торренса «Закончи рисунок» в адаптации Е.И. Щеблановой и И.С. Авериной [Краткий тест..., 1995]. У каждого участника исследования измерялись показатели беглости, гибкости, оригинальности и разработанности. Для исследования вербальной креативности использовался вер-

бальный тест творческого мышления «Необычное использование» Дж. Гилфорда в адаптации И.С. Авериной и Е.И. Щеблановой [Аверина И.С. Щебланова Е.И., 1996]. Для тестирования гипотезы применялся U-критерий Манна–Уитни.

Результаты. По результатам применения U-критерия Манна–Уитни было обнаружено, что студентки социального и художественного направлений обучения отличались друг от друга по всем параметрам вербальной креативности: беглости ($U = 264$, $p < .001$), гибкости ($U = 289,5$, $p < .001$) и оригинальности ($U = 330$, $p < .001$). При этом студентки социального направления обучения характеризовались более высокими показателями вербальной креативности (беглости, гибкости и оригинальности) по сравнению со студентами художественного направления обучения. Несколько другая картина сложилась относительно невербальной креативности. Учащиеся социального направления обучения отличались от студенток художественного направления лишь по двум параметрам невербальной креативности: оригинальности ($U = 112,5$, $p < .001$) и разработанности ($U = 245$, $p < .001$). Они характеризовались более высокими показателями оригинальности и сниженными показателями разработанности в сравнении со студентками художественного профиля обучения.

Наша гипотеза о различиях в проявлениях креативности была подтверждена эмпирическими данными по всем параметрам вербальной креативности (беглости, гибкости и оригинальности) и частично по параметрам невербальной креативности (оригинальности и разработанности). В то же время мы не обнаружили у студенток социального и художественного направлений обучения групповых различий в проявлениях таких параметров невербальной креативности, как беглость и гибкость.

Как объяснить полученные данные? Во-первых, наши данные о специфике проявлений вербальной и невербальной креативности у учащихся социального и художественного направлений обучения поддерживают идеи Е.А. Климова о профессионализации как факторе проявлений креативности (кроме данных о параметрах невербальной беглости и гибкости). Факт отсутствия различий в параметрах невербальной креативности «беглость» и «гибкость» у учащихся социального и художественного направлений обучения предположительно можно объяснить тем, что данные характеристики креативности являются своего рода «общими способностями», благопри-

ятствующими успешности в более широком классе ситуаций, чем параметры невербальной креативности — разработанность и оригинальность. Однако это предположение нуждается в дальнейшей эмпирической проверке. Кроме того, один из авторов варианта адаптации теста Е.П. Торренса, Е.И. Щебланова [Аверина И.С. Щебланова Е.И., 1996] отмечает, что низкие значения беглости могут наблюдаться у заторможенных, инертных или недостаточно мотивированных испытуемых. Возможно целенаправленный выбор направления обучения учащимися «отсек» из нашей выборки учащихся, характеризующихся вышеуказанными характеристиками, что могло бы объяснить отсутствие различий между учащимися социального и художественного направления обучения. Кроме того, в методике Е.П. Торренса гибкость ассоциируется со «способностью выдвигать разнообразные идеи, переходить от одного аспекта проблемы к другому, использовать разнообразные стратегии решения проблем». Возможно, исследуемые нами направления обучения предъявляют типичные в части невербальной беглости и гибкости требования к личности субъекта обучения.

Список литературы

Аверина И.С. Щебланова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборъ, 1996. 60 с.

Барышева Т.А. Креативность. Диагностика и развитие: монография. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 205 с.

Башкин М.В. Поведение в конфликте и личностная креативность студентов технического и гуманитарного профиля обучения // Психология XXI столетия / под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 2008. Т. 1. С. 85–87.

Богоявленская Д.Б. О предмете и методе исследования творческих способностей // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 5. С. 49–58.

Валуева Е.А. Интеллект, креативность и процессы распространения активации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 3. С. 130–142.

Виноградова Т.В., Семенов В.В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 63–71.

Гасимова В.А. Факторные структуры креативного мышления, интеллекта, личности и темперамента // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Перм. гос. ин-т искусства и культуры. Пермь, 2004. С. 30–39.

Дорфман Л.Я., Дудорова Е.В. Культурный потенциал личности в зеркале системного (холономного) подхода // Системные исследования культуры. СПб.: Алетейя. 2006. С. 47–75.

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2006. 368 с.

Егорова М.С. Сопоставление дивергентных и конвергентных особенностей когнитивной сферы детей (возрастной и генетический анализ) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 36–46.

Кайдановская И.А. Факторы креативности // Материалы IV съезда Российского психологического общества. М., 2007. Т. 2. С. 79.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995. 224 с.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с.

Ковалева Г.В. Взаимосвязи когнитивных, личностных и нейродинамических характеристик креативности: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2002. 171 с.

Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма: пособие для школьных психологов / под ред. Е.И. Щеблановой, И.С. Авериной. М.: ИНТОР, 1995. 48 с.

Крылова М.А. Типы креативности и особенности социально-психологической адаптации // Ананьевские чтения – 2007: матер. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 204–206.

Мальцев В.П. Нейродинамические предикторы креативности студентов естественнонаучного профиля обучения: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Челябинск, 2011. 23 с.

Маршиук В.Л., Пыжсянова Е.В. О применении системного подхода в изучении дивергентного мышления // Психология обучения. 2007. № 10. С. 20–30.

Петрова Л.М. Возрастно-половые особенности когнитивной сферы младших школьников и подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 20 с.

Пономарев Я.А. Психология творчества: перспективы развития // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 38–50.

Разумникова О.М. Пол и профессиональная направленность студентов как факторы креативности // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 111–125.

Савенышева С.С. Индивидуально-типические особенности интеллекта одаренных подростков // Ананьевские чтения – 2001: матер. науч.-практ. конф. СПб., 2001. С. 408–410.

Челнокова А.В. Личностно-мотивационные факторы и пол как детерминанты креативности: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2009. 175 с.

Шубин А.В., Сергионова Е.И. Ассиметрия мозга и особенности вербальной креативности // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 89–98.

Шумакова Н.Б., Щебланова Е.И., Щербо Н.П. Исследование творческой одаренности с использованием тестов Э.П. Торренса у младших школьников // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 27–32.

Щебланова Е.И. Особенности когнитивного и мотивационно-личностного развития одаренных старшеклассников // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 36–47.

Cattell R.B. Abilities: Their Structure, Growth and Action. Boston: Houghton-Mifflin, 1971. 546 p.

Cattell R.B. Intelligence: Its Structure, Growth and Action. Amsterdam: Elsevier, 1987. 693 p.

Guilford J.P. The Nature of Human Intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967. 412 p.

McCabe M.P. Influence of creativity and intelligence on academic performance // Journal of creative behavior. 1991. Vol. 2, no. 25. P. 116–122.

Rothenberg A., Runco M.A., Pritzker S.R. Janusian Process // Encyclopedia of Creativity. San Diego: Academic Press, 1999. Vol. 2. P. 103–108.

Sternberg R.J., Lubart T.I. The Concept of Creativity: Prospects and Paradigms // Handbook of Creativity / ed. by R. Sternberg. N.Y.: Cambridge University Press, 1999. P. 3–15.

Thurstone L.L. Primary Mental Abilities. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 121 p.

Torrance E.P. Torrance tests of creative thinking: Norms-technical manual. Princeton: Personnel Press/Ginn, 1974. 178 p.

Wechsler D. The Measurement and Appraisal of Adult Intelligence. Baltimore: Williams and Wilkins, 1958. 324 p.

Yong L.M. Relations between Creativity and Intelligence among Malasian Pupils // Perceptual and Motor Skills. 1994. Vol. 2, no. 79. P. 739–742.

Получено 08.02.2018

References

Averina, I.S., Scheblanova, E.I. (1996). *Verbal'nyi test tvorcheskogo myshleniya «Neobychnoe ispol'zovanie»* [Verbal Test of Creative Thinking «Unusual Use»]. Moscow, Sobor' Publ., 60 p.

Barysheva, T.A. (2002). *Kreativnost'. Diagnostika i razvitiye: monografiya* [Creativity. Diagnostics and Development: Monograph]. Saint Petersburg, RSPU Publ., 205 p.

Bashkin, M.V. (2008). *Povedenie v konflikte i lichnostnaya kreativnost' studentov tekhnicheskogo i gumanitarnogo profilya obucheniya* [Behavior in conflict and personal creativity of students in the technical and humanitarian profile of education]. *Psichologiya XXI stoletiya* [Psychology of the XXI century]. Yaroslavl, MAPN Publ., vol. 1, pp. 85–87.

- Bogoyavlenskaya, D.B. (1995). *O predmete i metode issledovaniya tvorcheskikh sposobnostey* [About a Subject and a Method of a Creative Abilities Research]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 16, no. 5, pp. 49–58.
- Cattell, R.B. (1971). *Abilities: Their Structure, Growth and Action*. Boston, Houghton-Mifflin, 546 p.
- Cattell, R.B. (1987). *Intelligence: Its Structure, Growth and Action*. Amsterdam, Elsevier, 693 p.
- Chelnokova, A.V. (2009). *Lichnostno-motivatsionnye faktory i pol kak determinanty kreativnosti: dis. ... kand. psikh. nauk* [Factors of Personality, Motivations and Sex as Creativity Determinants: dissertation]. Ekaterinburg, 175 p.
- Dorfman, L.Ya., Dudorova, E.V. (2006). *Kul'turniy potentsial lichnosti v zerkale sistemnogo (kholonomnogo) podkhoda* [Cultural Potential of the Personality in a Mirror of System (Holonomic) Approach]. *System Studies of Culture* [Sistemnye issledovaniya kultury]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., pp. 47–75.
- Druzhinin, V.N. (2006). *Psikhologiya obschikh sposobnostey* [Psychology of the General Abilities]. Saint Petersburg, Piter Publ., 368 p.
- Egorova, M.S. (2000). *Sopostavlenie divergentnykh i konvergentnykh osobennostey kognitivnoy sfery detey (vozrastnoy i geneticheskoy analiz)* [Comparison of Divergent and Convergent Features of the Cognitive Sphere of Children (Age and Genetic Analysis)]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 1, pp. 36–46.
- Gasimova, V.A., Dorfman, L.Ya., Berezina, E.M., Malyanov, E.A. (2004). *Faktornye struktury kreativnogo myshleniya, intellekta, lichnosti i temperamenta* [Factorial Structures of Creative Thinking, Intelligence, Personality and Temperament]. *Metaindividual'nyi mir i polimodal'noe Ya: kreativnost', iskusstvo, etnos* [Meta-individual World and Polymodal Self: Creativity, Art, Ethnos]. Perm, PSIC Publ., pp. 30–39.
- Guilford, J.P. (1967). *The Nature of Human Intelligence*. New York, McGraw-Hill, 412 p.
- Kaydanovskaya, I.A. (2007). *Faktory kreativnosti* [Creativity Factors]. *Materialy IV Vserossiyskogo sezda Rossiyskogo psichologicheskogo obschestva* [Materials of IV All-Russian Congress of the Russian Psychological Society]. Moscow, vol. 2, p. 79.
- Klimov, E.A. (1995). *Obraz mira v raznotipnykh professiyakh* [Image of the World in Polytypic Professions]. Moscow, MSU Publ., 224 p.
- Klimov, E.A. (2004). *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of Professional Self-Determination]. Moscow, Akademiya Publ., 304 p.
- Kovaleva, G.V. (2002). *Vzaimosvyazi kognitivnykh, lichnostnykh i neyrodinamicheskikh kharakteristik kreativnosti: dis. ... kand. psikh. nauk* [Interrelations of Cognitive, Personal and Neurodynamic Characteristics of Creativity: dissertation]. Perm, 171 p.
- Krylova, M.A. (2007). *Tipy kreativnosti i osobennosti sotsial'no-psichologicheskoy adaptatsii* [Creativity Types and features of social and psychological adaptation]. *Anan'evskie chteniya – 2007: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [«Ananyev's Readings – 2007»: materials of the scientific-practical conference]. Saint Petersburg, pp. 204–206.
- Maltsev, V.P. (2011). *Neyrodinamicheskie prediktory kreativnosti studentok estestvennonauchnogo profiliya obucheniya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* [Creativity Neurodynamic Predictors of Students with Natural-science specialization: Abstract of Ph.D. dissertation]. Chelyabinsk, 23 p.
- Marischuk, V.L., Pyzhyanova, E.V. (2007). *O primenenii sistemnogo podkhoda v izuchenii divergentnogo myshleniya* [About Application of System Approach to the Studying of Divergent Thinking]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of education]. No. 10, pp. 20–30.
- McCabe, M.P. (1991). Influence of creativity and intelligence on academic performance. *Journal of creative behavior*. Vol. 2, no. 25, pp. 116–122.
- Petrova, L.M. (2008). *Vozrastno-polovye osobennosti kognitivnoy sfery mladshikh shkolnikov i podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Age features of the junior schoolchild and adolescents cognitive sphere: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saint Petersburg, 20 p.
- Ponomarev, Ya.A. (1994). *Psikhologiya tvorchestva: perspektivy razvitiya* [Psychology of Creativity: Prospects of Development]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. No. 6, pp. 38–50.
- Razumnikova, O.M. (2002). *Pol i professional'naya napravленность студентов как факторы кreativnosti* [Role, sex and professional orientation of students as creativity factors]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 1, pp. 111–125.
- Rothenberg, A., Runco, M.A., Pritzker, S.R. (1999). Janusian Process. *Encyclopedia of Creativity*. San Diego, Academic Press, vol. 2, pp. 103–108.
- Savenysheva, S.S. (2001). *Individual'no-tipicheskie osobennosti intellekta odarennyykh podrostkov* [Individual and typical features of intelligence of talented adolescents]. *Anan'evskie chteniya – 2001: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [«Ananyev's Readings – 2001»: materials of the scientific-practical conference]. Saint Petersburg, pp. 408–410.
- Shcheblanova, E.I. (1999). *Osobennosti kognitivnogo i motivatsionno-lichnostnogo razvitiya odarennyykh starsheklassnikov* [Features of cognitive, motivational and personal development of talented high school students]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 6, pp. 36–47.
- Shcheblanova, E.I., Averina I.S. (ed.) (1995). *Kratiy test tvorcheskogo myshleniya. Figurnaya forma: Posobie dlya shkolnykh psikhologov* [Short Test of Creative Thinking. Figured Form: Manual for School Psychologists]. Saint Petersburg, 128 p.

- ative Thinking. The Figured Form: A Handbook for School Psychologists]. Moscow, INTOR Publ., 48 p.
- Shubin, A.V., Serpionova, E.I. (2007). *Assimetriya mozga i osobennosti verbal'noy kreativnosti* [Brain asymmetry and verbal creativity]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 4, pp. 89–98.
- Shumakova, N.B., Shcheblanova, E.I., Scherbo, N.P. (1991). *Issledovanie tvorcheskoy odarennosti s ispol'zovaniem testov E.P. Torrensa u mladshikh shkolnikov* [The use of Torrance tests in creativity and its development in junior schoolchildren studies]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 1, pp. 27–32.
- Sternberg, R.J., Lubart, T.I. (1999). *The Concept of Creativity: Prospects and Paradigms*. New York, Cambridge University Press, pp. 3–15.
- Thurstone, L.L. (1938). *Primary Mental Abilities*. Chicago, University of Chicago Press, 121 p.
- Torrance, E.P. (1974). *Torrance tests of creative thinking: Norms-technical manual*. Princeton, Personnel Press/Ginn, 178 p.
- Valueva, E.A. (2006). *Intellekt, kreativnost' i protsessy rasprostraneniya aktivatsii* [Intelligence, Creativity and the Processes of Spreading Activation]. *Psichologiya. Zurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 3, no. 3, pp. 130–142.
- Vinogradova, T.V., Semenov, V.V. (1993). *Sravnitel'noe issledovanie poznavatel'nykh protsessov u mužchin i zhenschin: rol' biologicheskikh i sotsial'nykh faktorov* [Comparative study of male and female cognitive sphere: Biological and social factors and their role]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. No. 2, pp. 63–71.
- Wechsler, D. (1958). *The Measurement and Appraisal of Adult Intelligence*. Baltimore, Williams and Wilkins, 324 p.
- Yong, L.M. (1994). Relations between Creativity and Intelligence among Malaysian Pupils. *Perceptual and Motor Skills*. Vol. 2, no. 79, pp. 739–742.

Received 08.02.2018

Об авторах

Дудорова Екатерина Валерьевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2856-6359

Шумкова Светлана Витальевна
младший научный сотрудник,
старший преподаватель кафедры психологии
и педагогики

Прикамский социальный институт,
614010, Пермь, ул. Куйбышева, 98а;
e-mail: shumkova.psy@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1517-0099

About the authors

Ekaterina V. Dudorova
Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2856-6359

Svetlana V. Shumkova
Junior Researcher, Senior Lecturer
of the Department of Psychology and Pedagogics
Prikamsky Social Institute,
98a, Kuybyshev str., Perm, 614010, Russia;
e-mail: shumkova.psy@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1517-0099

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дудорова Е.В., Шумкова С.В. Особенности вербальной и невербальной креативности у учащихся социального и художественного направления обучения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 271–277. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-271-277

For citation:

Dudorova E.V., Shumkova S.V. Features of verbal and non-verbal creativity of students who specialize in social sciences and arts // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 271–277.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-271-277

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.74:28(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-278-286

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Сироткин Павел Федорович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В светском государстве потребности духовного развития членов мусульманской уммы могут реализовываться путем совместного проведения органами власти и духовными управлениями мусульман соответствующего региона различных научно-теологических и духовно-культурных мероприятий. В ряде субъектов Российской Федерации существуют отработанные социальные практики сохранения духовного наследия мусульманских народов. В Пермском крае к таким социальным практикам можно отнести комплекс мероприятий, проходящих под общим названием «межрегиональный форум мусульманской культуры “Мусульманский мир”». Данный форум проводится с 2009 г., он стал традиционным мероприятием для мусульманской сообщества Пермского края. Современные практики сохранения духовного наследия мусульманских народов включают в себя большой спектр различных мероприятий — от научно-теологических до культурно-массовых с фольклорным компонентом. Это дает возможность включить в практическое действие по сохранению и распространению духовного наследия мусульманских народов максимально широкий круг заинтересованных лиц и социальных групп как в исламе, так и за его пределами. Исследование дает возможность предложить рекомендации для организаторов последующих форумов мусульманской культуры: поводить больше разных мероприятий в сфере исламской науки и исламского образования, активно привлекая знаменитых ученых-исламоведов России и зарубежья; расширять представленность духовных управлений мусульман и национальных диаспор из других регионов России; увеличить количество участников торговой выставки-ярмарки за счет приглашения производителей и поставщиков продукции «хаяль» из стран ближнего и дальнего зарубежья; проводить больше мероприятий с активным участием исламской молодежи.

Ключевые слова: сохранение наследия, ислам, мусульманские организации, религиозные традиции, социальные практики.

ON SOCIAL PRACTICES FOR PRESERVATION OF CULTURAL AND RELIGIOUS TRADITIONS OF MUSLIM PEOPLES LIVING IN THE PERM REGION

Pavel F. Sirotkin

Perm State University

In a secular state, the need for the spiritual development of Muslim Ummah members may be realized through various scientific, theological and cultural activities jointly organized by the authorities and Spiritual Administrations of the respective region. In a number of subjects of the Russian Federation, there are well-established social practices aiming to preserve spiritual heritage of the Muslim people. In the Perm region, such practices include a complex of events under the title «Interregional forum of Muslim culture “The Muslim world”». This forum has been held since 2009 and has become a traditional event for the Muslim community of the Perm region. Modern practices of preserving the spiritual heritage of Muslim peoples include a wide range of different

activities, from scientific and theological to cultural and folk ones. All these activities give an opportunity to involve a wide range of individuals and social groups, both belonging to Islam and not, in practical action aimed at the preservation and dissemination of the Muslim spiritual heritage. The current study offers some generalized recommendations for the organizers of the following meetings of Muslim culture: to hold more different events in the field of Islamic science and Islamic education, actively attracting famous scholars of Islamic studies from Russia and abroad; to expand the representation of the Spiritual Administrations of Muslims and ethnic communities from other regions of Russia; to increase the number of participants in trade fairs by inviting manufacturers and suppliers of products «Halal» from neighboring countries and beyond; to hold more events with the active participation of Islamic youth.

Keywords: heritage preservation, Islam, Muslim organizations, religious traditions, social practices.

Пермский край исторически формировался под воздействием северного (который можно условно назвать русским и христианским) и южного (который можно условно назвать булгарским и исламским) миграционных потоков. Занимая пустынные лесные и лесостепные пространства, русские и булгарские переселенцы вступали во взаимодействие с местными оседлыми коми-пермяцкими и кочевыми башкирскими племенами, что позволяет говорить о многонациональности региона как первичном факторе его формирования. Многонациональность и многоконфессиональность традиционны для Пермского края. По данным статистических источников население Пермского края по национальному составу структурируется следующим образом: 85,2 % — русские, 4,8 % — татары, 3,7 % — коми-пермяки, 6,3 % — другие национальности [Арена..., 2012, с. 203]. Анализируя религиозную составляющую, можно отметить, что 91 % верующих в Пермском крае — православные, и около 6–7 % мусульмане. По экспертным оценкам пермских ученых, количество жителей, называющих себя мусульманами, может достигать 380 тыс. человек [Религиозный атлас..., 2010, с. 50].

При характеристике социальной среды по религиозному признаку можно отметить, что регион является типичным для Российской Федерации (подавляющая доля населения идентифицирует себя православными), но при этом имеет сильные исторически сложившиеся исламские корни. В частности, многолетние исследования пермскими учеными Рождественского археологического комплекса в Карагайском районе Пермского края дают возможность предположить, что здесь находилось одно из самых северных поселений Волжской Булгарии — средневековый город Афкуль, в котором в домонгольский период проживало значительное количество мусульман [Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008]. По мнению Д.А. Шагавиева, города в Волжской Булгарии были центрами распространения Ислама, а количество суфийских шейхов и улемов в государстве достигало

значительной численности (более ста), что говорит о большой научно-религиозной деятельности в городах. [Шагавиев Д.А., 2018]. В императорской России пермский улем являлся членом совета улемов Оренбургского магометанского духовного собрания, а его участие 10–15 апреля 1905 г. в совещании, собранном по указанию председателя Кабинета министров Российской Империи С.Ю. Витте, указывает на значимый статус пермской мусульманской общины [Мухетдинов Д.В., 2012, с. 16]. Так же активно в Пермском крае до середины XX в. действовали последователи ишана Зайнуллы Расулева (ветвь накшбанди-халидий). По мнению Г.Д. Селяниновой, ишанизм был распространенным явлением в Пермском крае в начале XX в., последователи которого в 1948 г. попали под так называемое «Дело антисоветской организации ишанизма» [Селянина Г.Д., 2017].

Помимо татарского (4,59 %) и башкирского населения (1,3%) современная этническая картина Пермского края дополнена значительным числом мигрантов из регионов, традиционно исповедующих ислам. Чуть менее 1 % населения составляют этнические группы азербайджанцев, узбеков, таджиков, киргизов, казахов, чеченцев и иных народов Северного Кавказа [Население...].

Наличие значительной социальной группы мусульман, к тому же имеющей глубокие исторические корни на данной территории, предполагает необходимость сохранения и развития традиционного культурно-религиозного наследия этносоциальных групп, представляющих народы, традиционно исповедующие ислам. По мнению шейха Равиля Гайнутдина «...среди мусульманских народов бытует широкое отождествление национальной и религиозной принадлежности, а религиозный вопрос в равной степени затрагивает всех, независимо от их религиозных убеждений» [Гайнутдин Р., 1997, с. 128]. Исследования, проведенные в ряде национальных диаспор, подтверждают это высказывание. В частности, у более 60 % чеченских респондентов этническая и

религиозная (конфессиональная) идентичности обнаруживают тенденцию к слиянию [Павлова О.С., 2015, с. 87], а большая часть опрашиваемых татар, проживающих в г. Москве, отметили базовое значение ислама для них, фактическую тождественность мусульманской религии и татарской этнической идентичности [Опарин Д.А., Сафаров М.А., 2015, с. 148]. Д.А. Шагавиев предполагает, что уровень исламской самоидентичности и образованности был настолько высок, что только немногочисленные представители татарского народа становились христианами по собственно воле [Шагавиев Д.А., 2018, с. 55].

В традиционном исламском обществе социальную роль хранителей духовных традиций играют священнослужители при мечетях, в которых традиционно устраиваются начальные религиозные школы (мактабе) или средние религиозные школы (медресе), проводятся различные религиозно-духовные мероприятия, праздники, обряды. Мечеть имеет архитектурную неповторимость, с ней связаны особенности культурной исламской традиции.

В Пермском крае задачи сохранения и развития культурного и религиозного наследия исламских народов решаются более активно, при этом используются не только площадки при мечетях, но и возможности крупных выставочных комплексов, что позволяет участвовать в мероприятиях различным социальным группам жителей г. Перми и Пермского края.

Проведению массовых мероприятий по сохранению культурно-религиозных традиций народов, исповедующих ислам, способствует сложившаяся в последние годы своеобразная структура в исламской среде Пермского края. В регионе официально зарегистрированы и действуют две централизованных мусульманских организаций: Региональное духовное управление мусульман Пермского края в составе Центрального духовного управления мусульман России и Духовное управление мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат), входящее в структуры Духовного управления мусульман Российской Федерации. Каждая вышеупомянутая централизованная религиозная организация имеет в своей структуре специализированное религиозное учебное заведение (медресе «Тарик» и Пермский исламский колледж). При этом в течение последних лет централизованные религиозные организации безуспешно пытаются лицензировать их деятельность. Также периодически появляется информация о попытках перевести данные учебные заве-

дения в разряд филиалов исламских институтов или университетов. В частности, Пермский исламский колледж пытается организовать работу с Московским исламским университетом, а медресе «Тарик» — с Российским исламским университетом (г. Уфа). В муниципальных районах и городских округах региона зарегистрировано более 100 мусульманских организаций — махалля, из которых порядка 90 % относятся к Региональному духовному управлению мусульман Пермского края в составе Центрального духовного управления мусульман России.

Анализ национально-религиозного состояния населения Пермского края и результатов различных опросов общественного мнения, проводимых различными исследовательскими коллективами, показывает, что внутри региона имеются различные социальные группы, в разной мере позиционирующие себя по отношению к исламу. Да и в самом исламском сообществе сложились малые социальные группы, которые находятся на разных этапах духовного развития. Следует учесть и то, что и в неисламской среде есть определенный интерес к исламу как духовно-нравственному учению.

Авторские наблюдения и исследования в исламской среде позволяют отметить высокий уровень востребованности мероприятий, в которых сочетаются научно-теологические, просветительские и национально-культурные компоненты. При общении пермские мусульмане часто говорят о желании сохранить то духовное наследие, которое у них есть, при этом национальный компонент лаконично сочетается с религиозным.

С 2009 г. в Пермском крае реализуется необычный государственно-конфессиональный проект — межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир». Можно отметить, что к 2018 г. данный государственно-конфессиональный проект стал традиционным брендом мусульманского сообщества Пермского края, известным далеко за его границами. В частности, желание принять участие в VIII межрегиональном форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир — 2018» выразили не только мусульманские организации различных регионов Российской Федерации, но и представители религиозных организаций иностранных государств — Турции и Ирана. В связи с этим следует отметить, что администрация региона поддерживает проект только в том случае, если его организаторами и активными участниками являются одновременно и Региональное духовное управление мусульман

Пермского края в составе Центрального духовного управления мусульман России и Духовное управление мусульман Пермского края (Пермский муфтийский совет), входящее в структуры Духовного управления мусульман Российской Федерации. Делается это с целью снять возможную напряженность между двумя конкурирующими в мусульманской умме духовными организациями. Ежегодное проведение данного межрегионального форума позволяет применять различные социальные практики: от научно-практических и богословских конференций до демонстрации обрядовой практики народов, исповедующих ислам. В качестве вспомогательной площадки, ставящей целью сохранение культурно-религиозных традиций на территории Пермского края, можно отметить ежегодное проведение в осенний период религиозного праздника Курбан-байрам, в котором к религиозному компоненту присоединяется национально-культурный. Следует отметить, что мероприятие проводится в центральных районах города и традиционно привлекает значительное количество горожан. В среднем участниками мусульманского праздника Курбан-байрам становятся около 2000 горожан и гостей города.

Организаторы исламских мероприятий используют различные социальные практики с целью максимального охвата всех потенциально желающих, в той или иной мере относящих себя к исламу или интересующихся исламом. Интерес к своей духовной культуре, своим национальным традициям, а также интерес к религии, которую исповедовали предки или исповедуют в настоящий момент члены референтной социальной группы, может привести человека на мероприятие. Поэтому участие в мероприятии может дать возможность впервые или более подробно соприкоснуться с национальным и религиозным наследием, а далее позволит сформировать интерес в данном направлении. Анализируя мероприятия, проведенные в 2009 г. на первом форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2009», можно отметить, что они были разделены на три группы: торгово-развлекательная, научно-теологическая и информационно-познавательная. При этом в приоритете были развлекательная и познавательная группы. Торговая площадка с товарами «для всех» (мед, орехи, сухофрукты, рыба) и товарами «для мусульман» (религиозная атрибутика, духовная литература, продукты «халль») была «дополнена» сценой, где выступали самодеятельные художественные и фольклорные татарские и башкирские коллективы. Основой

выставочной экспозиции был стенд с исламской реликвией — волосом пророка Мухаммеда, который дополняли стенды, демонстрирующие раскопки в Афкуле, рассказывающие про проникновение ислама в Прикамье. Вызвал интерес и впервые проводимый в регионе открытый конкурс чтецов Корана. Научно-теологическая часть была представлена конференцией «История ислама на Урале», в которой помимо пермских ученых приняли участие ученые Российского исламского университета г. Уфы, и круглым столом «Современные проблемы межрелигиозного дискурса». С целью активизации участия социальной группы молодежи в дни форума организованы круглый стол «Молодежь и образование» и презентация молодежного мусульманского движения.

Исследовательская группа провела опрос всех посетителей и участников первого форума (6000 чел., сплошное исследование, метод анкетного опроса). Опрос показал, что 76 % посетителей форума — жители г. Перми, 23 % — жители муниципальных районов Пермского края и 1 % — гости региона, при этом мусульманами себя назвали 72 % пришедших. Одним из факторов прихода лиц, не относящихся к социальной группе мусульман, является продажа различных товаров и интерес к святыням иной религии. При этом у мусульман и у немусульман наиболее существенными причинами участия являются: для 50 % — общий обзор выставки, для 36 % — желание увидеть волос пророка Мухаммеда. Далее следуют утилитарные потребности: 35 % — приобретение мусульманской атрибутики, печатных изданий, 23 % — покупка других товаров (мед, продукция «халль»). Лица, пришедшие в первую очередь, чтобы что-то приобрести, указали товары наиболее интересные: 49 % — мед и продукты пчеловодства, 47 % — мусульманская атрибутика, одежда, головные уборы и другие товары «халль», 26 % — декоративно-прикладное искусство и народные промыслы, 23,3 % — духовная и национальная художественная литература.

Опрос участников форума, представлявших научные, религиозные и торговые мусульманские организации, показал, что значимой целью для их участия в форуме является общение с представителями национальных диаспор (52 %), возможность рассказать людям о культуре и религии ислам (41 %), для 35 % — общение с представителями духовных управлений мусульман.

У 92 % опрошенных посетителей и участников оправдались ожидания от форума, 96 % посетите-

лей выразили желание прийти на выставку и в следующем году.

Несмотря на достигнутые результаты, итоги форума показали, что не удалось охватить все социальные группы, соприкасающиеся с исламом или находящиеся внутри него. Неохваченными оказались социальные группы мусульман-предпринимателей, активистов женского исламского движения, государственных и муниципальных служащих, организующих взаимодействие с мусульманскими религиозными группами на местах, районные, сельские, школьные музеи истории и духовного наследия мусульманских народов, мусульмане — коллекционеры исторических исламских памятников.

В 2010 г. был проведен второй межрегиональный форум «Мусульманский мир: исламская экономика и финансы», который охватил социальную группу мусульман-предпринимателей и лиц, интересующихся исламскими банкингом, исламскими стандартами в экономике, этикой исламского бизнеса. Однако форум, ориентированный на одну социальную группу, оказался невостребованным широкими слоями мусульман. В России принципы исламского бизнеса малоизучены и, следовательно, мало внедрены в практическую жизнь. Исламская экономика имеет существенные ограничения, наложенные Аллахом, в частности, запрет на ростовщичество, стяжательство, спекуляцию и многое другое. По мнению арабского ученого муфтия Таки Усмани, в ситуации, когда вся современная финансовая система основана на ростовщичестве, сложнейшей задачей стало построение финансовых институтов, свободных от ссудного процента [Усмани М.Т., 2013, с. 7].

С 2013 г. межрегиональный форум «Мусульманский мир» проводится ежегодно, и при его проведении учитываются данные социологических исследований, проводящихся в исламской среде. Анализируя мероприятия прошедших четырех форумов, можно отметить, что главный вектор основных мероприятий форумов сместился с представителей социальных групп, плохо представляющих себе ислам, на представителей социальных групп, которые находятся на этапе устойчивого интереса к данному вероучению. По мнению организаторов форума, смещение вектора связано с тем, что с 2009 по 2014 г. количество посетителей мероприятия выросло с 6000 до 20000 человек и в последние 2 года не увеличивается. Возможно, социальная база исчерпана и лица, имевшие хоть какой-нибудь интерес к данному религиозному учению, уже вовлечены в фо-

румные мероприятия. Поэтому организаторами форума принято решение не стремиться привлечь новых участников форума, а стремиться закрепить у участников форума возникший интерес к исламу. В этом направлении на первый план выходят мероприятия, расширяющие кругозор по исламской проблематике, рекламирующие нужные книги, телепередачи и фильмы, диспуты на духовно-нравственную и религиозную тематику, презентации возможностей дальнейшего религиозного развития с использованием элементов духовного наставничества имамов и отечественных исламских учебных заведений.

Такие мероприятия важны и для государства, так как на этом этапе духовного развития мусульманин очень зависим от своего социального окружения, усиленно ищет свой духовно-религиозный путь, который при попадании в совсем иное — радикальное религиозное русло и связанную с ним социальную среду может привести гражданина России в экстремистские организации религиозной направленности. Одна из особенностей попадания гражданина в экстремистские ряды — его малограмотность в вопросах вероучения. По мнению ряда ученых «обучение мучеников Аллаха (точнее, его отсутствие, за исключением изучения положений корана о радости самопожертвования ради аллаха), таково, что не только молодежь, но и взрослое население мало знает об окружающем их мире» [Волкова Л.В. и др., 2012, с. 32]. На III межрегиональном форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2013» этот этап поддерживали такие социальные практики, как круглый стол «Развитие Ислама в регионах России» и «Сотрудничество регионов России в сфере исламской культуры народов, традиционно исповедующих Ислам». На IV межрегиональном форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2014» проведены исторические исламские чтения, организованы круглый стол «Ислам традиционный и вымысел», показ и обсуждения документальных фильмов из цикла «Мусульмане, которыми гордится Россия». Название V межрегионального форума мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2015» было сформулировано так: «Противодействие вызовам радикализма в современном исламе»; VI межрегионального форума: «Роль Духовных управлений мусульман и общественных объединений в пропаганде ислама как религии мира» и «Опыт Духовных управлений мусульман регионов в развитии исламского образования, подготовке духовных лидеров и актива

мусульманских общин». На VII межрегиональном форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2017» были организованы круглые столы по темам: «Ислам традиционный и вымышенный»; «Ислам в Интернете: вымысел и традиции»; «Работа общественных организаций и национально-культурных объединений в отношении адаптации мигрантов»; «Развитие ислама в регионах России: достижения и трудности»; «Ислам и деятельность религиозных организаций в преодолении экстремизма»; «Предпринимательская активность мусульман»; «Традиционные семейные ценности в исламе».

В качестве исключения на всех межрегиональных форумах «Мусульманский мир» можно выделить одиночные мероприятия, ориентированные на мусульман, глубоко знающих ислам, что связано с явно недостаточным количеством в регионе ученых и богословов, имеющих целостные знания об исламе. К таким мероприятиям можно отнести: «Традиции ислама» (III межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2013»), ведущим которого был известный исламский ученый и общественный деятель Рустам Батров; «Проблемы и перспективы развития мусульманской общины России» (V межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2015»), ведущий — президент Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. Ломоносова Михаил Мейер; «Противодействие вызовам радикализма в современном мусульманском обществе» (VI межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2016»), ведущий — известный исламский ученый Дамир Шагавиев.

Не забыты и социальные группы мусульман, объединяющие представителей народов, исповедующих ислам, но исторически не проживавших в Пермском крае (представители Закавказья и Средней Азии). В развитие тематики на IV межрегиональном форуме мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2014» проведено мероприятие «Новые этнические диаспоры Пермского края: взгляд на ислам».

С 2015 г. работа форумов содержит и гендерный фактор. Проводятся мероприятия, направленные на социальную группу женщин-мусульманок: ежегодное заседание женского клуба «Искренность» при Пермской соборной мечети; закрытый показ коллекции моделей мусульманской женской одежды «Исламский наряд: весна–лето 2013» и «Исламский наряд: весна–лето 2014» компании

«Аль-баракят» (на III и IV межрегиональных форумах мусульманской культуры); «Традиционная семья в эпоху перемен: исламская культура родительства и детства в современной России» и закрытый показ женской исламской моды «Весна–лето 2015» компании IRADA и REZEDA SULEYMAN (V межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2015»); круглый стол, посвященный вопросам природы и предназначения женщины в исламе (VII межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2017»).

После неудачного проведения второго форума в 2010 г. для социальной группы мусульман-предпринимателей в рамках последующих форумов проводятся отдельные несистемные мероприятия: семинар «CONFESSION FASHION. От мусульманской моды к рынку» (V межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2015»), конференция Ассоциации предпринимателей-мусульман РФ под председательством президента Ассоциации М.В. Кабаева (VI межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2016»).

Отдельно можно отметить религиозные святыни, наличие которых способствовало появлению дополнительного интереса к проведению форумов у ряда социальных групп. В 2013 г. культурно-историческую экспозицию украшают религиозные ценности Казанского кремля: единственный в России фрагмент Священной Кисвы (традиционного покрывала из черного шелка, украшенного узором из золотых нитей, закрывающего стены Каабы) и коллекция миниатюрных коранов. В 2014 г. — Волос пророка Мухаммада, Коран Османа (1905 г.) и коллекция шамаилей XIX–XX вв. В 2015 г. — более 200 предметов декоративно-прикладного искусства из Государственного музея Востока (Москва) и Фонда «Марджани» (Москва), а также кораны начала XVIII – середины XIX в. из коллекции краевой библиотеки. В 2016 г. — реликвии Пророка Мухаммада из Дагестана — чаша и волос Пророка. В 2017 г. — экспозиция «Страницы Священного Корана», в которой были представлены работы мастеров прошлого в искусстве оформления Священного Корана и разнообразие каллиграфических форм его написания. Следует отметить, что ежегодное участие коранической тематики в той или иной форме является отражением более древних процессов в духовной сфере мусульман. Так, казанским исследователем Р. Сафиулиной-Аль Анси отмечается, что споры вокруг подходов и переводов Корана отражали глубинные процес-

сы, происходившие среди российских мусульман на рубеже XIX–XX вв., а текст Священного писания мусульман был ключевым элементом дискуссии джадидистов и кадимистов [Сафиуллина-Аль Анси Р.Р., 2018, с. 48].

Наличие в мусульманской умме отдельной социальной группы знатоков Корана позволяет внести в социальную практику форумов отдельное большое мероприятие: конкурс чтецов Корана. Знание Корана высоко поднимает мусульманина в своей социальной группе. В Коране сказано: «...Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание, на разные степени» [Коран, 58–11]. Начавшийся как межрегиональный конкурс, собирающий вместе знатоков Корана близлежащих территорий, с 2016 г. конкурс проводится как всероссийский. Конкурс ежегодно определяет победителей по четырем номинациям: «Знание всего Корана наизусть», «Знание десяти последних частей (джузов) из Корана наизусть», «Знание пяти последних частей (джузов) из Корана наизусть» и «Знание двух последних частей (джузов) из Корана наизусть». В последние два года в дополнение к этому конкурсу проводится «Конкурс Мунаджатов», целью которого является популяризация мусульманских традиций среди населения и привлечение внимания к сохранению национального фольклора.

По мнению муфтия шейха Равиля Гайнутдина, для мусульман сохранение мира, воспитание миролюбия связаны в первую очередь с формированием личности мусульманина [Гайнутдин Р., 2006, с. 1]. Анализируя личностный и культурный состав членов уммы, мы видим, что ее члены находятся на различных этапах своего духовного развития. Следовательно, социальные практики по сохранению духовного развития ислама должны применяться максимально разнообразные, рассчитанные на максимальное привлечение членов уммы к мероприятиям. Чем больше граждан познакомится с духовным наследием той или иной религиозной культуры, тем спокойнее будут восприниматься в обществе носители этой религиозной культуры, в данном случае будет устойчивее положение исламской уммы в социуме, а с социокультурной точки зрения — исламская культура окажет все большее влияние на иные культуры окружающих социальных групп. В качестве примера можно привести влияние ислама на русскую и европейскую культуру, в результате чего мы можем читать стихи на исламские мотивы классиков русской культуры — А. Пушкина,

М. Лермонтова, И. Бунина, а также европейских поэтов И. Гете, Р. Рильке, А. Мицкевича.

Предложения, поступающие от участников и гостей форумов, дают возможность разработать обобщенные рекомендации для организаторов следующих форумов мусульманской культуры: проводить больше разных мероприятий в сфере исламской науки и исламского образования, активно привлекая знаменитых ученых-исламоведов России и зарубежья; расширять представленность духовных управлений мусульман и национальных диаспор из других регионов России; увеличить количество участников торговой выставки-ярмарки за счет приглашения к участию производителей и поставщиков продукции «халяль» из стран ближнего и дальнего зарубежья; проводить больше мероприятий с активным участием исламской молодежи.

В светском государстве потребности духовного развития членов мусульманской уммы могут реализовываться путем совместного проведения органами власти и духовными управлениями мусульман научно-теологических и духовно-культурных мероприятий. В ряде регионов Российской Федерации существуют отработанные социальные практики по сохранению духовного наследия мусульманских народов. Современные практики сохранения духовного наследия мусульманских народов включают в себя большой спектр различных мероприятий — от научно-теологических до культурно-массовых с фольклорным компонентом. Эти мероприятия позволяют привлечь к сохранению и распространению духовного наследия мусульманских народов максимально широкий круг заинтересованных лиц, социальных групп.

Список литературы

Арена: Атлас религий и национальностей. Российской Федерации. М.: Исследовательская служба «Среда», 2012. 240 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула. Археология Пермского края / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с.

Волкова Л.В., Кичаев А.А.; Затулко И.И., Ситнова Л.И., Ильин Е.П. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи муниципальных образований: сб. итоговых матер. науч.-практ. семинаров, проведенных в г. Москва, г. Ростов-на-Дону, г. Ставрополь, г. Сочи. М.: Нефть и газ, 2012. 226 с.

Гайнутдин Р. Ислам вера милосердие терпимость. М.: Изд-во им. К. Якуба, 1997. 150 с.

Гайнутдин Р. Приветствие // Материалы международной конференции на тему «Ислам победит терроризм». М., 2006. 98 с.

Коран. Сура 58. Препирательство. Аят 12(11).

Мухетдинов Д.В. Мусульманское сообщество России в региональном и глобальном измерениях: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Лобачевского, 2012. 226 с.

Население Пермского края / Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Пермского_края (дата обращения: 09.03.2018).

Опарин Д.А., Сафаров М.А. Некоторые аспекты религиозной жизни московских татар (по материалам этносоциологического исследования 2014 года) // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 147–158.

Павлова О.С. Религиозная (исламская) и гражданская идентичность в России: состояние, перспективы // Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Ибрагима Гаспринского: исторический опыт и современная актуальность: матер. Юбилейной X Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Фаизхановские чтения». М.: ИД «Медина», 2015. Ч. 2. С. 81–87.

Религиозный атлас Пермского края / под ред. М.Г. Писманика. Пермь: ЦРСИ, 2010. 54 с.

Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. Книга на арабском языке мусульман Волго-Уральского региона. Казань: БИА, 2018. 162 с.

Селянинова Г.Д. В поисках последователей Зайнуллы Расурова: изучение ишанизма в Пермском крае в XX в. на основании устных исторических источников // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13, № 3. С. 159–170. DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-3-159-170.

Усмани М.Т. Введение в исламские финансы. М.: Исламская книга, 2013. 140 с.

Шагаев Д.А. Татарская богословско-философская мысль (XIX – начало XX века): курс лекций. Казань: БИА, 2018. 168 с.

Получено 10.03.2018

References

Arena: Atlas religij i nacional'nostej. Rossijskaya Federaciya [Arena: Atlas of religions and nationalities. Russian Federation]. (2012). Moscow, Research Service «Wednesday», 240 p.

Belavin, A.M., Krylasova, N.B. (2008). Drevnyaya Afkula. Arkheologiya Permskogo kraya [The Ancient Afkula. Archeology of the Perm region]. Perm, PSPU, 603 p.

Gaynutdin, R. (1997). Islam vera miloserdie terpimost [Islam is the faith, mercy, tolerance]. Moscow, K. Yakub's Publ., 150 p.

Gaynutdin, R. (2006). Privetstvie [Greeting]. Materiały mezhdunarodnoy konferentsii na temu «Islam pobedit terrorizm» [Materials of the international conference on «Islam will defeat terrorism】. Moscow, 98 p.

Koran. Ayat 12(11). Sura 58. Prepiratelstvo [The Quran. Ayah 12(11). Surah 58. She who Disputes].

Mukhetdinov, D.V. (2012). Musulmanskoе soobschestvo Rossii v regional'nom i global'nom izmereniyakh: uchebnoe posobie [The Muslim community of Russia in regional and global measurements: the textbook]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky UNN Publ., 226 p.

Naselenie Permskogo kraya / Wikipedia [Population of Perm region. Wikipedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Пермского_края (accessed 09.03.2018).

Oparin, D.A., Safarov, M.A. (2015). Nekotorye aspekty religioznoy zhizni moskovskikh tatar (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya 2014 goda) [Some aspects of Moscow tatar religious life (based on ethno-sociological data gathered in 2014)]. Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]. Vol. 11, no. 1, pp. 147–158.

Pavlova, O.S. (2015). Religioznaia (islamskaya) i grazhdanskaya identichnost v Rossii: sostoyanie, perspektivy [Religious (Islamic) and civil identity in Russia: current state, perspectives]. Reformy obrazovaniya musulman Evrazii ot Khusaina Faizhanova do Ismaila Gasprinskogo: istoricheskiy opyt i sovremenennaya aktualnost. Materialy Yubileynoy Kh Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Faizhanovskie chteniya» [Reforms in Eurasia Muslims education from Khusain Faizhanov to Ismail Gasprinsky: historical experience and modern relevance. Materials of the Anniversary X all-Russian scientific and practical conference with international participation «Faizhanov readings】. Moscow, Medina Publ., pt. 2, pp. 81–87.

Pismanik, M.G. (ed.) (2010). Religioznyy atlas Permskogo kraya [Religious Atlas of the Perm region]. Perm, CRSI Publ., 54 p.

Safiullina-al ANSI, R.R. (2018). Kniga na arabskom yazyke musulman Volgo-Uralskogo regiona [Book of the Volga-Ural Muslims in Arabic language]. Kazan, BIA Publ., 162 p.

Selyaninova, G.D. (2017). V poiskakh posledovateley Zaynully Rasuleva: izuchenie ishanizma v Permskom krae v XX v. na osnovanii ustnykh istoricheskikh istochnikov [Following Zaynullah Rasulev's successors: ishanism in XX century Perm Region according to oral historical sources]. Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]. Vol. 13, no. 3, pp. 159–170. DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-3-159-170.

Shageev, D.A. (2018). Tatarskaya bogoslovsko-filosofskaya mysль (XIX – nachalo XX veka): kurs lektsiy [Tatar theological and philosophical thought (XIX – be-

ginning of XX centuries): lectures]. Kazan, BIA Publ., 168 p.

Volkova L.V., Kichaeva A.A., Zatulko I.I., Sit-nova, L.I., Ilyn E.P. (2012). *Formy i metody protivodeystviya rasprostraneniyu ideologii ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi. Rol' i zadachi munitsipalnykh obrazovaniy. Sbornik itogovykh materialov nauchno-prakticheskikh seminarov, provedenykh v g. Moskva, g. Rostov-na-Donu, g. Stavropol', g. Sochi* [Forms and methods of combating the spread of the extremism and

terrorism ideology among young people. The role and tasks of municipalities. Collection of scientific and practical seminars materials held in Moscow, Rostov-on-don, Stavropol, Sochi]. Moscow, Neft' i gaz Publ., 151 p.

Usmani, M.T. (2013). *Vvedenie v islamskie finansy* [Introduction to Islamic Finance]. Moscow, Islamskaya kniga Publ., 140 p.

Received 10.03.2018

Об авторе

Сироткин Павел Федорович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: spf@list.ru
ORCID: 0000-0002-2838-7679

About the author

Pavel F. Sirotkin
Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: spf@list.ru
ORCID: 0000-0002-2838-7679

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткин П.Ф. К вопросу о социальных практиках сохранения культурно-религиозных традиций мусульманских народов, проживающих в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 278–286. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-278-286

For citation:

Sirotkin P.F. On social practices for preservation of cultural and religious traditions of Muslim peoples living in the Perm region // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 278–286.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-278-286

УДК 316.342.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-287-296

**МОДЕЛИ И ДИНАМИКА ПОВЕДЕНИЯ, СВЯЗАННОГО
СО ЗДОРОВЬЕМ, ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНЫХ РОССИЯН***

Лебедева-Несевря Наталья Александровна

*Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления
рискаами здоровьем населения,
Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Маркова Юлия Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На основании материалов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) дается характеристика поведения, связанного со здоровьем, экономически активного населения России. Показано, что россияне слабо вовлечены в активные действия по сбережению собственного здоровья — согласно опросу 2016 г. большинство респондентов не занимаются физической культурой, половине опрошенных не удается изо дня в день соблюдать рациональный режим питания, треть выборочной совокупности являются курящими. Значительную распространенность имеет самолечение — среди испытывавших в течение последнего месяца проблемы со здоровьем большинство к врачу не обращались, «лечились самостоятельно». Анализ динамики поведенческих практик, связанных со здоровьем, за период с 2006 по 2016 г. показал сокращение доли курящих (в отличие от интенсивности курения) среди экономически активного населения и рост числа хотя бы иногда занимающихся физической культурой. Фактически не изменились доли приверженных самолечению и пренебрегающих профилактическими осмотрами. С помощью кластерного анализа выделены группы, значимо отличающиеся друг от друга по реализуемым моделям поведения, связанного со здоровьем: «высоко заинтересованные», «умеренно заинтересованные», «непоследовательные», «пассивные», «деструктивные». Установлено, что среди подавляющего большинства экономически активных россиян здоровьесохранные практики реализуются слабо, только пятая часть являются «высоко» или «умеренно заинтересованными» в сохранении своего здоровья. Представлены социально-демографические портреты выделенных социальных групп. Показано, что рискованное (непоследовательное, деструктивное) поведение в сфере здоровья свойственно, прежде всего, мужчинам, пассивное — женщинам; кроме этого, подобные модели более характерны для людей, занимающих невысокое социальное положение в структуре российского общества.

Ключевые слова: экономически активное население, поведение, связанное со здоровьем, паттерны поведения.

**HEALTH-RELATED BEHAVIOR OF ECONOMICALLY ACTIVE
RUSSIANS: MODELS AND DYNAMICS**

Natalia A. Lebedeva-Nesevria

*Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies,
Perm State University*

Yulia S. Markova

Perm State University

The paper defines the characteristic features of health-related behavior typical of economically active Russians, which is done based on the results of Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS). It is shown that Rus-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (проект МД-281.2017.6).

sians are not involved into active practices of health preservation — most of them do not do any physical exercises, half of the respondents hardly have three meals per day, one third of the respondents smoke. Self-medication is widespread among economically active population — most of those who had had health problems during last 30 days on the day of the survey had not attended the doctor. The analysis of health-related behaviors from 2006 to 2016 shows the lack of dynamics. The only changes that have been revealed are the reduction in the number of smokers (from 43 % in 2006 to 34 % in 2016) and increase in the number of those who do physical exercises at least once a week (from 21 % in 2006 to 32 % in 2016). The percentage of respondents that prefer self-medication and avoid preventive medical examinations did not change significantly. The authors used cluster analysis as a method to identify types of health-related behavior among economically active population in Russia. As a result, four groups differing by the type of health-related behavior were revealed: those demonstrating «high interest in health protection», «moderate interest in health protection», «inconsistent behavior», «passive behavior» and «destructive (risk) behavior». Only fifth part of the respondents can be associated with high or moderate interest in health protection. The authors proved that risk health-related behavior is typical of men, while passive health-related behavior — of women. People with low socio-economic status also tend to such types of behaviors.

Keywords: economically active population, health-related behavior, models of behavior.

Введение. Демографические проблемы современной России (высокая смертность и низкая продолжительность общей и здоровой жизни [Вишневский А.Г. и др., 2017]) ставят под угрозу возможности устойчивого социально-экономического развития и успешность модернизации, декларируемые на самом высоком уровне [Послание..., 2018]. Нарастающая труднодостаточность формирует серьезнейший вызов отечественной системе здравоохранения, нацеленной на решение приоритетной задачи снижения заболеваемости и смертности от ведущих неинфекционных заболеваний (болезней системы кровообращения, травм и отравлений) среди экономически активного населения. Неинфекционные заболевания определяются преимущественно действием поведенческих факторов риска [Неинфекционные..., 2017], что является одной из важнейших угроз национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан [Стратегия..., 2015].

Доказанная взаимосвязь поведенческих факторов с заболеваемостью и предотвратимой смертностью населения [Magmot M., Allen J.J., 2014] актуализирует создание системы мониторинга рисков развития неинфекционных заболеваний среди различных контингентов [Потемкина Р.А., Глазунов И.С., 2007]. Изучение поведения, связанного со здоровьем (health-related behavior [Waldorn I., 1988]), на основе результатов социологических опросов регулярно осуществляется в России на региональном уровне [Филиппов Е.В., 2015; Боломожнов А.М. и др., 2016]. Однако обзора динамики поведенческих практик, ассоциированных со здоровьем, и характеристики поведенческих паттернов экономически активного населения России пока не проводилось.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения к приоритетным факторам риска возникновения неинфекционных заболеваний следует относить низкий уровень физической активности, нездоровое питание, злоупотребление алкоголем и курение [Неинфекционные..., 2017]. Кроме того, значимый вклад в здоровье граждан вносит уровень ответственности медицинского поведения (своевременность обращения к врачу, прохождение профилактических осмотров и отказ от самолечения). Эпидемиологические исследования на российских выборках показывают, что недостаточный уровень ответственности и медицинская пассивность граждан являются основными факторами запущенности онкологических заболеваний [Чистяков С.С. и др., 2001; Старостина М.А., Афанасьева З.А., 2008] и низкой эффективности терапии вследствие некомплиантного поведения [Данилов Д.С., 2008].

Цель исследования — описать и типизировать поведенческие практики, связанные со здоровьем, экономически активного населения России.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой исследования стали материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) [Российский мониторинг...; Russia...] за 2006–2016 гг. (15–25-я волна). Из общего объема выборочной совокупности, репрезентирующей население России, была сформирована подвыборка экономически активного населения. Критериями для включения единиц наблюдения в подвыборку являлись а) выбор респондентом работы в качестве основного занятия, б) нахождение в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске, в) поиск работы и готовность к ней приступить.

Критерии сформированы на основании рекомендаций Международной организации труда; соответствие хотя бы одному из критериев выступало достаточным основанием для включения в анали-

зирующую подвыборку. Социально-демографические характеристики выборочных совокупностей по каждому году мониторинга представлены в таблице.

Характеристики выборочной совокупности (по каждому году мониторинга)

№ n/n	Характеристики	Год									
		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Объем выборочной совокупности (чел.)	5106	4973	4806	4680	8386	8298	8234	7655	6076	5784
2	Доля мужчин (%)	46	47	46	45	47	47	46	47	47	47
3	Доля женщин (%)	54	53	54	55	53	53	54	53	53	53
4	Доля занятых в экономике (работающие) (%)	91	92	92	91	90	90	90	92	91	91
5	Доля молодежи (до 30 лет) (%)	28	28	28	27	29	28	28	26	26	25
6	Доля лиц пенсионного возраста (%)	9	9	11	12	11	11	11	12	12	13
7	Доля имеющих высшее образование (%)	25	26	26	27	30	30	30	31	32	33

Поведение, связанное со здоровьем, описывалось с помощью переменных, отражающих а) поведение риска, б) превентивное поведение и в) поведение, связанное с лечением и самолечением [Бурмыкина О.Н., 2006]. Первая группа поведенческих практик характеризовалась на основании ответов на вопрос об активном курении («Вы курите в настоящее время?») и употреблении алкоголя («Как часто Вы употребляли алкогольные напитки в течение последних 30 дней?»). Вторая группа — на основе ответов респондентов на вопросы о режиме питания («Удается ли Вам в целом питаться регулярно, не реже 3 раз в день, изо дня в день?») и физической активности («Какой из вариантов описания лучше всего соответствует Вашим занятиям физкультурой? Пожалуйста, не учитывайте физические нагрузки на работе»). Третья группа — через анализ ответов респондентов на вопросы о регулярности посещения врача с профилактической целью («В течение последних трех месяцев Вы показывались медицинскому работнику для прохождения профилактического осмотра, а не потому что были больны?») и самолечении («Что Вы сделали, чтобы решить те проблемы со здоровьем, которые возникали у Вас в течение последних 30 дней?»).

Для выделения типов поведения, связанного со здоровьем, среди экономически активного населения на этапе анализа данных опроса в

2016 г. (25-я волна) был применен кластерный анализ методом К-средних. С учетом специфики ответов респондентов общее число наблюдений, включенных в кластерный анализ, составило 1021.

Результаты и их обсуждение. Поведение в сфере здоровья экономически активного населения России нельзя назвать ориентированным на самосохранение. Так, по данным опроса 2016 г. большинство респондентов (63 %) вообще не занимаются физической культурой, половине опрошенных (49 %) не удается изо дня в день соблюдать рациональный режим питания, треть (34 %) выборочной совокупности являются куришими, пятая часть (20 %) употребляют алкоголь чаще одного раза в неделю. Посещение врачей с профилактической целью является редкой практикой среди экономически активных россиян (только 20 % опрошенных проходили профилактические осмотры в течение последних 3 месяцев), в отличие от самолечения — 68 % испытывавших в течение последнего месяца проблемы со здоровьем к врачу не обращались, «лечились самостоятельно».

За последние 10 лет наблюдается некоторая динамика приверженности экономически активных граждан как превентивным, так и рискогенным поведенческим практикам. Так, доля курищих в изучаемой группе ощутимо сократилась —

с 43 % в 2006 г. до 34 % в 2016 г. Увеличилась доля хотя бы иногда занимающихся физической культурой — с 21 % в 2006 г. до 32 % в 2016 г. Однако, несмотря на определенный рост доли лиц, отказывающихся от табакокурения, остается на протяжении анализируемых лет фактически неизменным количество выкуриваемых сигарет среди тех, кто курит (с 2006 г. по 2014 г. в среднем курящие выкуривали 16 сигарет в день, в 2015–2016 гг. — 15 сигарет). Доля респондентов,

занимающихся физической культурой с частотой и интенсивностью, рекомендованной Всемирной организацией здравоохранения [Глобальные..., 2010], остается по-прежнему крайне низкой (рост с 7 % в 2006 г. до 13 % в 2016 г.).

На рис. 1 представлена распространность поведенческих практик, связанных со здоровьем, среди экономически активных россиян за период с 2006 по 2016 г.

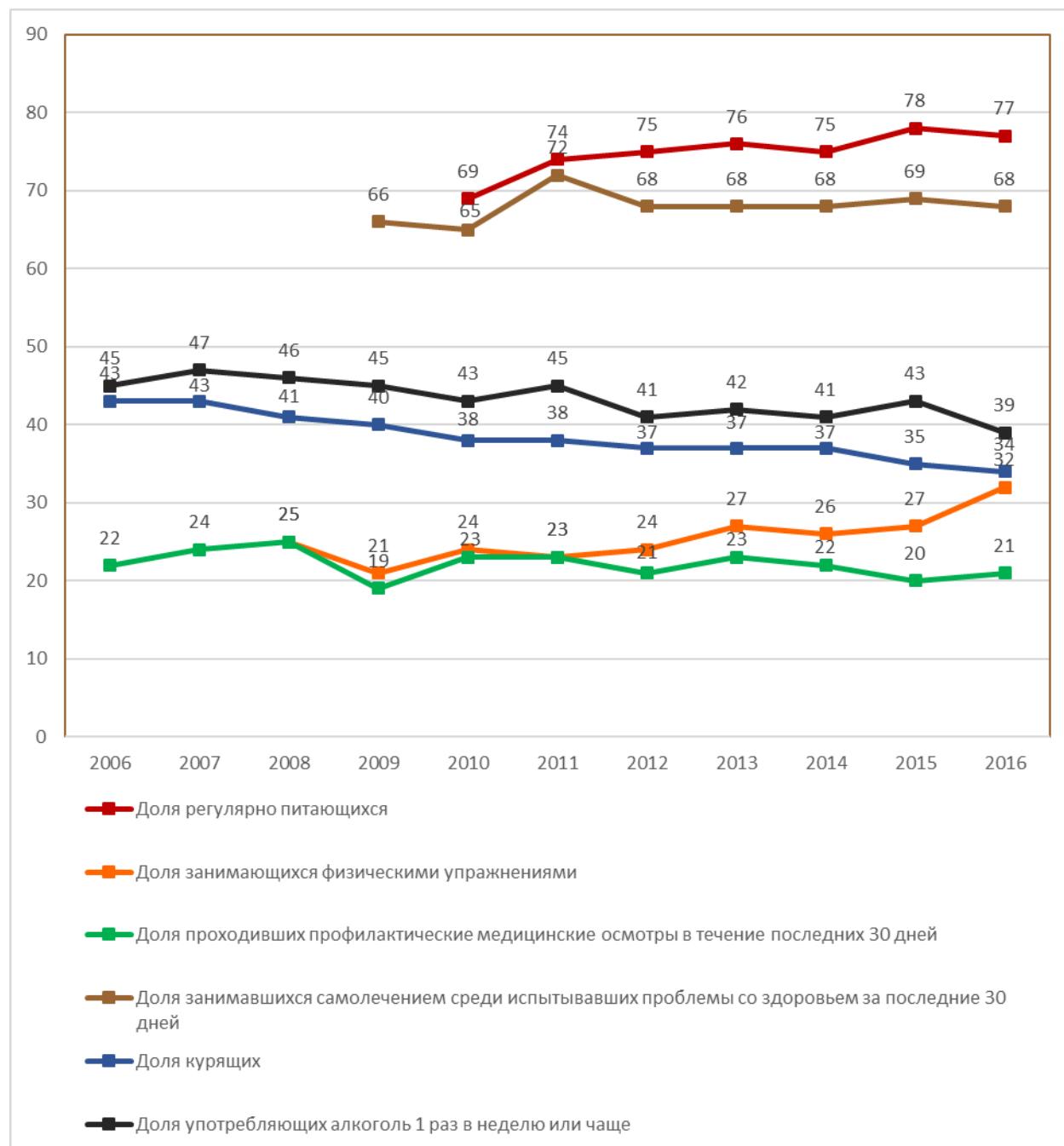

Рис. 1. Динамика поведенческих практик, связанных со здоровьем, экономически активного населения России (%)

Как видно на рис. 1, не снижается и даже несколько увеличивается число людей, которые отдают предпочтение самостоятельному лечению без обращения к медицинским работникам и не осуществляют регулярные профилактические осмотры. Очень медленно меняется поведение экономически активной части населения по отношению к употреблению алкогольных напитков. К 2016 г. лишь на 3 % увеличилась доля респондентов, относительно редко (менее одного раза в месяц) употребляющих алкоголь (23 %), на 6 % уменьшилась доля тех, кто употребляет алкогольные напитки очень часто — более одного раза в неделю (14 %). Отсутствие профилактики и своевременной диагностики заболеваний, отказ от лечения в специализированных медицинских учреждениях, пренебрежение физическими упражнениями на фоне регулярного употребления алкогольных напитков — повышают риски здоровью и снижают ресурсный потенциал экономически активных россиян.

Кластерный анализ данных опроса за 2016 г. позволил выделить пять основных кластеров — социальных групп в экономически активном населении России, значимо отличающихся друг от друга по реализуемым поведенческим паттернам в сфере здоровья ($p < 0,001$ по критерию Краскела—Уоллеса для каждого кластеризующего признака).

Первая группа, условно названная «высоко заинтересованные», включает в себя людей, в наибольшей степени проявляющих заботу о своем здоровье. Среди них большинство посещает врача не менее одного раза в год (1 раз — 25 %, 2–3 раза — 49 %), около половины (46 %) в случае болезни обращаются за медицинской помощью, а не прибегают к самолечению, еще около трети (30 %) за последние три месяца к моменту опроса обращались к медицинскому работнику для профилактического осмотра. Большинство «высоко заинтересованных» (88 %) в сохранении своего здоровья регулярно питаются (не реже 3 раз в день, изо дня в день). Все представители данной группы в той или иной мере занимаются физкультурой (среди них: 67 % делают легкие физические упражнения для отдыха менее 3 раз в неделю, 25 % — физкультурные упражнения средней или высокой тяжести менее 3 раз в неделю, 8 % — физкультурные упражнения высокой тяжести по крайней мере 3 раза в неделю 15 минут и более).

Большинство (78 %) представителей первого кластера не курят, кроме этого, они сравнительно более редко употребляют алкогольные напитки (в течение последнего месяца к моменту проведения исследования чуть более половины (54 %) употребляли алкогольные напитки 2–3 раза, еще 39 % — один раз). Группа «высоко заинтересованные» составляет 17 % экономически активного населения России.

Вторая группа — «умеренно заинтересованные» — также характеризуется достаточно высокими показателями заботы о здоровье: среди них, как и в предыдущей группе, большинство посещают врача не менее раза в год (33 % — один раз в год, 40 % — 2–3 раза в год), регулярно питаются (84 %). По сравнению с «высоко заинтересованными» данная группа отличается большей регулярностью в занятиях физкультурой: все ее представители занимаются физическими упражнениями ежедневно (61 % — менее 30 минут в день и еще 39 % — по меньшей мере 30 минут в день). Однако для данной группы населения характерно сравнительно более частое употребление алкогольных напитков: десятая ее часть (11 %) употребляет алкогольную продукцию 2–3 раза в неделю, пятая часть (26 %) — один раз в неделю, большинство остальных — реже. Несколько выше здесь доля курящих (30 %). Кроме этого, подавляющее большинство (67 %) в случае возникновения болезни предпочитают самолечение обращению к врачу. В структуре экономически активного населения данная группа составляет 10 %.

Следующая выделенная группа, «непоследовательные», демонстрирует крайнюю разнотипность поведенческих практик, связанных со здоровьем: часть этих практик вполне конструктивна (в т.ч. носит превентивный характер), а другая — имеет деструктивную, рискованную природу. С одной стороны, все представители этой группы занимаются физкультурой (большинство (61 %) делают легкие физические упражнения менее 3 раз в неделю, еще 28 % — средней и высокой тяжести менее 3 раз в неделю), многие стараются пытаться регулярно (69%) и посещают врача не реже раза в год (33% — один раз в год, 36 % — 2–3 раза в год). С другой стороны, эта группа отличается высокими показателями частоты употребления алкоголя. Около половины (53 %) в данном кластере употребляют алкогольные напитки 1 раз в неделю, еще примерно треть (35 %) — 2–3 раза в неделю, кроме этого, есть и те, кто выпивают чаще (7 %). Более трети (37 %) в

этой группе курят. Большинство (78 %) при последнем заболевании не обращались к медицинским работникам, а занимались самолечением. В целом наполняемость данной группы составляет 9 % от экономически активного населения.

Наиболее массовая социальная группа, объединяющая 43 % опрошенных, — «пассивные». Данный кластер характеризуется низкой мотивацией к реализации здоровьесохранных практик, лежащими за пределами некоего минимального набора. Так, представители этой группы не занимаются физкультурой, многие при возникновении болезни чаще предпочитают самолечение. Но в то же время они в течение года не менее раза посещают врача (51 % — 2–3 раза в год, 25 % — 1 раз в год), относительно редко употребляют алкогольные напитки (55 % — 2–3 раза и 35 % — 1 раз в течение последнего месяца), большинство регулярно питаются (80 %). Доля курящих составляет в этой группе 35 %.

Последний выделенный нами кластер — «деструктивные», к которому принадлежат люди, чье поведение, связанное со здоровьем, следует

охарактеризовать как преимущественно «здорово-вредоизделяющее» или, по меньшей мере, небезопасное для здоровья. Многие представители этой социальной группы практикуют аддиктивное поведение: доля тех, кто курит, составляет здесь 66 %; треть респондентов (34 %) 2–3 раза в неделю за последний месяц употребляли алкоголь, десятая часть (10 %) делала это еще чаще, остальные — несколько реже. В этом кластере наиболее низки показатели соблюдения режима питания (регулярно питаются около половины — 56 % опрошенных) и занятой двигательной активностью. Представители данной группы редко посещают врача (46 % — реже одного раза в год, 27 % — один раз в год), при возникновении проблем со здоровьем большинство (87 %) обращаются к самолечению, только 15 % за последние три месяца проходили профилактические осмотры. Данный кластер наполняет 21 % экономически активного населения.

На рис. 2 представлена стратификация экономически активного населения по типам поведения, связанного со здоровьем.

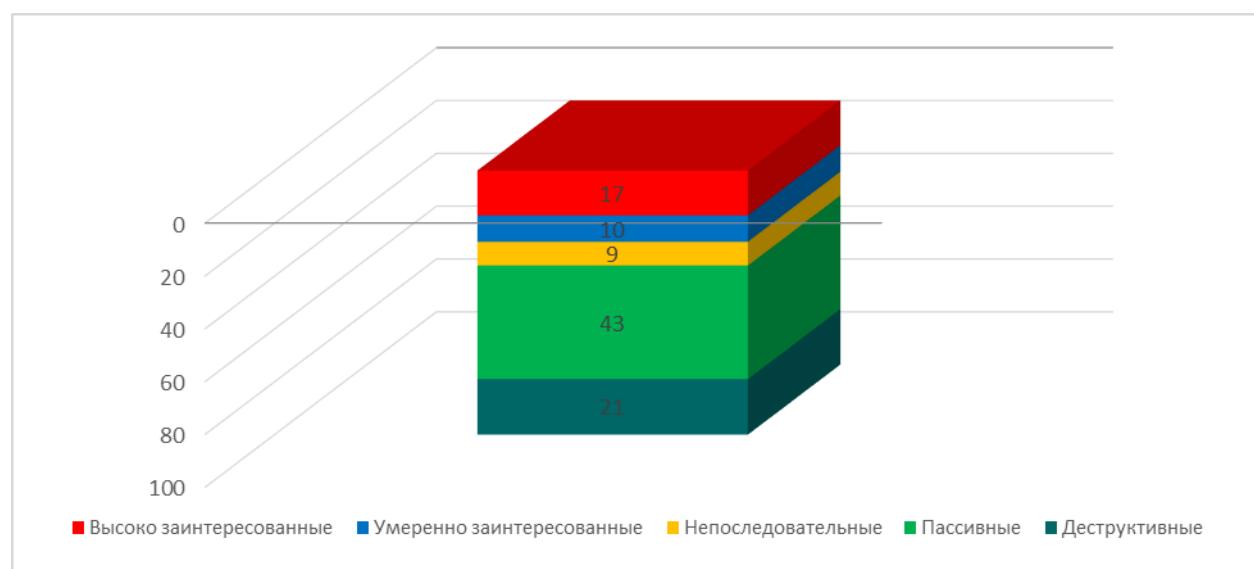

Рис. 2. Стратификация экономически активного населения по типам поведения, связанного со здоровьем (%)

Охарактеризуем социально-демографический портрет выделенных социальных групп.

Типичным представителем кластера «высоко заинтересованные» является женщина (доля женщин составляет здесь 62 %) преимущественно молодого и среднего возраста (доля 18–30-летних респондентов — 29 %, 31–40-летних — 21 %, 41–50-летних — 23 %), чаще — с высшим образованием (53 %) и относительно более высоким уровнем до-

хода (данный кластер является самым высокодоходным среди представленных: в среднем доход его представителей составляет около 36 тыс. руб. в месяц). Большинство респондентов состоят в браке (из них в зарегистрированном — 54 %, незарегистрированном — 11 %) и имеют детей (72 %). В социально-профессиональной структуре многие занимают статус специалистов высшего (25 %) или

среднего (19 %) уровня квалификации, работников сферы торговли и услуг (16 %).

В кластере «умеренно заинтересованные» доля женщин (58 %) также несколько превышает долю мужчин (42 %), однако в возрастном разрезе данный кластер наполняют в большей мере люди средне-старшего возраста (41–50 лет — 20 %, 51–60 лет — 31 %, 61–70 лет — 11 %). В этой группе преобладают респонденты с высшим образованием (49 %), еще чуть более трети имеют среднее профессиональное образование (25 % — специалисты среднего звена, 11 % — квалифицированные рабочие и служащие). По уровню доходов данный кластер среди остальных занимает третье место (средний доход равен примерно 30 тыс. руб. в месяц). Характеристики семейного положения и социально-профессионального статуса представителей данной группы в целом схожи с характеристиками предыдущей группы.

Кластер «непоследовательные» — это преимущественно мужчины (68 %) молодого и среднего возраста (доля респондентов в возрасте 18–30 лет составляет в кластере 34 %, 31–40 лет — 21 %, 41–50 лет 26 %), имеющие высшее (44 %) или среднее профессиональное образование (18 % — специалисты среднего звена, 20 % — квалифицированные рабочие и служащие) и относительно высокий уровень дохода (в среднем 34 тыс. руб. в месяц). Около четверти респондентов (23 %) в этом кластере никогда не состояли в браке, но большинство — женаты или замужем (состоят в зарегистрированном браке — 50 %, незарегистрированном — 16 %). По критерию социально-профессиональной принадлежности данный кластер состоит прежде всего из специалистов высшего (21 %) и среднего (20 %) уровня квалификации, квалифицированных рабочих (21 %); по сравнению с другими кластерами в данной группе наиболее высока доля руководителей высшего и среднего звена, крупных чиновников (10 %).

Социальная группа «пассивные» представлена в большей мере женщинами (69 %) среднего возраста (доля респондентов 31–40 лет — 23 %, 41–50 лет — 26 %, 51–60 лет — 27 %), имеющими среднее профессиональное образование (44 %) и невысокий уровень дохода (данный кластер является самым низкодоходным: средний доход составляет около 25 тыс. руб. в месяц). В большинстве своем представители этого кластера состоят в браке (зарегистрированном — 57 %, незарегистрированном — 16 %) и имеют детей (86 %). В социально-профессиональном разрезе данный кластер в сравнении с другими более «размыт»:

специалисты высшего и среднего уровня квалификации составляют здесь 19 % и 18 % соответственно, работники сферы торговли и услуг — 19 %, квалифицированные рабочие — 20 %.

Наконец, типичным представителем кластера «деструктивные» выступает мужчина (доля мужчин в кластере — 73 %) среднего возраста (в целом распределение данного кластера по возрастным подгруппам от 18 до 60 лет практически равномерно: доля респондентов в возрасте 18–30 лет составляет 20 %, 31–40 лет — 28 %, 41–50 лет — 23 % и 51–60 лет — 23 %), со средним профессиональным образованием (48 %) и относительно невысоким уровнем дохода (в среднем около 28 тыс. руб. в месяц), состоящих в браке (доля респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, — 63 %, незарегистрированном — 14 %) и имеющий детей. Большинство представителей данного кластера трудятся в качестве квалифицированных рабочих (45 %), работников сферы торговли и услуг (14 %).

Представленные социально-демографические описания выделенных кластеров позволяют заключить, что контингентом риска в сфере здоровья выступают прежде всего мужчины молодого и среднего возраста — а это значительная часть экономически активного населения, от которой зависит успешность развития страны. Традиционно низкая для мужчин мотивация к обращению в медицинские организации для профилактики и лечения заболеваний, усвоенность установок на потребление алкогольных напитков и табакокурение, поддерживаемых сложившимися нормами культуры, и слабая сформированность ценности здоровья служат основными факторами распространения негативных для здоровья поведенческих практик среди мужчин.

Еще одну группу риска составляют люди, занимающие невысокое социальное положение в структуре российского общества. В их образе жизни чаще воспроизводятся пассивные или же негативные установки по отношению к своему здоровью, а низкое материальное положение не способствует улучшению качества питания, доступа к медицинскому обслуживанию и сфере реабилитации, что в условиях невысокого уровня жизни большинства россиян выступает значимой детерминантой состояния здоровья людей [Русинова Н.Л., Сафонов В.В., 2017].

Заключение. Как показали результаты проведенного анализа, поведение экономически активных россиян слабо ориентировано на здоровьесбережение. Большинство респондентов избирают для

себя непоследовательную, пассивную или деструктивную модели поведения в сфере здоровья. Непоследовательная модель характеризуется противоречивым сочетанием и разнонаправленностью установок и практик поведения, объединяющих, с одной стороны, поддерживающие здоровый образ жизни занятия физическими упражнениями, регулярное питание, а с другой стороны, препятствующие сохранению здоровья систематическое употребление алкогольных напитков, табакокурение или отказ от компетентной медицинской помощи. Пассивная модель находит воплощение в реализации минимальных действий по поддержанию здоровья, характеризуется фактической безучастностью людей к реализации практик, требующих большей вовлеченности и активного участия (занятий физкультурой, употребления витаминов, осуществления контроля состояния здоровья через регулярные профилактические осмотры). В свою очередь, деструктивная модель основывается на небезопасных для здоровья поступках и действиях при практически полном отказе от здоровьесохранного поведения.

Описанная ситуация осложняется слабой положительной или вовсе отрицательной динамикой здоровьесохраных практик в российском обществе. Существующие в данных условиях риски здоровью экономически активного населения в современной России служат фактором снижения человеческого потенциала как ресурса экономических и социокультурных преобразований, что требует реализации дальнейших мер по укреплению и защите здоровья населения на разных уровнях организации общества.

Список литературы

- Боломожнов А.М., Трубников В.А., Савина Е.К.* Результаты мониторинга поведенческих факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний среди взрослого населения Оренбургской области // Профилактическая медицина. 2016. Т. 19, № 2–2. С. 12–13.
- Бурмыкина О.Н.* Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. IX, № 2. С. 101–119.
- Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Захаров С.В., Сакевич В.И., Кваша Е.А., Харькова Т.Л.* Демографические вызовы России. Часть вторая — рождаемость и смертность // Демоскоп Weekly. 2017. № 751–752. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0751/tema01.php> (дата обращения: 02.04.2018).
- Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья.* Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2010. 60 с.
- Данилов Д.С.* Комплаенс в медицине и методы его оптимизации (клинические, психологические и психотерапевтические аспекты) // Психиатрия и психо-фармакотерапия. 2008. Т. 10, № 1. С. 13–20.
- Неинфекционные заболевания: Информационный бюллетень ВОЗ.* 21 июня 2017 г. / Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 02.04.2018).
- Послание Президента Федеральному Собранию.* 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11> (дата обращения: 23.04.2018).
- Потемкина Р.А., Глазунов И.С.* Разработка системы мониторирования поведенческих факторов риска неинфекционных заболеваний // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2007. Т. 10, № 2. С. 7–11.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE).* URL: <http://www.hse.ru/rilms> (дата обращения: 02.04.2018).
- Русинова Н.Л., Сафонов В.В.* Персональные психологические ресурсы и социальные неравенства в здоровье: выраженность буферного эффекта в европейских странах // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 3. С. 59–87.
- Старостина М.А., Афанасьева З.А.* О причинах запущенности рака ободочной кишки среди населения республики Татарстан // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 4. С. 52–54.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Российская газета.* 2015. 31 дек. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 23.04.2018).
- Филиппов Е.В.* Мониторинг поведенческих факторов риска хронических неинфекционных заболеваний в 2014 году // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. 2015. Т. 23, № 1. С. 72–83. DOI: 10.17816/PAVLOVJ2015172-83.
- Чистяков С.С., Габуния З.Р., Гребенникова О.П.* Онкологические аспекты заболеваний молочных желез // Гинекология. 2001. Т. 3, № 5. С. 184–187.
- Marmot M., Allen J.J.* Social determinants of health equity // American Journal of Public Health. 2014. Vol. 104, no. 4. P. 517–519. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302200.
- Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE).* URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rilms> (accessed 02.04.2018).
- Waldrön I.* Gender and Health-Related Behavior // Health Behavior / ed. by D.S. Gochman. Springer, Boston, MA, 1988. P. 193–208. DOI: 10.1007/978-1-4899-0833-9_11.

Получено 30.04.2018

References

- Bolozhnov, A.M., Trubnikov, V.A., Savina, E.K. (2016). *Rezul'taty monitoringa povedencheskikh faktorov riska razvitiya khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy sredi vzroslogo naseleniya Orenburgskoy oblasti* [The results of monitoring of behavioral risk factors for chronic non-communicable diseases among adult population of the Orenburg region]. *Profilakticheskaya meditsina* [The Russian Journal of Preventive Medicine and Public Health]. Vol. 19, no. 2–2, pp. 12–13.
- Burmykina, O.N. (2006). *Gendernye razlichiyi v praktikakh zdorovya: podkhody k obyasneniyu i empiricheskiy analiz* [Gender Differences in Health Practices: Explanatory Approaches and Empirical Analysis]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. IX, no. 2, pp. 101–119.
- Chistyakov, S.S., Gabuniya, Z.R., Grebennikova, O.P. (2001). *Onkologicheskie aspekty zabolevaniy molochnykh zhelez* [Oncological aspects of breast diseases]. *Ginekologiya* [Gynecology]. Vol. 3, no. 5, pp. 184–187.
- Danilov, D.S. (2008). *Komplaiens v meditsine i metody ego optimizatsii (klinicheskie, psikhologicheskie i psikhoterapevticheskie aspekty)* [Compliance in medicine and methods of its optimization (clinical, psychological and psychotherapeutic aspects)]. *Psichiatriya i psikhofarmakoterapiya* [Psychiatry and psychopharmacotherapy]. Vol. 10, no. 1, pp. 13–20.
- Filippov, E.V. (2015). *Monitoring povedencheskikh faktorov riska khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy v 2014 godu* [Monitoring behavioral risk factors for chronic noncommunicable diseases in 2014]. *Rossiyskiy medico-biologicheskiy vestnik im. akad. I.P. Pavlova* [I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald]. Vol. 23, no. 1, pp. 72–83. DOI: 10.17816/PAVLOVJ2015172-83.
- Global'nye rekomendatsii po fizicheskoy aktivnosti dlya zdorovya [Global Recommendations on Physical Activity for Health]. (2010). Geneva, World Health Organization, 60 p.
- Marmot, M., Allen, J.J. (2014). Social determinants of health equity. *American Journal of Public Health*. Vol. 104, no. 4, pp. 517–519. DOI: 10.2105/AJPH.2014.302200.
- Neinfektsionnye zabolevaniya, Informatsionnyy byulleten VOZ. 21 iyunya 2017 [Noncommunicable diseases, WHO Newsletter. June 21, 2017]. Available at: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases> (accessed 02.04.2018).
- Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 1 marta 2018 g. [The President's Address to the Federal Assembly. March 1, 2018]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/11> (accessed 23.04.2018).
- Potemkina, R.A., Glazunov, I.S. (2007). *Razrabotka sistemy monitorirovaniya povedencheskikh faktorov riska neinfektsionnykh zabolevaniy* [Development of a system for monitoring the behavioral risk factors of non-communicable diseases]. *Profilaktika zabolevaniy i ukreplenie zdorovya* [The Russian Journal of Preventive Medicine and Public Health]. Vol. 10, no. 2, pp. 7–11.
- Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorovya naseleniya NIU-VShE (RLMS-HSE) [Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the HSE (RLMS-HSE)]. Available at: <http://www.hse.ru/rlms> (accessed 02.04.2018).
- Rusinova, N.L., Safronov, V.V. (2017). *Personal'nye psikhologicheskie resursy i sotsial'nye neravenstva v zdorove: vyrazhennost' bufernogo effekta v evropeyskikh stranakh* [Personal psychological resources and health inequalities: the strength of the buffer effect in European countries]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 4, no. 3, pp. 59–87.
- Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE). URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (accessed 02.04.2018).
- Starostina, M.A., Afanaseva, Z.A. (2008). *O prichinakh zapushchennosti raka obodochnoy kishki sredi naseleniya respubliki Tatarstan* [About reason of advanced colon cancer in the Republic of Tatarstan]. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie* [Public Health and Health Care]. No. 4, pp. 52–54.
- Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utv. Uzakom Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. №683) [The National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree No. 683 of December 31, 2015)]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (accessed 23.04.2018).
- Vishnevskiy, A.G., Andreev, E.M., Zakharov, S.V., Sakevich, V.I., Kvasha, E.A., Kharkova, T.L. (2017). *Demograficheskie vyzovy Rossii. Chast vtoraya — rozhdaemost' i smertnost'* [Russia's demographic challenges. Part two. Fertility and mortality]. *Demoskop Weekly*. № 751–752, pp. 1–10. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0751/tema01.php> (accessed 02.04.2018).
- Waldron, I., Gochman, D.S. (1988). Gender and Health-Related Behavior. *Health Behavior*. Boston, Springer, pp. 193–208. DOI: 10.1007/978-1-4899-0833-9_11.

Received 30.04.2018

Об авторах

Лебедева-Несеврия Наталья Александровна
доктор социологических наук, доцент

заведующая лабораторией методов анализа
социальных рисков,
Федеральный научный центр медико-
профилактических технологий управления
рисками здоровью населения,
614045, Пермь, ул. Монастырская, 82;

профессор кафедры социологии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: natnes@fcrisk.ru
ORCID: 0000-0003-3036-3542

Маркова Юлия Сергеевна
старший преподаватель кафедры социологии
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6271-9403

About the authors

Natalia A. Lebedeva-Nesevria
Doctor of Sociology, Docent

Head of Social Risk Analysis Laboratory,
Federal Scientific Center for Medical and Preventive
Health Risk Management Technologies,
82, Monastyrskaya str., Perm, 614045, Russia;

Professor of the Department of Sociology,
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: natnes@fcrisk.ru
ORCID: 0000-0003-3036-3542

Yulia S. Markova
Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6271-9403

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лебедева-Несеврия Н.А., Маркова Ю.С. Модели и динамика поведения, связанного со здоровьем, экономически активных россиян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 287–296. DOI: [10.17072/2078-7898/2018-2-287-296](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-287-296)

For citation:

Lebedeva-Nesevria N.A., Markova Yu.S. Health-related behavior of economically active Russians: models and dynamics // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 287–296.
DOI: [10.17072/2078-7898/2018-2-287-296](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-287-296)

УДК 316.334.56

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-297-305

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОПАРКОВКИ С ПОМОЩЬЮ ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Колесниченко Милана Борисовна, Серебрянский Даниил Игоревич

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Исследование посвящено актуальной проблеме социального взаимодействия индивидов в процессе обустройства современного социально-территориального пространства жилищного комплекса с помощью метода визуальной социологии. Описаны преимущества данного направления, причины интереса к визуальности. Методами исследования были выбраны фотографический метод и блиц-опрос жителей дома, которые позволили взаимно дополнить визуальную и вербальную информацию. С помощью фотографий охарактеризован объект исследования, по данным блиц-опроса выявлены основные группы участников интеракции. Автопарковка отличается невысоким качеством среды: нечеткие границы парковочных мест, некачественный грунт, заполнение проездов, проходов, чужих мест и др. Проведен сравнительный анализ предполагаемой и сформированной моделей взаимодействия жителей, выявлены их преимущества и недостатки, дан прогноз дальнейшему развитию ситуации. Реализованная модель социальной коммуникации отличается отказом жильцов от принципа софинансирования, разграничением социальных групп, реализацией патерналистских взглядов, нерациональной секьюритизацией. Выявлены особенности социального взаимодействия жителей многоквартирного дома в отношении принятия решений по организации парковки в г. Перми. Определены конфликтогенные узлы сложившейся модели организации пространства, к которым можно отнести несанкционированные действия жильцов дома, патерналистскую модель выстраивания отношений, конфликты между социальными группами и с управляющей компанией, некачественный контроль и распределение финансов, отсутствие долгосрочной перспективы. Продемонстрированы особенности использования визуального подхода для изучения автомобильной парковки г. Перми. Были сделаны выводы о потенциале визуальной социологии и необходимости дальнейшего ее использования. Рекомендовано усложнение используемой фотодокументации, проведение сравнительного анализа автопарковки с придомовым садом, детской площадкой в предстоящих исследованиях.

Ключевые слова: визуальная социология, социальное взаимодействие, организация парковки, жильцы дома.

STUDYING OF A CAR PARK WITH VISUAL SOCIOLOGY

Milana B. Kolesnichenko, Daniil I. Serebryansky

Perm National Research Polytechnic University

The paper considers a currently relevant problem of individuals' social interaction when arranging modern socio-territorial space around a housing complex. The research is based on the methods of visual sociology. The article describes advantages of this branch of sociology and reasons for the interest in visuality. The main methods used by the authors are the photographic method and blitz-survey of the house residents, so visual and verbal information complement each other. The research object was characterized with the help of photos, , the main groups of the interaction participants were identified according to the blitz-survey data. A car park is characterized by low-quality environment: fuzzy boundaries of parking spaces, poor-quality soil, occupied driveways, passageways etc. A comparative analysis of the assumed and developed models of the residents' interaction was carried out, which revealed their advantages and disadvantages; the forecast for the further development of the situation, based on the analysis results, is given in the article. The current model of social communication is characterized by the refusal of the co-financing principle, separation between social groups, paternalistic attitudes, irrational securitization. The article demonstrates the features of social interaction inher-

ent in the residents of a multi-family house in the city of Perm when taking decisions about a car park arrangement. This paper describes possible conflictogenic features within the established model of space planning, which include unauthorized actions of inhabitants, paternalistic model of relationships, conflicts between social groups and a house management company, low-quality control and distribution of finances, a lack of a long-term perspective. It demonstrates peculiarities of the visual approach to examining car parks in Perm. The authors made a conclusion that visual sociology has a great potential for further research. In the future studies, it is recommended to use more complicated photo documentation, to carry out a comparative analysis of parking with a side garden, a children's playground etc.

Keywords: visual sociology, social interaction, arrangement of a car park, residents of the house.

Введение

Визуальная информация в современном мире помогает индивидам не только удовлетворять свои потребности в таких областях, как кино, фотография, реклама, но и дублируется и воспроизводится в других сферах жизнедеятельности. Классик визуальной социологии П. Штомпка в качестве причин возрастания визуальности называет такие процессы, как урбанизация, стремительный рост уровня технологического развития, коммерциализация, консюмеризм [Штомпка П., 2007, с. 12–13]. Приведенные причины можно дополнить следующим: зрительный облик, в отличие от верbalного или текстового сообщения, проще проходит фильтры рациональности индивидов.

Помимо этого, чтобы прочесть иллюстрацию, понадобится в разы меньше времени, чем при чтении текста, который, как правило, линеен. Линейность текста диктует поочередное восприятие одного знака за другим, в отличие от целостного одномоментного восприятия визуального образа. При социологическом исследовании фотографии интерес смещается скорее на то, что фотография представляет и какие смыслы несет в себе, а не на фотографию как простое изображение. Учитывать необходимо весь социокультурный контекст полученных снимков (образы, символику и др.) [Онипко А.А., 2015, с. 107].

Один из подходов визуальной социологии разделяется на два направления (таблица).

Направления визуальной социологии [Захарова Н.Ю., 2008, с. 156].

<i>№</i>	<i>Направление социологии</i>	<i>Сущность направления</i>
1	Методологическое	Создавать фотографии, чтобы анализировать социальную реальность
2	Культурологическое	Анализировать фотографии, уже существующие и сделанные другими, чтобы исследовать индикаторы культуры и социальных отношений

Обе тенденции обладают собственными преимуществами. Для данного исследования было использовано первое направление, которое позволяет проанализировать специфический материальный объект — автомобильную парковку.

Если фотография выступает объектом социологического исследования, она рассматривается в качестве важного документа, который запечатлевает важные (в том числе исторические) аспекты, «места, в которых можно найти массовые материальные основы общественного сознания» [Штомпка П., 2007, с. 39] и, конечно, составляет культурное наследие любого общества. Соответственно в социологии используются визуальные данные (в данном аспекте говорится о фотографии, но подобного рода утверждение справедливо и для визуальных данных в целом) либо для того, чтобы дополнить вербальную информацию, либо добавить информацию качественно другого типа

[Солдатова В.Ю., 2015, с. 98]. В данном исследовании применялось и то, и другое. Описанный вариант дает преимущество изучить социальный феномен более целостно, чем при изучении исключительно вербальной информации.

Пространство автопарковки является частью общего городского пространства. Важно то, как именно горожане очерчивают территориальные, коммуникационные, культурные границы своей общности [Антонова Н.Л., Ракевич Е.В., 2016, с. 161]. Часть пространства, отведенная под стоянку автомобилей, может иметь локальные особенности. Комплексное исследование в области визуальной социологии позволило выявить особенности захвата, освоения и секьюритизации общественных пространств [Колесниченко М.Б., 2016, с. 138]. Социальные системы и структуры, которые изучаются в общей социологии, как правило, не наблюдаемы [Баньковская С., 2016,

с. 133], в то время как происходящее в повседневной жизни хорошо фиксируется с помощью видеосоциологии.

Индивид, принимая на себя социальную роль водителя автомобиля, изменяет свою телесность — он учится взаимодействовать с машиной путем нажатия брелка сигнализации, устраиваясь в кресле, нажимая педали, счищая с нее зимой снег, адаптируясь к процессу вождения в целом. В современной ситуации большинство автомобилистов припарковывают автомобили около собственного дома, что делает процесс парковки публичным, а следовательно, подключенным к социальной коммуникации (встреча с соседом, наблюдение прохожих, усаживание родственников, взгляды из окон и т.д.). В пространстве происходит деятельность самого индивида и его интеракции через каналы социальной коммуникации [Звоновский В.Б., 2009, с. 55; Запорожец О., 2007, с. 35]. В актуальном процессе конструирования пространства автопарковки имеет значение сочетание материального и социального, «вещного» и «не-вещного» [Социальное пространство..., 2015, с. 30].

Был применен инструментальный подход к использованию графических данных [Коренная А.С., 2016, с. 558], при котором инструментами получения информации являются фотоаппарат и фотографии, с их помощью выбираются определенный ракурс, композиция. Был выбран более простой тип фотографий, на которых изображены вещи, используемые людьми, — автомобили, парковочные барьеры, цепочки, в отличие от другого типа фотографий, на которых могли бы быть изображены индивид и вещи или коммуникация людей и их вещи. Таким образом, было проведено исследование методом визуальной социологии.

Модель № 1 взаимодействия жильцов многоквартирного дома

В начале исследования была разработана предполагаемая модель № 1 взаимодействия жильцов многоквартирного дома. Важно подчеркнуть, что многое в поставленном вопросе зависит от инициативы и контроля со стороны самих жильцов дома. В свою очередь для разрешения проблемы взаимодействия большой группы люди должны уметь договариваться, находя компромиссы.

Ядро модели № 1 составляет инициативная группа. На совместном собрании жителей дома надлежит отобрать представителей, которые будут вести диалог как с сотрудниками управляющей компании, так и со всеми жителями дома. Входящим в нее лицам необходимо иметь свободное время с целью решения социальных про-

блем. Проведение собрания, на наш взгляд, не является необходимым для создания активной категории жильцов. Можно просто отыскать некоторых сторонников и начать взаимодействие, однако для принятия важных решений собрание все же необходимо будет проводить.

Определение представителя (рис. 1) как опорного образа предоставления социальной помощи с точки зрения практической составляющей общественной деятельности не одномерно. Комплексное отношение к данному суждению означает, что индивидуальный либо общественный вопрос, проблемы, сопряженные с межличностной коммуникацией, должны быть замечены членами интеракции пространственно, как итог слияния множества факторов, на которые повлияли индивидуальные и общественные условия. По предложенной модели составлена схема взаимодействия жильцов внутри совета (рис. 1).

Решение о том, что именно будет располагаться на придомовой территории, должно приниматься на собрании собственников. Для формирования стоянки необходимо согласие двух третей собственников. Если в доме пешеходов больше, чем водителей, это может представлять большую сложность — жильцы без автомобиля предпочли бы иметь возле дома сад или зеленый двор, но не парковку. Вследствие этого при разделении площади у дома активному товариществу по конструированию стоянки необходимо отыскать альтернативу.

Если есть желание узаконить парковку, необходимо, чтобы представители совета жильцов обязательно по согласию не только всех жильцов, но и администрации (рис. 2) начали оформлять специальные документы. Именно для таких целей существуют заместители представителя совета и непосредственно представители совета.

Организация парковки в соответствии с моделью № 1 имеет положительные и отрицательные стороны. К положительным сторонам можно отнести формирование у жильцов психологии ответственного собственника. Владельцы жилплощади в многоквартирном доме владеют не только собственной квартирой, но и совокупным имуществом дома, а в это включается и придомовая площадь — сегмент земельной собственности, прилежащей к дому. Таким образом, жильцы самостоятельно могут выбирать, как использовать данную территорию. Критическая необходимость в парковке может стать в конечном итоге основанием для оформления права собственности на землю под домом. В этом случае точно никто не

построит во дворе магазин, не возникнет новостройка или несанкционированная парковка.

Негативными сторонами организации парковки в данном случае будут считаться оформление и подписание большого количества документов,

длительный процесс переговоров, непосредственно сложный процесс организации парковки, а самое главное — согласование решения с администрацией и обязательно с жильцами.

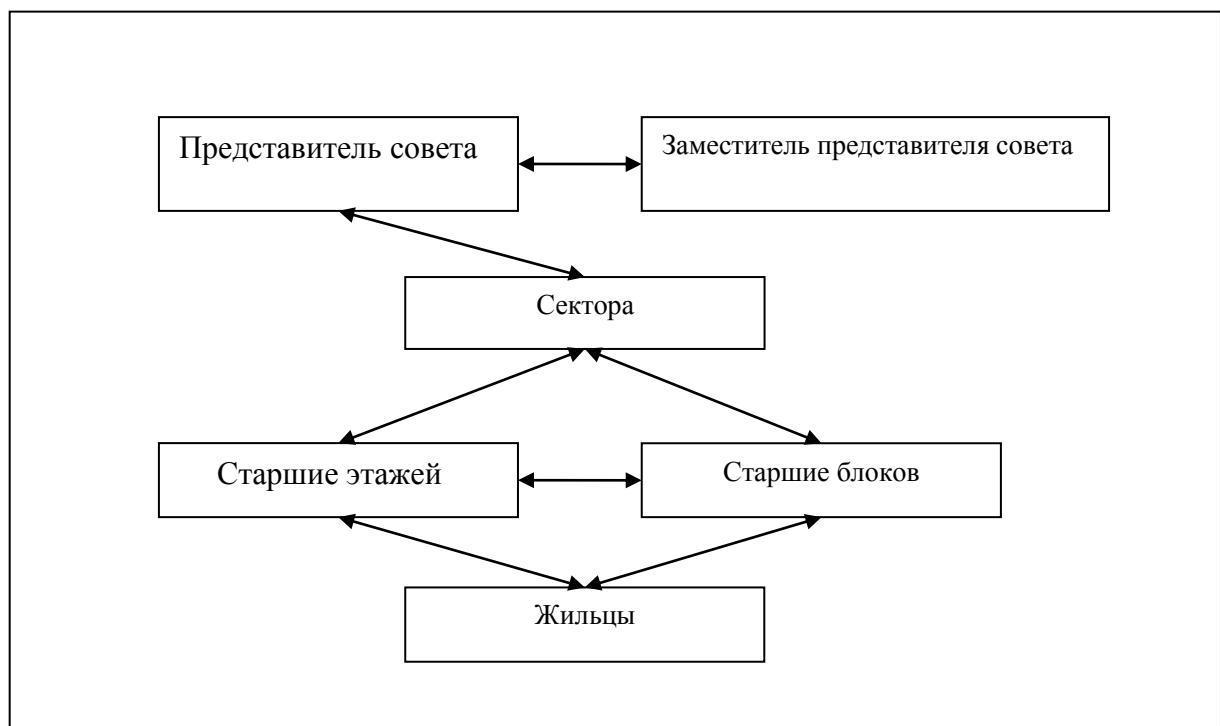

Рис. 1. Схема взаимодействия внутри совета жильцов

Рис. 2. Схема взаимодействия совета жильцов с внешними структурами

Описание объекта визуализации

Автомобильная парковка расположена с лицевой стороны дома по улице Фонтанной. У парковки нет будки сторожа, но есть ограждения двух видов. Ограждение первого вида зеленого цвета, сделано из металла (рис. 3, см.: <http://uploads.ru/A8FRT.jpg>). В высоту ограждение невысокое, около полуметра. Ограждение второго вида веревочное (рис. 4, см: <http://uploads.ru/eairD.jpg>), снабжено по краям карабинами, цепляющимися за столбики, а по центру красными флагжками. Основание под парковкой — щебень и частично асфальт.

На первый взгляд распознать парковочные места сложно. Места не отделены друг от друга границами, ориентироваться приходится по границам ограждений. Часть автомобилей припаркована неровно, даже хаотично, не соблюден принцип параллельности (рис. 3, см.: <http://uploads.ru/A8FRT.jpg>; рис. 4, см: <http://uploads.ru/eairD.jpg>). Только некоторые места обозначены номерами, висящими на бумажных листах на ограждениях.

Парковка достаточно длинная и широкая, проходит практически вдоль всего дома. Расстояние между машинами немалое, проезды и выезды удобные. Объект создает впечатление облагорожденного места для парковки автомобилей.

Люди занимают места для автомобилей не только на облагорожненной, специально выделенной для этого земле, но и у подъездов (рис. 5, см: <http://uploads.ru/VFEBY.jpg>). У подъездов паркуют и по несколько машин одновременно, а также оставляют машины на ночь (возможно, автомобилисты, живущие не в этом доме). Поэтому складывается впечатление, что мест все-таки не хватает или же жильцы пренебрегают выделенными местами (это может быть связано с оплатой). Данная ситуация является одной из важных проблем. Проходим, а также работникам различных служб приходится каким-то образом обходить автомобили, что серьезно затрудняет взаимодействие внутри социально-территориального пространства.

После проведенного **блitz-опроса** пяти жителей выяснилось, что дом был построен в 1970-е гг., это свидетельствует о том, что в то время строительство домов велось без учета планировки парковочных мест. За последние десятилетия жители дома не проводили мероприятий, требующих активного совместного взаимодействия. Первым подобным мероприятием стало проведение ремонта подъездов домов в 2015 г. По инициативе активного жителя (без участия старшей по дому,

придерживающейся выжидательной тактики, ожидающих указаний от представителей управляющей компании) с помощью софинансирования посредством сбора подписей (без проведения общего собрания дома) был сделан ремонт подъезда № 5. Выплата производилась в течение трех месяцев через платежные квитанции. В дальнейшем по такой же схеме были отремонтированы другие подъезды дома. Однако подобное решение вызвало активное сопротивление по отношению к процессу организации парковки.

Модель № 2 взаимодействия жильцов многоквартирного дома

Выдвинулась инициативная группа, не приемлющая модель софинансирования, глава которой стал новым старшим по дому. Он выработал принцип взаимодействия — модель взаимодействия № 2.

По причине того, что примерно половина жителей дома — престарелые граждане, не имеющие автомобилей, взаимодействие и принятие решений по парковке на собраниях осуществлялось только с «группой автомобилистов». Для «группы бабушек» была отведена территория перед фасадом для будущего придомового сада. С этой целью несанкционированно была произведена вырубка деревьев, повлекшая за собой обращение одной жительницы к участковому (старшему по дому был выписан штраф). Итак, выделенная группа лиц (в основном пенсионерки, которые не имеют автомобиля) не нуждается в организации автопарковки. Им важнее придомовой сад, спокойное и тихое проведение досуга в социальном пространстве.

В центре взаимодействия модели № 2 — избегание контактов с управляющей компанией, опора на собственные силы жильцов из «группы автомобилистов», а также привлечение помощи «со стороны», в т.ч. по принципу личного знакомства, личных связей: в рамках предвыборной кампании была получена помощь от депутата по асфальтированию пешеходной дорожки; кронирование деревьев осуществлялось с помощью жителя — сотрудника МЧС, пригнавшего грузовую машину и т.д. Проявились черты патерналистского синдрома, которому свойственны невысокий материальный статус агентов коммуникации, преобладание лиц старших возрастов, доминирование выходцев из крестьян и рабочих, неприятие ценностных ориентаций рыночного типа и др. [Разинский Г.В., Геташвили М.А., 2017, с. 115–116].

Так как не использовалось софинансирование, парковка была организована в соответствии с минимальными требованиями: территория парковки не заасфальтирована, частичное выравнивание произведено с помощью щебня. Веревочные цепи

в качестве ограждений доставляют некоторые неудобства при парковке (можно сравнить с парковочными барьерами на соседней парковке на рис. 6; рис. 7, см.: <http://uploads.ru/QAjCz.png>).

Рис. 6. Парковочные барьеры на соседней парковке: сваренные и складные

За счет упрощенных ограждений под парковку попала значительная придомовая территория, однако мест хватило не всем желающим. По данным блиц-опроса главное преимущество созданной парковки — ее местонахождение рядом с домом. Часть жильцов недовольна тем, что не все ставят автомобили на специально отведенные для этого места. Подобная путаница может приводить к конфликтам (по словам одной респондентки, существует «проблема с некоторыми водителями из дома»).

Для того чтобы постоянно следить за объектом, поддерживать парковку в чистоте и порядке, была установлена фиксированная оплата. Жильцы дома ежемесячно платят около трехсот рублей за оборудованное под парковку место лично старшему по дому.

Распределение автомобилей в социальном пространстве придомовой территории имеет в современных условиях огромное значение, поскольку эти объекты являются «важнейшими предметами индивидуального потребления.., формой “квазиприватной” мобильности», формируют культуру социального взаимодействия [Урри Дж., 2012, с. 88–89]. Изменения социального поведения акторов автопарковки обусловлены проявлением так называемой социологии влияния [Семенов С.А., 2014, с. 114], выстроенной на основе социального взаимодействия [Черноусова Л.Н., 2012, с. 216].

Результаты

На основе анализа фотографий и опроса были обнаружены положительные результаты установленного социального взаимодействия, к которым можно отнести:

- 1) широкий охват проблемы, связанной с социальной коммуникацией между жителями, подробный ее анализ;
- 2) возможность построения приемлемой схемы для выстраивания деловых взаимоотношений между жильцами дома;
- 3) получение жильцами опыта взаимодействия по организации нового объекта и обустройству придомовой территории в целом;
- 4) сравнительный анализ коммуникационных схем и фотоописаний различных мест придомового пространства.

В то же время были выявлены следующие некачественные (конфликтогенные) решения реализованной модели № 2:

- 1) модель № 2 вызвала несанкционированные действия жильцов дома, за которые выписываются штрафы;
- 2) взаимодействие с УК осуществляется советом жильцов на конфликтной основе (требования обеспечить желания жильцов именно их дома в первую очередь и на безвозмездной основе), вплоть до отсутствия необходимости в контактах с управляющей компанией (если подобные контакты возникают в процессе коммуникации стар-

шего по дому с ее представителями, то данные факты скрываются от общественности);

3) патерналистская модель выстраивания отношений характеризуются непредсказуемостью, более длительными ожиданиями, отсутствием четкого плана и сроков (просьбы к депутатам, к имеющим необходимые связи жильцам), отсутствием формализованного порядка (нет протоколов собраний, квитанций и иных документов);

4) отсутствие долгосрочной перспективы: в случае, если вместо представителей «группы бабушек» появятся новые жильцы, потенциально принадлежащие к «группе автомобилистов», на них места парковки не рассчитаны, не выделены;

5) некачественные контроль и распределение финансовых средств (деньги передаются на руки, нет возможности применения санкций для должников), отсутствие перспективы в случае увеличения расходов на парковку в целях улучшения ее качества (периодически возможны попытки увеличить сбор денежных средств с жильцов из «группы автомобилистов»);

6) возможны конфликты среди «бабушек» и «автомобилистов», т.к. произошло разграничение данных социальных групп, изначально относящихся к единой группе собственников жилья.

Сравнительный анализ двух моделей показал, что модель взаимодействия № 1 имеет определенные преимущества перед моделью № 2, т.к. имеет правовую основу для принятия решений. Документальное подтверждение важно в случае возникновения судебных исков. Модель № 1 преимущественно реализуется в новостройках. На практике, особенно в старых домах, чаще встречается организация территории по модели № 2.

Модель № 1 предполагала тесное взаимодействие с управляющей компанией, когда планировался более качественный и рациональный проект размещения парковки при участии специалистов (инженеров). В настоящее время территория уже занята, однако в долгосрочной перспективе при усилении недовольства части граждан, при осознании необходимости государственно-частного партнерства можно спрогнозировать постепенный переход на модель № 1.

Немаловажно и то, для чего использовалась фотография в данном исследовании, что показали фотоснимки в рамках визуальной социологии. Это позволило:

1) определить каким образом устанавливается порядок и согласованность взаимодействия (например, новый порядок организации про-

странства, наличие табличек с номерами автомобилей, наличие разных видов ограждений);

2) оценить качество пространственной среды и ее секьюритизацию (щебень, веревочные ограждения, замки);

3) выяснить, как индивиды ведут себя в определенных ситуациях (например, размещение автомобиля у подъезда, оставление автомобиля в неудобном месте на ночь);

4) определить, как проявляются ситуации нарушения порядка (нарушение параллельности парковки, занятие чужих мест);

5) выяснить, каким образом практики конструирования пространства передаются на большой территории (наблюдается аналогия организации пространства с соседними домами), а также, возможно, между поколениями автомобилистов;

6) выявить специфические детали (чертежование асфальта и щебня, высота ограды, качество ее окраски и т.д.).

Выводы

Для изучения автопарковки был использован анализ фотографий предметов как самостоятельный метод качественного социологического исследования в сочетании с блиц-опросом. В качестве примеров были приведены фотоснимки объекта исследования — автомобильной парковки (стоянки). Именно анализ фотодокументов как метод вследствие своей информативности помогает в исследовании в области визуальной социологии и социологии повседневности. Выбранный объект исследования требует дальнейшего социологического изучения, в частности, необходимы разные виды фотодокументов с фиксацией социальной коммуникации, а также важно сопоставление пространства автомобильной парковки с организацией придомового сада и детской площадки.

Список литературы

Антонова Н.Л., Ракевич Е.В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.

Баньковская С. Видеосоциология: теоретические и методологические основания // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 129–166.

Запорожец О. Визуальная социология: контуры подхода // ИНТЕР. 2007. № 4. С. 33–43.

Захарова Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 1. С. 147–161. URL:

http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2008_1/Zakhara va_2008_1.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

Звоновский В.Б. Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 4. С. 49–66. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2009_4/Zvonovskiy_2009_4.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

Колесниченко М.Б. Феномен визуализации в информационном пространстве // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: матер. XV (заочной) Всерос. науч. конференции, посв. памяти профессора З.И. Файнбурга. Ноябрь 2016 г. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2016. С. 134–139.

Коренная А.С. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации: сб. матер. XVII Междунар. науч.-практ. конференции. 23 декабря 2016 г. М.: Олимп, 2016. С. 558–560.

Онипко А.А. Использование фотографий в социологическом исследовании: возможности и ограничения // Дискуссия. 2015. № 6(58). С. 103–108.

Разинский Г.В., Геташвили М.А. Культура и патернализм: единство в противоречии // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 112–122.

Семенов С.А. Фотография как социальное явление // Системная психология и социология. 2014. № 4(12). С. 114–117.

Солдатова В.Ю. Интерпретативные теории как теоретический фундамент для визуальной социологии // ScienceRise. 2015. Т. 8, № 1(13). С. 98–104.

Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

Черноусова Л.Н. Социальное взаимодействие: понятие, уровни, методологические традиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–1. С. 214–216.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 168 с.

Получено 05.02.2018

References

Antonova, N.L., Rakevich, E.V. (2016). *Gorozhane kak sub'ekt formirovaniya imidzha goroda* [Citizens as the subject of city image forming]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiokogiya*

[Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2(26), pp. 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.

Bankovskaya, S. (2016). *Videosotsiologiya: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya* [Video-Sociology: Theoretical and Methodological Foundations]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 15, no. 2, pp. 129–166.

Chernousova, L.N. (2012). *Sotsial'noe vzaimodeystvie: ponyatie, urovni, metodologicheskie traditsii* [Social interaction: notion, levels, methodological traditions]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 12–1, pp. 214–216.

Kolesnichenko, M.B. (2016). *Fenomen vizualizatsii v informatsionnom prostranstve* [Phenomenon of visualisation in the information space]. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy. Materialy XV (zaochnoy) Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy pamyati professora Z.I. Faynburga* [Contemporary society: issues of theory, methodology, methods of social research. Materials of XV (correspondence) scientific conference, dedicated to the memory of Professor Z.I. Feinburg]. Perm, PNRPU Publ., pp. 134–139.

Korableva, G.B., Merenkov, A.V. (ed.) (2015). *Sotsial'noe prostranstvo sovremennoego goroda* [Social space of the modern city]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 252 p.

Korennyaya, A.S. (2016). *Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak obekt sotsiologicheskogo analiza* [Visual sociology: photography as the object of sociological analysis]. *Itogi nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti 2016: izobreteniya, metodiki, innovatsii. Sbornik materialov XVII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Results of research activities 2016: Inventions, techniques, innovations. Collection of the XVII International Scientific and Practical Conference materials]. Moscow, Olimp Publ., pp. 558–560.

Onipko, A.A. (2015). *Ispol'zovanie fotografiy v sotsiologicheskem issledovanii: vozmozhnosti i ograni-cheniya* [Use of photos in social research: opportunities and limits]. *Diskussiya* [Discussion]. No. 6(58), pp. 103–108.

Razinskiy, G.V., Getashvili, M.A. (2017). *Kul'tura i paternalizm: edinstvo v protivorechii* [Culture and paternalism: unity in contradiction]. *Vestnik PNRPU. Sotsial'-no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 3, pp. 112–122.

Semenov, S.A. (2014). *Fotografiya kak sotsialnoe yavlenie* [Photography as a social mirror]. *Sistemnaya psichologiya i sotsiologiya* [Systems Psychology and Sociology]. No. 4(12), pp. 114–117.

Soldatova, V.Yu. (2015). *Interpretativnye teorii kak teoretycheskiy fundament dlya vizual'noy sotsiologii* [Interpretive theories as the theoretical basis for the visual sociology]. *ScienceRise*. Vol. 8, no. 1(13), pp. 98–104.

Sztompka, P. (2007). *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya* [Visual Sociology: Photography as a Research Method]. Moscow, Logos Publ., 168 p.

Urry, J. (2012). *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond Societies]. Moscow, HSE Publ., 336 p.

Zaporozhets, O. (2007). *Vizual'naya sotsiologiya: kontury podkhoda* [Visual Sociology: Contours of the approach]. *INTER*. No. 4, pp. 33–43.

Zakharova, N.Yu. (2008). *Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza* [Visual Sociology: Photography as an Object of Sociologi-

cal Analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. XI, no. 1, pp. 147–161. Available at: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2008_1/Zakharova_2008_1.pdf (accessed 14.03.2018).

Zvonovskiy, V.B. (2009). *Sobstvennyy i pri-vlechenny opyt osvoeniya prostranstva* [Self and involved experience of space's assimilation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. XII, № 4, pp. 49–66. Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2009_4/Zvonovskiy_2009_4.pdf (accessed 14.03.2018).

Received 05.02.2018

Об авторах

Колесниченко Милана Борисовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и политологии

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: milana72000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1373-1948

Серебрянский Даниил Игоревич
соискатель кафедры экономики
и управления промышленным производством
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: daniil2105@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3792-7814

About the authors

Milana B. Kolesnichenko
Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology and Political Science

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milana72000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1373-1948

Daniil I. Serebryansky
Ph.D. Student of the Department of Economics
and Management of Industrial Production
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: daniil2105@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3792-7814

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колесниченко М.Б., Серебрянский Д.И. Исследование автопарковки с помощью визуальной социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 297–305.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-297-305

For citation:

Kolesnichenko M.B., Serebryansky D.I. Studying of a car park with visual sociology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 297–305. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-297-305

УДК 316.4.06

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-306-314

ЦЕНА РАЗВОДА: КАК ПОМОГАЮТ ДЕТИ СВОИМ ПОЖИЛЫМ РАЗВЕДЕННЫМ РОДИТЕЛЯМ?

Третьякова Екатерина Алексеевна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС

По мере сокращения численности населения России и его старения все большую актуальность приобретает вопрос о государственной поддержке пожилых. В мире используются различные подходы, которые объединяет стремление полагаться на частные сбережения, накопленные пожилыми людьми самостоятельно в течение трудовой жизни, и на помочь со стороны детей. В традиционных обществах внутрисемейные трансферты играют большую роль в благосостоянии пожилого населения, однако сегодня их значение снижается из-за действия ряда демографических и социальных факторов. В данном контексте встает вопрос, действительно ли дети поддерживают своих родителей? Особенную остроту он приобретает при рассмотрении взаимоотношений детей и родителей после развода, когда первые стоят перед выбором, кому им оказывать помощь — биологическим или социальным родителям?

Исследовательские вопросы, поставленные в данной работе: Помогают ли дети своим пожилым родителям в случае, если те разведены? Существует ли гендерная специфика? Какие факторы влияют на получение восходящих трансфертов пожилыми разведенными?

В исследовании использованы данные репрезентативного «Комплексного обследования условий жизни» (КОУЖ), проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2014 г. В обследовании приняло участие более 113 тысяч человек, из которых более 42,5 тысяч пенсионного возраста. В работе использованы методы — дескриптивные статистики и корреляционные таблицы.

Согласно результатам исследования разведенные пожилые получают поддержку в значительно меньшей степени по сравнению в лицами, состоящими в браке, и тем более с вдовыми. При этом существует значительный гендерный разрыв в получении поддержки разведенными лицами из-за того, что мужчины чаще теряют контакты со своими детьми. В особенности это касается нематериальной помощи, лишенными которой оказываются лица с наименьшим уровнем дохода и плохим состоянием здоровья, т.е. наиболее уязвимые группы граждан.

Ключевые слова: межпоколенные трансферты, разводы, лица пенсионного возраста, материальная помощь, семейные связи.

THE COST OF DIVORCE: HOW CHILDREN HELP THEIR ELDERLY DIVORCED PARENTS?

Ekaterina A. Tretyakova

Institute for Social Analysis and Forecasting, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In conditions of population aging and decreasing in number in Russia, the government support for the elderly is becoming more and more relevant. The government approaches vary in different countries, but they all rely on private savings accumulated during working life and also support of children. In traditional societies, family transfers play an important role in the welfare of the elderly population, but today their meaning is declining due to demographical and social factors. There arises a question if children really support their parents. Especially in the case of divorced parents, when children have to make a choice who to support — biological or social parents?

The questions under research in the current paper are: Do children help their divorced elderly parents? Is there any gender gap? Which factors impact on getting of upward transfers by the divorced elderly?

In the research, the author used data of representative «Comprehensive monitoring of living conditions of the population», conducted by Federal State Statistics Service in 2014. The sample includes more than 113 thousand of respondents, 42.5 thousand of which are over retirement age. The methods used in the paper are descriptive statistics and correlation tables.

According to the results of the study, divorced elderly get less support from their children than married and widowed respondents. There is also a significant gender gap in getting help by the divorced elderly, because men more often lose connection with their children after divorce. There is an obvious lack of intangible help, which is not sufficient for people with the lowest level of income and the worst health condition — the most vulnerable groups of population.

Keywords: intergenerational transfers, divorce, retired people, financial help, family connections.

Введение

На сегодняшний день актуальность проблемы межпоколенных трансфертов обуславливается двумя тенденциями: уменьшением среднего числа детей в семье, что означает сокращение числа кормильцев со временем, когда сегодняшние родители достигнут пенсионного возраста, а также ростом средней продолжительности жизни, что обуславливает не только увеличение срока, в течение которого пенсионеры нуждаются в поддержке, но и приводит к образованию многопоколенной семьи, в которой растет нагрузка на активное население средних лет. Все более распространенными становятся ситуации, когда лица трудоспособного возраста должны поддерживать и своих детей, и своих родителей.

В связи с этим встает вопрос, действительно ли дети поддерживают своих родителей? Особенную остроту он приобретает при рассмотрении ставших распространенными новых форм семьи, которые образуются в случае распада брака. Каких родителей должны поддерживать дети в случае смешанных семей, в которых родители с детьми после развода повторно вступили в брак: родных или социальных родителей?

Целью данного исследования является анализ трансфертов, которые получают пожилые разведенные лица от своих детей, а также факторов, влияющих на факт получения помощи, таких как пол, уровень дохода, состояние здоровья. В данной работе восходящие межпоколенные трансферты разделены на два типа: материальные (финансовая помощь, обеспечение продуктами) и нематериальные (помощь во время болезни, помощь по хозяйству).

В исследовании использованы данные «Комплексного обследования условий жизни» (КОУЖ), проведенного Росстата в 2014 г., в котором приняло участие более 113 тыс. чел., из них более 42,5 тыс. пенсионного возраста. В работе используется такие методы, как дескриптивные статистики и корреляционные таблицы.

Тема межпоколенных трансфертов была впервые поднята в 1958 г. американским экономистом П. Самуэльсоном [Samuelson P., 1958], который рассматривал трансферты как часть модели жизненного цикла. Основными факторами, влияющими на интенсивность и объем семейных трансфертов, являются возраст, пол, расстояние между местом жительства донора и реципиента, уровень дохода и образования, тип населенного пункта. Все перечисленные факторы относятся как к донорам, так и к реципиентам трансфертов. Согласно ряда исследований [Kotlikoff L.J., 1988; Lin I-Fen., 2008; Couch K. et al., 1999] поток трансфертов также во многом зависит от структуры домохозяйств и семейного положения получателей помощи: интенсивность потока, например, падает при снижении среднего размера домохозяйства и нуклеаризации семьи. Одинокие, разведенные и вдовы доноры трансфертов — в особенности женщины, как правило, чаще заботятся о своих родителях по сравнению с лицами, состоящими в браке [Sarkisian N., Gerstel N., 2004; Bracke P. et al., 2008]. Гораздо меньше исследований посвящено социально-демографическим факторам, определяющим интенсивность потока трансфертов, со стороны пожилых получателей поддержки. Можно выделить работу Антонусси и Акияма [Antonucci T.C., Akiyama H., 1987], согласно которой женщины имеют более обширную сеть контактов по сравнению с мужчинами, поэтому обладают большим количеством доноров как минимум нематериальной помощи.

Развод приводит к ослаблению связей между родителями и детьми, в особенности отцов и детей [Shapiro A., 2003]; в России это усугубляется тем, что после развода дети практически всегда остаются с матерью [Синявская О., Гладникова Е., 2007]. Согласно исследованию С. Корчагиной [Корчагина С.Г., 2010] в 1993–1998 гг., менее трети отцов поддерживали отношения со своими детьми после развода. При этом развод в значительно меньшей степени влияет на отношения между детьми и матерью [Townsend N.W., 2002]; данная гендерная дифференциация обуславливает

то, что в данном исследовании трансфертыные потоки, а также влияющие на них факторы рассматриваются отдельно для мужчин и для женщин.

В целом межпоколенные трансферты чаще рассматриваются с точки зрения таких факторов, как возраст, пол, уровень дохода и образования, тип населенного пункта, однако лишь единичные работы западных авторов касаются семейного положения получателей межпоколенных восходящих трансфертов. В России в контексте разводов внимание в большей степени уделяется проблемам одиноких матерей и психологического состояния детей, между тем долгосрочный эффект, оказывавший влияние на интенсивность потока трансфертов, остается за рамками научных исследований. Данная работа вносит вклад в изучение как меж-

поколенных трансфертов, так и последствий разводов, одновременно освещая, насколько государство может полагаться на помощь со стороны детей при разработке социальной политики в области поддержки пожилых лиц.

Старение населения и разводы

Согласно данным Росстата доля лиц пенсионного возраста в России в 2016 г. составляла 24,6 %, при этом постоянный рост данного показателя наблюдался на протяжении всего последнего столетия, что позволяет предположить дальнейший рост демографической нагрузки на трудоспособное население (рис. 1). Согласно прогнозам Росстата уже к 2031 г. эта доля может вырасти до 28,3 %.

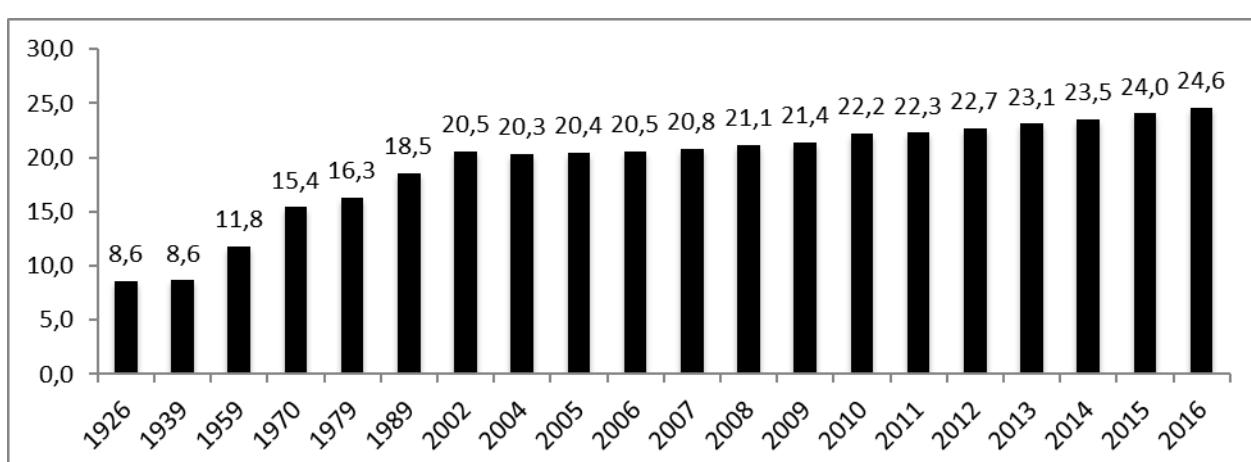

Рис. 1. Доля лиц старше трудоспособного возраста в России в 1926–2016 гг., %

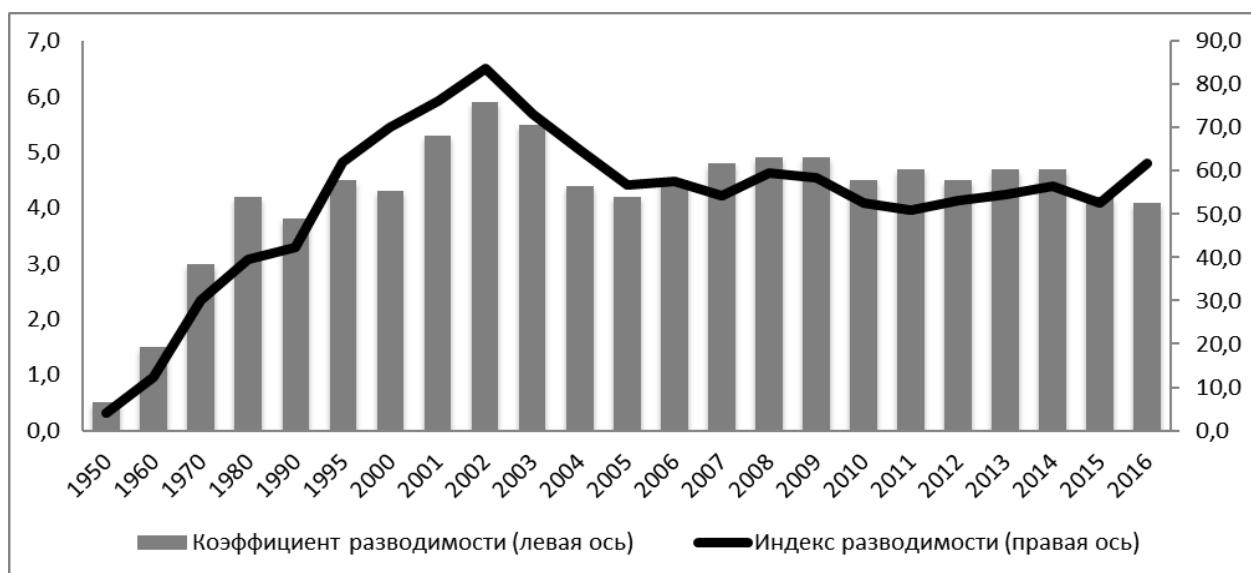

Рис. 2. Коэффициент разводимости (левая ось), % и индекс разводимости (правая ось), %. Россия, 1950–2015 гг.

Другой важный для настоящего исследования тренд — рост коэффициента разводов на протяжении второй половины XX в.; согласно данным Росстата на сегодняшний день коэффициент разводимости составляет 4,1 %, а на 100 браков приходится 61,7 разводов (рис. 2).

Изменения традиционного института семьи провели к тому, что 8,9 % лиц пенсионного возраста в России разведены (в данный показатель не включаются лица, создавшие новые семьи): так, в 2014 г., когда проводилось обследование КОУЖ, из 36 млн. лиц пенсионного возраста 3,2 млн были разведены. Это число будет существенно расти в ближайшем будущем, потому что в пенсионный возраст вступит значительная по численности когорта лиц, которые развелись в 1990-х гг. Этот рост в некоторой степени будет компенсироваться ростом количества повторных браков, однако окончательно нивелироваться не сможет.

Методология

Данное исследование основано на результатах опроса «Комплексное обследование условий жизни» (КОУЖ), проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2014 г. Главным достоинством данного опроса выступает масштаб его выборки: более 113 138 чел. в возрасте от 15 до 99 лет, 42 650 из которых достигли пенсионного возраста. Именно данная категория граждан — женщины в возрасте от 55 лет и мужчины в возрасте от 60 лет — является целевой выборкой настоящей работы. После развода дети живут отдельно как минимум от одного из родителей, поэтому для соописания получателей помощи в разных брачных статусах в исследовании рассматриваются только трансферты от детей, проживающих отдельно от родителей. В работе используются дескриптивные статистики и таблицы корреляции.

Анализ данных и результаты

Согласно анализа данных среди всех лиц пенсионного возраста 77 % проживают отдельно от своих детей, среди лиц, состоящих в браке, эта доля составляет 84,6 %, среди вдовцов — 73,4 %, среди разведенных — 69 %.

Женщины активнее, чем мужчины, участвуют в трансфертурном обмене, они чаще оказываются получателями как материальных, так и нематериальных трансфертов, нежели мужчины [Nauck B., Steinbach A., 2009]. Согласно данным КОУЖ, если среди женщин получение помощи от детей в большей степени уравнено по брачному статусу получателей, то среди мужчин наблюдается резкое снижение доли получателей помощи среди разведенных, разошедшихся, состоящих в незарегистрированном браке, а также никогда не состоявших в браке.

Среди лиц, состоящих в браке, практически не наблюдается гендерной дифференциации в получении денежной помощи: женщины получают ее в 24,8 % случаях, мужчины — в 26,1 % случаях. Очевидно, что лица, проживающие с партнером и состоящие в зарегистрированном браке, чаще, чем другие категории лиц, придерживаются мнения, что в оказании денежной помощи нет необходимости, так как они получают поддержку от партнера, соответственно этим объясняются относительно невысокий процент лиц, получающих помощь от детей. В отличие от женатых и замужних респондентов, среди разведенных наблюдается колоссальное гендерное различие: если пожилые женщины получают помощь относительно часто (36 % случаев), то лишь 17,7 % мужчин получает финансовую помощь от своих детей (табл. 1). Мужчины, связи которых с детьми после расторжения брака или расставания с партнершей слабее, чем у женщин, в меньшей степени получают денежную помощь от своих детей.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос о получении финансовой помощи от детей, проживающих отдельно, лицами пенсионного возраста, % по столбцу

Помощь	В браке		Вдовы		Разведенные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Получают	26,1	24,8	35,3*	40,9*	17,7*	36,0*
Не получают	46,7	46,9	42,7*	42,7*	58,8*	45,4*
Нет необходимости	27,2	28,3	22,0*	16,4*	23,5*	18,7*
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* — p < 0,01

Более того, среди пожилых мужчин доля лиц, получающих финансовую помощь, значительно сокращается по мере снижения уровня дохода: если среди респондентов, чей месячный среднедушевой доход домохозяйства составляет более 30 тыс. руб., 31,1 % лиц не получают денежную

помощь, то среди лиц с уровнем дохода менее 10 тыс. руб. эта доля существенно выше 71,9 % (рис. 3). Напротив, женщины с низким уровнем дохода, как правило, чаще получают денежную помощь по сравнению с более обеспеченными респондентками.

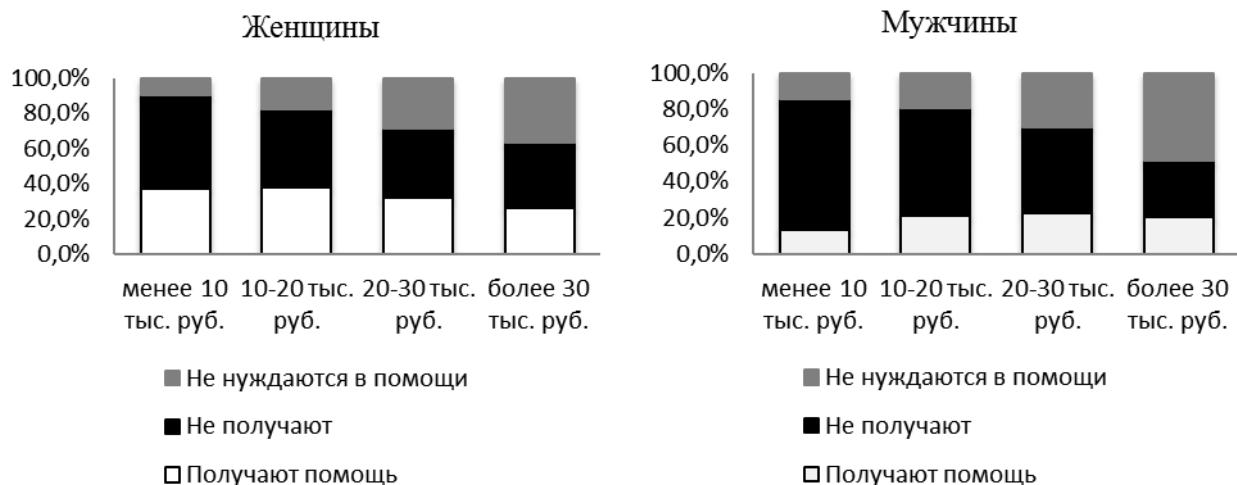

Рис. 3. Получение финансовой помощи разведенным пожилым от их детей, проживающих отдельно, в зависимости от среднедушевого дохода домохозяйства, %

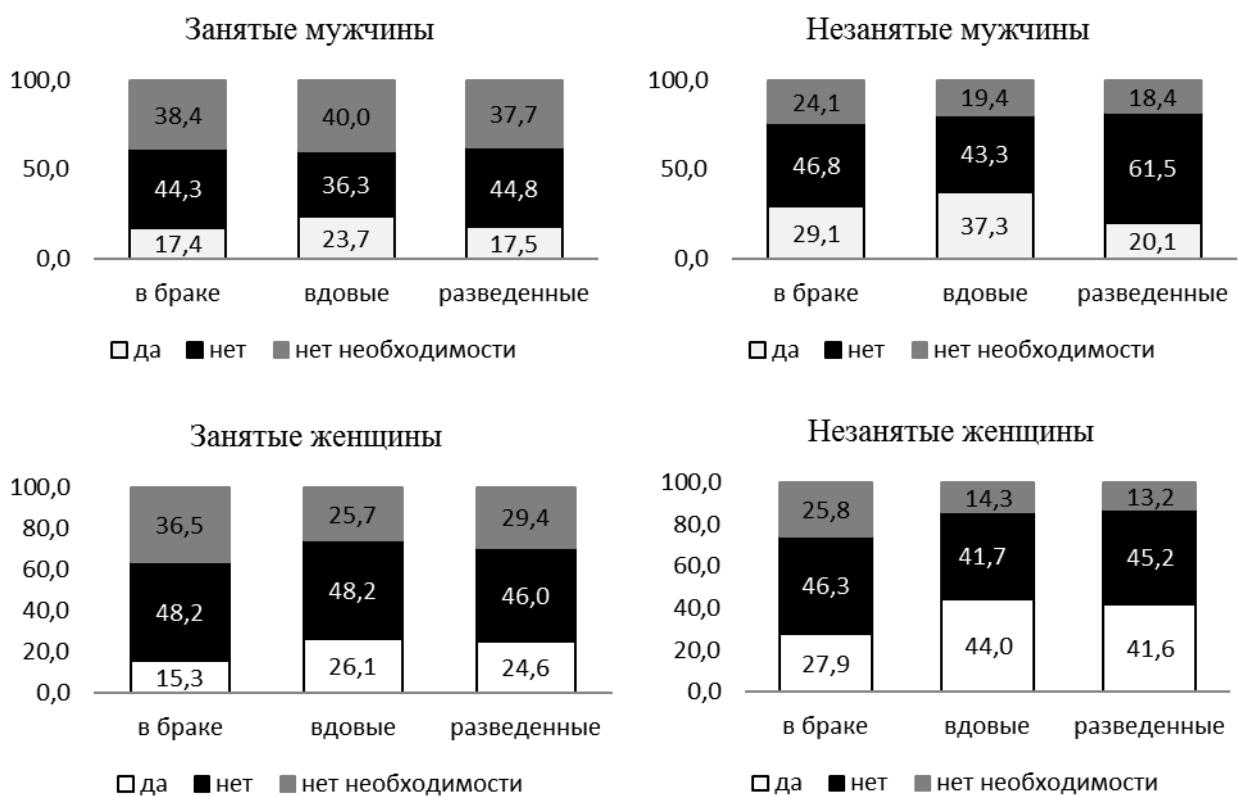

Рис. 4. Получение финансовой помощи разведенным пожилым от их детей, проживающих отдельно, в зависимости от статуса занятости, %

Также интересно сравнить получение денежной помощи работающими и неработающими пенсионерами: если среди занятых мужчин-пенсионеров доля тех, кто не получает финансую помощь, составляет 44,8 %, то среди незанятых мужчин, лишенных источника дохода, — 61,5 %. У женщин подобного различия не наблюдается: денежную поддержку не получают 46 % работающих женщин и 45,2 % незанятых женщин. То, что среди занятых женщин и мужчин наблюдается практически одинаковая доля не получающих денежной поддержки, объясняется более низкой долей работающих женщин, не считающих, что они нуждаются в помощи (29,4 % против 37,7 % у мужчин).

Таким образом, ослабление контактов мужчин и их детей после развода может приводить к эко-

номической изоляции наименее обеспеченных незанятых лиц.

Аналогичная гендерная дифференциация наблюдается при рассмотрении нематериальной помощи — помощи по хозяйству и уходу во время болезни. Если для лиц, состоящих в браке, гендерная разница в получении помощи по хозяйству составляет менее 1 п.п. (табл. 2), то для разведенных она увеличивается до 14,5 п.п. В случае получения ухода во время болезни помощь получают лишь 28,8 % мужчин и 48,8 % женщин, что существенно ниже, чем среди вдовых — как для мужчин, так и для женщин. В целом фактор «пол» оказывается незначимым для лиц в браке и обладает высокой значимостью для вдовых и, в особенности, разведенных.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о получении помощи по хозяйству и во время болезни от детей, проживающих отдельно лицами пенсионного возраста, % по столбцу

Помощь		В браке		Вдовые		Разведенные	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
По домохозяйству	Да	51,6	51,9	53,0**	57,9**	28,0*	44,3*
	Нет	30,3	29,8	32,6**	30,2**	51,5*	37,8*
	Нет необходимости	18,1	18,3	14,5**	11,9**	20,5*	18,0*
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Во время болезни	Да	49,5	49,1	57,3*	62,6*	28,8*	48,8*
	Нет	31,3	30,8	28,6*	26,3*	50,3*	34,2*
	Нет необходимости	19,3	20,1	14,0*	11,1*	21,0*	17,0*
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* — p < 0,01, ** — p < 0,05

Стоит отметить существенное гендерное распределение ролей в России [Макаренцева А.О. и др., 2017], которое обуславливает то, что оставшиеся без «помощников по хозяйству» мужчины вынуждены принять женскую роль, что может отрицательно сказаться на их психологическом состоянии (это усугубляется тем, что они были в прошлом женаты и привыкли к традиционному разделению ролей).

Получение нематериальной помощи следует рассматривать с точки зрения состояния здоровья пожилых. В данном случае также оказывается, что с ухудшением состояния здоровья доля лиц, не получающих помощь по хозяйству, снижается в случае женщин и практически не изменяется для мужчин. В результате 44,9 % мужчин с очень плохим состоянием здоровья не получают помощь по хозяйству со стороны детей, для женщин этот показатель составляет 22,1 %. Аналогично

мужчины со слабым здоровьем реже получают помощь во время болезни по сравнению с более здоровыми.

Далее рассмотрим причины, по которым лица пенсионного возраста не получают помощь от своих детей, проживающих отдельно от них. Согласно данным КОУЖ треть лиц пенсионного возраста не получают помощь от своих детей из-за отсутствия материальной возможности, 43 % — не считают помощь детей необходимой, 12 % считают, что дети не оказывают им помощь из-за нехватки времени, практически 10 % — из-за прекращения поддержания отношений с родителями. Если рассмотреть причины отсутствия помощи родителям в разрезе семейного положения респондента, то оказывается, что отсутствие оказания помощи вследствие прекращения отношений с детьми в большей степени распространено среди разведенных (23,9 %), разошедшихся

(20,6 %), а также среди лиц, состоящих в незарегистрированном браке (19,2 %). При этом данную причину указывают как основную при отсутствии оказания помощи лишь 4 % лиц, состоящих в зарегистрированном браке.

Среди разведенных главные причины неполучения помощи — материальное положение детей (27,5 %), отсутствие необходимости (36,7 %) и

потеря контактов с детьми (23,9 %) (табл. 3). Анализ ответов мужчин и женщин показал, что женщины в основном называют причинами финансовое положение детей, а также отсутствие необходимости в помощи, в то время как практически половина мужчин (49 %) указали главной причиной отсутствие контактов с детьми.

Таблица 3. Причины неполучения помощи разведенными лицами пенсионного возраста от их детей, проживающими отдельно, %

Пол	Материальное положение детей	Здоровье детей	У детей нет времени	В помощи нет необходимости	Отсутствие контактов с детьми	Итого
Мужчины	11,4	0,7	6,7	32,2	49,0	100,0
Женщины	35,9	2,8	11,5	39,0	10,8	100,0
Итого	27,5	2,1	9,9	36,7	23,9	

$p < 0,01$

Выводы

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно утверждать, что гипотеза о более слабой поддержке детьми своих родителей пенсионного возраста после развода, выдвинутая нами, подтверждается. В настоящее время более 10 % лиц пенсионного возраста разведены или разошлись с партнером, причем в будущем их доля будет возрастать, что обусловлено ростом разводов.

После развода дети чаще остаются с матерями, что нередко приводит к потере контактов между отцами и детьми уже в зрелом возрасте. Поэтому женщины получают как финансовую поддержку, так и нематериальную помощь гораздо чаще, чем разведенные мужчины.

В то же время государственная поддержка пенсионеров предполагает существенную помощь со стороны детей, поэтому в случае разведенных пожилые получают финансовые выплаты, недостаточные для обеспечения базовых потребностей (лишь 17 % пожилых разведенных мужчин получают помощь). Более того, на состояния пожилых может негативно сказываться отсутствие помощи по хозяйству и уходу во время болезни при недостаточной развитости услуг на дому, доступных группам лиц с низким уровнем дохода, и своеевременного и качественного медицинского ухода. Подобную помощь от своих детей получают лишь 28 % мужчин, при том, что среди лиц, состоящих в браке, половина получает эти виды поддержки. Все это происходит на фоне социальной изоляции пожилого человека, не нашедшего нового партнера

после развода и потерявшего контакты со своими детьми.

Более того, традиционная для России роль мужчины в качестве кормильца препятствует обращению отцов за финансовой помощью к своим детям даже в случае сильной нуждаемости. Именно в группе мужчин, уже оставивших рынок труда и имеющих наименьший уровень дохода, наблюдается наименее низкая доля тех, кто получает финансовую помощь от своих детей. Аналогично мужчины со слабым здоровьем реже получают помощь и по хозяйству и уход во время болезни сравнению с более здоровыми.

Менее интенсивный поток трансфертов между детьми и пожилыми разведенными отцами, а также указание отцами на отсутствие контактов с детьми в качестве главной причины неполучения помощи отражает ослабление связи между отцами и детьми после развода, которую описывали А. Шапиро [Shapiro A., 2003], О. Синявская и Е. Гладникова [Синявская О., Гладникова Е., 2007], С. Корчагина [Корчагина С.Г., 2010].

Данная работа раскрывает важную роль гендерного фактора, влияющего на трансферты потом: если пол практически не оказывает влияния на факт получения помощи пожилыми, состоящими в браке, то в случае с разведенным его значение существенно. Этот вывод подтверждает результаты, полученные Н. Таунзеном [Townsend N.W., 2002], который утверждал, что развод в значительно меньшей степени влияет на отношения между матерью и ребенком по сравнению с отношениями отца и ребенка.

В результате проведенного исследования выявлена потенциальная, увеличивающаяся численно группа риска, особенности которой следует учитывать при проведении социально-демографической политики. Показано, что пожилые разведенные мужчины получают в меньшей степени не только финансовую, но и нематериальную помощь, что ставит вопрос о необходимости развития сектора услуг по уходу на дому, а также о поддержке НКО, специализирующихся в данной области.

Список литературы

- Корчагина С.Г.* Диагностические методы изучения одиночества // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2010. № 1. С. 52–62.
- Макаренцева А.О., Бирюкова С.С., Третьякова Е.А.* Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 97–114.
- Синявская О., Гладникова Е.* Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов // Demoscope Weekly. 2007. № 287–288. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/tema01.php> (дата обращения: 05.11.2017).
- Antonucci T.C., Akiyama H.* An examination of sex differences in social support among older men and women // *Sex Roles*. 1987. № 17. P. 737–749.
- Bracke P., Christiaens W., Wauterickx N.* The pivotal role of women in informal care // *Journal of Family Issues*. 2008. Vol. 29. P. 1348–1378.
- Couch K., Daly M., Wolf D.* Time? Money? Both? The Allocation of Recourses to Older Parents // *Demography*. 1999. Vol. 36(2). P. 219–232.
- Kotlikoff L.J.* Intergenerational transfers and savings // *The Journal of Economic Perspectives*. 1988. Vol. 2(2). P. 41–58.
- Lin I-Fen.* Consequences of Parental Divorce for Adult Children's Support of Their Frail Parents // *Journal of Marriage and Family*. 2008. Vol. 70(1). P. 113–128.
- Nauck B., Steinbach A.* Intergenerational relationships // *Working Paper Series des Rates für Sozial und Wirtschaftsdaten*. 2009. No. 116. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/75346/1/634481819.pdf> (accessed: 05.11.2017).
- Samuelson P.* An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. P. 467–482.
- Sarkisian N., Gerstel N.* Explaining the gender gap in help to parents: The importance of employment // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. P. 431–451.
- Shapiro A.* Later-life divorce and parent–adult child contact and proximity: A longitudinal analysis // *Journal of Family Issues*. 2003. Vol. 24. P. 264–285.
- Townsend N.W.* The package deal: Marriage, work, and fatherhood in men's lives. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2002. 248 p.
- Получено 08.11.2017*

References

- Antonucci, T.C., Akiyama, H. (1987). An examination of sex differences in social support among older men and women. *Sex Roles*. No. 17. pp. 737–749.
- Bracke, P., Christiaens, W., Wauterickx, N. (2008). The pivotal role of women in informal care. *Journal of Family Issues*. Vol. 29, pp. 1348–1378.
- Couch, K., Daly, M., Wolf, D. (1999). Time? Money? Both? The Allocation of Recourses to Older Parents. *Demography*. Vol. 36(2), pp. 219–232.
- Korchagina, S.G. (2010). *Diagnosticheskie metody izucheniya odinochestva* [Diagnostic methods of studying solitude]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremenном obshchestve* [Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World]. No. 1, pp. 52–62.
- Kotlikoff, L.J. (1988). Intergenerational transfers and savings. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 2(2), pp. 41–58.
- Lin, I-Fen. (2008). Consequences of Parental Divorce for Adult Children's Support of Their Frail Parents. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70(1), pp. 113–128.
- Makarentseva, A.O., Biryukova, S.S., Tretyakova, E.A. (2017). *Predstavleniya muzhchin i zhenschin o zatratakh vremeni na rabotu po domu* [Perceptions of time spent on housework among men and women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 2, pp. 97–114.
- Nauck, B., Steinbach, A. (2009). Intergenerational relationships. *Working Paper Series of the Council for Social and Economic Data*. No. 116. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/75346/1/634481819.pdf> (accessed 05.11.2017).
- Samuelson, P. (1958). An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money. *Journal of Political Economy*. Vol. 66, pp. 467–482.
- Sarkisian, N., Gerstel, N. (2004). Explaining the gender gap in help to parents: The importance of employment. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66, pp. 431–451.

Shapiro, A. (2003). Later-life divorce and parent-adult child contact and proximity: A longitudinal analysis. *Journal of Family Issues*. Vol. 24, pp. 264–285.

Sinyavskaya, O., Gladnikova, E. (2007). *Vzroslye deti i ikh roditeli: intensivnost' kontaktov* [Adult children and their parents: the intensity of contacts]. *Demoscope Weekly*. No. 287–288. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0287/tema01.php> (accessed 05.11.2017).

Townsend, N.W. (2002). *The package deal: Marriage, work, and fatherhood in men's lives*. Philadelphia, Temple University Press, 248 p.

Received 08.11.2017

Об авторе

Третьякова Екатерина Алексеевна
научный сотрудник

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС,
119034, Москва, Пречистенская наб., 11;
e-mail: tretyakova-ea@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-7008-288X

About the author

Ekaterina A. Tretyakova
Researcher

Institute for Social Analysis and Forecasting,
the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
11, Prechistenskaya emb., Moscow, 119034, Russia;
e-mail: tretyakova-ea@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-7008-288X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Третьякова Е.А. Цена развода: как помогают дети своим пожилым разведенным родителям? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 306–314.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-306-314

For citation:

Tretyakova E.A. The cost of divorce: how children help their elderly divorced parents? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 2. P. 306–314. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-306-314

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала **«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»** (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки **«IPRbooks»**, **«Университетская библиотека on-line»**, **«КиберЛенинка»**, **«Руконт»**, в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу **не допускаются**. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, р. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20 источников**.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 *в алфавитном порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страницы точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatschi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. & Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow, Akademiya Publ., 176 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrraslei i konkurentov*. Per. s angl. 3-e izd. [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962). *Psichologicheskiy analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenochnoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие: *Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrayny: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Faizal, M. (2016). Time crystals from minimum time uncertainty. *The European Physical Journal*. No. 1. Available at: <http://www.linc.springer.com> (accessed 22.02.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК**;
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Key words*;
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора:** **ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2018 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2018 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	28 июня
в № 3 — до 01 августа	27 сентября
в № 4 — до 01 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редакции:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the ***Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology (ISSN 2078-7898)*** invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophy, 19.00.00 Psychology, 22.00.00 Sociology.

The Editorial Board of the journal receives original papers in Russian and in English according to study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

- 09.00.01 Ontology and Epistemology
- 09.00.11 Social Philosophy
- 09.00.03 History of Philosophy
- 09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

- 19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

- 22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes
- 22.00.08 Sociology of Management
- 22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases ***Ulrich's Periodicals Directory*** and ***EBSCO Discovery Service***, in the digital library ***IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»*** and ***national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»***.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use ***boldface*** or ***italic***. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there are observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following **parts**:

- introduction;
- principal content (we recommend subdividing the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has to include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. & Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2018.

Submission deadlines in 2018

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 28
No 3 August 1	September 27
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2018
Выпуск 2

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.06.2018
Дата выхода в свет 29.06.2018
Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 17,1
Тираж 500 экз. Заказ 152

Редакционная коллегия выражает благодарность
за финансовую помощь в издании научного журнала
ООО «Агентство “Медиаинформ”»,
ОАО «ROSSET»

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке